

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИБИРЬ

ЯРОСЛАВ ЗОЛОТАРЕВ

Ярослав Золотарёв

Революционная Сибирь

«Автор»

2026

Золотарёв Я.

Революционная Сибирь / Я. Золотарёв — «Автор», 2026

31 мая 1918 года над Томском подняли бело-зелёный флаг. У Сибири появились своя дума и своё правительство. Через полгода их не стало. Эта книга о том, как Сибирь семнадцать лет пыталась управлять собой сама. Красноярская и Читинская республики 1905 года, первые в России всеобщие выборы с участием женщин, Сибирская областная дума, партизанские республики, восстание 1921 года под лозунгом «Советы без коммунистов». Здесь нет ни красной, ни белой легенды: есть эсеры и областники, атаманы и каратели, анархисты и мужики, которые воевали против Колчака, а потом против ревкомов. Последняя часть книги спрашивает: что, если бы Сибирь стала по итогам гражданской войны независимой? Три правдоподобные развилки — 1918, 1919 и 1921 годов — и честный ответ, почему все три раза она такой не стала. Революция в Сибири не была копией петроградской — у неё был свой голос и свой проект. Четвёртый том серии «Сибирский социализм».

© Золотарёв Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	6
0.1. Бело-зелёный флаг над Томском	6
0.2. Что такое сибирский социализм	8
0.3. Как мы смотрим	10
0.4. Чему верить	12
0.5. Как устроена книга	14
Глава 1. Сибирь на рубеже веков: железная дорога и рента	16
1.1. Транссиб: дорога, которую ждали	16
1.2. Переселение и «излишки»	18
1.3. Тарифный перелом и сибирское масло	20
1.4. Иностранный капитал: «Лензото», «Копикуз», Риддер	22
1.5. Город, ссылка, университет	24
Глава 2. Подполье: ссыльные, эсеры, эсдеки, анархисты	27
2.1. Ссылка как университет революции	27
2.2. Сибирский социал-демократический союз	29
2.3. Сибирский союз эсеров	31
2.4. Первые анархисты	33
2.5. Русско-японская война и Сибирь	35
Глава 3. 1905: Сибирские республики	37
3.1. Октябрьская стачка на магистрали	37
3.2. Томский погром 20 октября	39
3.3. Красноярская республика	41
3.4. Читинская республика	43
3.5. Владивосток и солдатские бунты	45
Глава 4. Каратели и подполье после 1905 года	47
4.1. Поезда Меллер-Закомельского и Ренненкампа	47
4.2. Военно-полевые суды и каторга	49
4.3. Боевая работа, экспроприации и «псевдоэсеры»	51
4.4. Думы и закон 3 июня: Сибирь лишают голоса	54
Глава 5. Областники и народы: 1905–1914	57
5.1. Томский съезд 1905 года и проект Сибирской областной думы	57
5.2. Раскол Сибирского областного союза	59
5.3. Бурятские съезды и Хоринская дума	61
5.4. «Союз якутов» и бурханизм	63
5.5. Столыпин в Сибири: отрезки у бурят и хакасов	65
Глава 6. Лена и война	67
6.1. Ленский расстрел 1912 года	67
6.2. Рабочее движение 1912–1914 годов	69
6.3. Мобилизация и волнения запасных 1914 года	71
6.4. Военнопленные, беженцы, цены	73
6.5. Кооперация: Закупсбыт и маслоделы — сибирская экономика без государства	75
Глава 7. Февраль в Сибири: комитеты и советы	78
7.1. Томск, 3 марта	78
7.2. КОБы: кто правил	80

7.3. Советы рабочих и солдатских депутатов	82
7.4. Двоевластие по-сибирски: «слияние» властей	84
7.5. Правительственные комиссары	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ярослав Золотарёв

Революционная Сибирь

Введение

0.1. Бело-зелёный флаг над Томском

Утром 31 мая 1918 года Томск проснулся без советской власти. Ночью губисполком погрузился на пароходы и ушёл вниз по Томи — вместе с венгерским отрядом интернационалистов, пулемётами и полумиллионом рублей из сейфа. Меншевикам, которым передали город, об этом сообщили по телефону в два часа ночи. К восьми утра новость облетела Томск. День выдался тёплый и солнечный, цвела черёмуха. Мальчишки-разносчики продавали за пятнадцать копеек, вдвое дешевле обычного, экстренный выпуск «Сибирской мысли» со статьёй «Да здравствует народоправие», а в придачу раздавали последний номер большевистского «Знамени революции» с заголовком о том, что советская власть никогда ещё не стояла «так прочно и незыблемо, как теперь» (Помозов 2017, с. 29–32).

Главная толпа собралась у городской управы на углу Почтамтской улицы и Ямского переулка. Здесь заседали представители демократических партий, сюда прямо из тюрьмы пришли члены Западно-Сибирского комиссариата — эсеры, уполномоченные Временного Сибирского правительства, которое в январе избрала на тайном заседании разогнанная большевиками Сибирская областная дума. На балконе управы чьи-то руки укрепили два знамени. Одно было красным эсеровским, с лозунгами «В борьбе обретишь ты право своё» и «Земля и воля». Другое — бело-зелёным, флагом сибирской автономии: белое — снега, зелёное — тайга, как определила его ещё в августе 1917 года областническая конференция в том же Томске (Помозов 2014, с. 61–64; Помозов 2017, с. 29–32). Добровольцы, строившиеся вдоль улицы, носили бело-зелёные повязки на рукавах. По листовке, которую раздавали с крыльца, власть переходила к «Временному правительству автономной Сибири» до «восстановления выборных демократических учреждений» (Помозов 2014, с. 13–16).

Мы начинаем книгу с этого утра потому, что в нём, как в капле, видна вся сибирская революция — с её надеждами и с тем, что эти надежды погубило. Под одним балконом стояли люди, которые через полгода окажутся по разные стороны. В Кафедральном соборе в два часа дня служили благодарственный молебен, и после крестного хода черносотенцы сбивали шапки с прохожих, недостаточно, на их взгляд, благочестивых. К управе подъехал в открытом автомобиле руководитель подпольной офицерской организации полковник Н. Н. Сумароков — в парадном мундире с золотыми погонами, которые после Февраля были запрещены. Вечером в город вошли около пятисот чехословацких легионеров, и томички забрасывали их черёмухой (Помозов 2017, с. 29–33). А на окраинах и в рабочих кварталах в те же часы шли обыски и аресты. Только в первые дни в Томске и окрестностях арестовали 1485 человек; следственная комиссия за июнь освободила 634 из них как невиновных (Помозов 2017, с. 59–60). 1 июня на другом берегу Томи нашли изуродованные тела двух подпольщиков, поручика С. К. Прохорова-Кондакова и священника Н. Златомрежева, казнённых при отступлении красных (Помозов 2017, с. 49–51), а в Новониколаевске пятерых арестованных членов совдепа застрелили «при попытке к бегству» (Помозов 2017, с. 54–58). Гражданская война в Сибири начиналась с расправ с обеих сторон, и мы не станем выбирать, чьи покойники нам дороже.

За две недели до томского праздника похожий праздник прошёл в Хельсинки. 16 мая 1918 года войска генерала Маннергейма парадом вошли в финскую столицу: цветы, молебны,

благодарственные речи. Финская гражданская война длилась всего три с половиной месяца, но её итог оказался страшнее самой войны: в лагеря для пленных красных попали около 80 тысяч человек, и свыше 12 тысяч из них умерли от голода и болезней уже после победы. Финская буржуазия праздновала «освобождение» так же искренне, как томская, — и так же быстро забыла, что освобождение одних означало тюрьму для других. Разница в другом. Финляндия после белой победы сохранила парламент и уже в 1919 году приняла республиканскую конституцию, а сибирская демократия не продержалась и полугода: как мы расскажем в главе 14, Сибирская областная дума была распущена 10 ноября 1918 года.

Знамёна на балконе управы провисели недолго. Томские торговцы и промышленники согласились дать городу кредит в три миллиона рублей, но с условием: снять все красные флаги, в том числе и те, что вывесили эсеры и меньшевики в честь своего возвращения. Условие с трудом, но приняли, и вскоре на административных зданиях Томска остались только бело-зелёные полотнища (Помозов 2017, с. 38–44). В этом маленьком торге — вся история сибирской автономии 1918 года: красное сняли ради денег, а под бело-зелёным стали собираться и те, кому областничество было лишь удобной вывеской. Но кто были люди, поднявшие этот флаг первыми? Почему их называли «буржуазными сепаратистами», если почти все они были социалистами и вышли из той же среды, что эсеры, кооператоры и земские деятели? Чтобы ответить, нужно объяснить, что мы называем сибирским социализмом.

0.2. Что такое сибирский социализм

21 сентября 1915 года в Томске праздновали восьмидесятилетие Григория Николаевича Потанина. Старик, полвека назад осуждённый по делу о «сибирском сепаратизме», сказал на юбилее слова, которые областники потом повторяли как символ веры: «Пусть каждая область зажжёт своё солнце, и вся страна будет иллюминирована» (Помозов 2014, эпиграф). Через два года, в 1917-м, эти слова перестали быть юбилейной метафорой. Сибирь попыталась зажечь своё солнце — и в этой книге мы рассказываем, как это было и почему не получилось. Но сначала нужно объяснить, что за идея стояла за бело-зелёным флагом, и почему мы называем её сибирским социализмом.

В основе этой идеи лежит простая модель, которую сами областники вывели из сибирской жизни. Сибирь не знала помещика и крепостного права. Её крестьянин-старожил — чалдон — был хозяином своей земли и своего труда, а реальной властью в деревне был не чиновник за тысячи вёрст, а мир: сход, который делил покосы, раскладывал повинности, судил, принимал в общество и изгонял из него. Потанин любил говорить, что Сибирь — мужицкая страна, и эта формула схватывала главное: общество, где трудовое происхождение было не пятном, а основой уважения, где не было паразитического сословия, жившего чужим трудом, и где люди привыкли решать свои дела сами. Рядом жили коренные народы со своими традициями взаимопомощи — эвенкийским нимат, общим котлом, родовыми сходами, — и лучшие из областников видели в них не «дикарей», а таких же носителей общинной самостоятельности. Из этой почвы и выросло областничество как региональная социалистическая идеология (подробно об этом — в первом томе).

У этой идеи есть важная для нас родословная. В 1858 году молодой Потанин познакомился в Томске со ссыльным Михаилом Бакуниным. Мы не беремся утверждать, что Бакунин «создал» областничество, но одно бесспорно: именно у Бакунина федерализм был не административной схемой, а принципом свободы — союзом, который строится снизу вверх, от общины к области и от области к стране, по добровольному согласию, а не по указу из столицы. Эта мысль и стала нервом областнической программы. Через Бакунина, а позднее через Кропоткина, который в 1860-е годы изъездил Сибирь и вынес оттуда убеждение, что взаимопомощь сильнее государственного принуждения, сибирское областничество оказывается родственным анархистской традиции. Отсюда и характер сибирского социализма: он либертарный. Это не социализм министерств и планов, а социализм свободной ассоциации производителей — ближе к Прудону, к кооператорам и к раннему Марксу, чем к государственному социализму, который в итоге победил в России.

Если свести эту традицию к формуле, у неё было три черты. Первая — самоуправление снизу: сход, земство, кооперация. К 1918 году сибирский Закупсбыт объединял 28 союзов и более двух миллионов членов (История Сибири, т. 3, с. 436–497) — это была целая экономика, построенная без помещика, без казны и почти без банка. Вторая — федерализм: в августе 1917 года областническая конференция потребовала для Сибири той полноты законодательной, исполнительной и судебной власти, «каковой обладают отдельные штаты» в федеративных государствах, и тут же оговорила, что не посягает на целостность Русской республики (Помозов 2014, с. 61–64). Третья — понимание Сибири как колонии: со времён книги Ядринцева «Сибирь как колония» (1882) областники доказывали, что центр забирает сибирское сырьё, деньги и людей, а взамен присылает чиновников, ссыльных и запреты — от Челябинского тарифного перелома до отмены порто-франко во Владивостоке.

Отсюда понятно, почему в 1917–1918 годах политическую жизнь Сибири определяли левые. В Сибирскую областную думу избирались эсеры, социал-демократы, областники, представители национальных групп и кадеты; правых в ней не было. Когда 10 ноября 1918 года

дума собралась на последнее заседание, в ней было четыре фракции — эсеры, областники, социал-демократы и национальные меньшинства (Помозов 2017, с. 15–18). Областники 1917 года — молодые Михаил Шатилов, Александр Новосёлов, Иван Якушев — были эсерами или стояли рядом с ними. Правые в Сибири не имели ни избирателей, ни программы, ни массовой опоры; их сила была в штыках отдельных офицеров и атаманов, которые больше вредили белой власти, чем помогали ей. Председатель Совета министров П. В. Вологодский записывал в дневнике, что «сплошные порки со стороны анненковцев в Славгородском уезде совершенно дискредитировали нашу власть» (Вологодский, запись 29 сентября 1919 г.), а монархических выходок офицеров, требовавших играть «Боже, царя храни», боялся как угрозы самому правительству. Советская историография раздувала их роль, чтобы представить всех противников большевиков «монархистами» и «реставраторами», а нынешняя консервативная публицистика раздувает её снова, потому что ищет в Гражданской войне собственных предков. Ни те, ни другие не замечают, что настоящими противниками большевиков в Сибири были не монархисты, а другие социалисты.

Поэтому сибирская революция — не провинциальный вариант петроградской. У неё была своя повестка: областная дума вместо диктатуры центра, земство и народные собрания вместо назначенных комиссаров, кооперация вместо реквизиций. В апреле 1917 года Томская губерния одной из первых в стране провела всеобщие выборы в народные собрания — с участием женщин и солдат, — не дожидаясь указаний из Петрограда; об этом мы расскажем в главе 8. Но у этой повестки была и роковая слабость. В Сибири почти не было развитой промышленности: ни собственного военного производства, ни крупного рабочего класса, ни финансового центра. Сибирь могла прокормить себя и армию, но не могла себя вооружить, и это, как мы покажем в главе 30, стало одной из главных причин, почему она проиграла Москве. Что стало с этой традицией потом — как советская индустриализация наложила на неё новый, заводской и шахтёрский, слой, — тема шестого тома.

Сибирские областники были не одиноки. Весной 1917 года в Киеве собралась Украинская Центральная рада — тоже парламент, где тон задавали социалисты: украинские эсеры и социал-демократы. Её вдохновитель Михаил Драгоманов ещё в XIX веке, как и Потанин, мечтал не об отделении, а о «вольном союзе» автономных земель; и Рада в ноябре 1917 года провозгласила Украинскую народную республику частью федеративной России. Судьба Рады оказалась пророческой для Сибири: 29 апреля 1918 года её разогнали не большевики, а свои же правые при поддержке германских штыков, поставив гетманом генерала Скоропадского. Сибирскую областную думу ждало то же самое: её погубили не враги социализма извне, а собственная военная сила, которая сочла социалистов помехой. Как люди, поднявшие бело-зелёный флаг, оказались между красными и белыми — и с какой точки зрения мы будем на это смотреть, — речь пойдёт дальше.

0.3. Как мы смотрим

В 1923 году петроградское издательство «Былое» выпустило книгу Евгения Колосова «Сибирь при Колчаке». Автор был эсером и младообластником, в 1917 году редактировал в Красноярске газету «Наш голос», спорил в ней и с большевиками, и с анархистами, а в 1919-м готовил в Иркутске восстание против Колчака. Книга вышла в советском городе, но написана она не по-советски: в ней колчаковский террор описан во всех подробностях, а партизанские республики показаны как творчество самой деревни, а не как плод руководства какой-либо партии. Через несколько лет такую книгу издать было уже нельзя, а сам Колосов был расстрелян большевиками. Его голос — голос тех, кто воевал против белых не ради красных, — выпал из истории. Ни одна из победивших версий прошлого в нём не нуждалась.

Таких версий две, и обе живы. Первую создала советская историография. В ней все противники большевиков сливаются в одну «контрреволюцию»: областники — «буржуазные автономисты», эсеры — «соглашатели» и «пособники Колчака», а сам Колчак — монархист и реставратор помещичьей власти, хотя помещиков в Сибири никогда не было. Партизаны в этой версии — сознательные борцы под руководством большевистского подполья, а всё, что в их истории не укладывалось в схему, от анархистских знамён до восстаний против советской власти в 1920–1921 годах, либо замалчивалось, либо объявлялось «бандитизмом». Вторую версию создаёт нынешняя консервативная публицистика. Она переворачивает первую, не меняя её устройства: теперь Колчак — православный подвижник и «верховный правитель России», белые — спасители порядка, партизаны — сплошь уголовники, а террор существовал только красный. Обе версии сходятся в главном: в Гражданской войне было две стороны, и одна из них — государство, которое следовало восстановить. Третья сторона — Сибирь, которая хотела жить своим умом, — в обеих не помещается.

Особенно наглядно это видно на судьбе областников. Их искажают с двух сторон до неузнаваемости. Советские историки записали их в буржуазные сепаратисты; нынешние правые и часть либералов, напротив, лепят из Потанина то русского патриота-государственника, то провинциального просветителя, мечтавшего о сибирском капитализме. Но стоит открыть программы областников 1905 и 1917 годов, чтобы увидеть другое: земское и общинное самоуправление, федерацию снизу, кооперацию, права «иностранцев» и союз с эсерами. Областники не были анархистами, и мы не станем их в анархисты записывать. Но в споре либерализма и социализма они стояли на стороне социализма, а внутри левого лагеря — ближе к нам, чем к государственным, потому что ставили в центр не власть, а самоуправление. Подробно это разобрано в первом томе, здесь же нам важно одно: мы наследники этой традиции и смотрим на революцию её глазами.

Что это значит на практике? Во-первых, главным героем книги будут не партии и не генералы, а сибирское общество, которое пыталось управлять собой: народные собрания 1917 года, земства, кооперативы, сельские сходы, партизанские съезды. Во-вторых, мы не ищем середину между тем, кто грабил, и тем, кого грабили. Если атаман порет крестьян, а продотряд выгребает хлеб, мы не станем объяснять это «логикой эпохи». В-третьих, мы не прячем своих симпатий: они на стороне областников, эсеровской деревни, земцев и партизанских съездов — всех, кто хотел, чтобы Сибирь решала сама, — а не на стороне власти, приходившей «наводить порядок», какого бы цвета ни были её погоны. Тяжёлые страницы своей стороны мы не размазываем по всей книге, а разбираем там, где им место: бессилие эсеров в 1918 году — в главе 14, Кузнецк — в главе 21. В-четвёртых, мы опираемся на источники всех сторон: белых — дневник председателя колчаковского Совета министров Вологодского и записки управляющего делами Гинса, эсеровских — Колосова, советских — для фактов, но не для оценок. Сравнивая их, легче увидеть, где говорит событие, а где — легенда.

Похожее искажение пережил в те же годы один мексиканский революционер. Рикардо Флорес Магон начинал как либерал, но к 1911 году его Мексиканская либеральная партия под лозунгом «Земля и свобода» стала по сути анархистской: она звала не к смене президента, а к общинной земле и к жизни без государства. Магон воевал против диктатуры Диаса, потом против Мадеро и Каррансы, а умер в 1922 году в американской тюрьме Ливенворт, куда попал за антивоенную агитацию. Победившая мексиканская революция, построившая государство одной партии, сделала из него «предтечу» — и в 1945 году торжественно перенесла его прах в столичную Ротонду выдающихся людей. Анархист, отвергавший любую власть, стал иконой той самой власти, против которой воевал; само название его партии позволяло представить его просто «либералом». С сибирскими областниками случилось похожее: их имена удобно подогнать под любую идеологию, если не читать того, что они писали. Мы будем читать.

Но читать — значит знать, что именно читать, и понимать, чему можно верить. Какие источники лежат в основе этой книги, с чем мы спорим и почему одни свидетельства весят больше других, — об этом следующий разговор.

0.4. Чему верить

6 июня 1918 года Пётр Васильевич Вологодский сидел в своей омской квартире и боялся выйти на улицу. Он был томичом: сын священника из большого чулымского села Краснореченского, двадцать лет присяжный поверенный в Томске, гласный городской думы, областник с потанинских времён. Летом 1917 года Временное правительство назначило его старшим председателем Омской судебной палаты, а в декабре большевики палату упразднили, и бывший высший судья Степного края остался в Омске частным человеком. Под Омском уже несколько дней шли бои. Из Томска и Новониколаевска доходили слухи, что большевиков там свергли. В его квартиру «насильственно вселили» большевичку, которая вернулась с фронта «удручённая и подавленная». В тот вечер он записал: «Решил вести дневник... Мы живём, очевидно, накануне больших событий». На следующий день большевики бежали из города на пароходах. С палубы кричали «до свиданья, а не прощайте», а на улицах «ура» встречали чехов. Будущий глава Сибирского правительства записал, что поспешное бегство произвело на него «удручающее впечатление», и назвал его «одним из тяжёлых явлений гражданской войны» (Вологодский, 25.05(07.06).1918). Вологодский вёл дневник без перерыва семь лет: в Омске, на посту председателя колчаковского Совета министров, а потом в эмиграции. Последняя запись сделана в Харбине 7 августа 1925 года, за два месяца до смерти. Это главный источник книги. Ценен он не талантом автора, а тем, что записи делались в тот же день, сухо и подробно, человеком, который не знал, чем всё кончится. Одну оговорку надо сделать сразу. Записи 1918–1919 годов Вологодский позже сам переписал в чистовые тетради, кое-что уточнил и поправил. Поэтому дневник — не стенограмма, а почти сразу отредактированный документ, и мы цитируем его по датам записей, сверяя с изданием 2006 года.

Вологодскому мы противопоставляем двух свидетелей, которые смотрят на те же события из других углов. Первый — Георгий Гинс, управляющий делами Сибирского правительства, а затем колчаковского Совета министров. В 1921 году он выпустил в Пекине двухтомник «Сибирь, союзники и Колчак». Гинс был противником и эсеров, и большевиков, держался «всероссийской» линии, и его оценкам мы не доверяем. Зато фактам — составам правительств, датам, текстам законов — доверяем, и особенно его признаниям, когда он невольно свидетельствует против своих. Так, он передаёт слова семиреченских крестьян, что атаман Анненков для них — «гроза крестьянства» (Гинс, ч. II, гл. XXIII, «Атаман Анненков»). Второй свидетель — Евгений Колосов, о котором шла речь выше. Его «Сибирь при Колчаке» написана в Петрограде к декабрю 1922 года, и это голос снизу и слева: земца, эсера, подпольщика. Когда три таких разных человека — премьер, его управделами и его противник — описывают одно событие одинаково, событию можно верить. Когда они расходятся, само расхождение становится материалом для анализа.

Сибирская революция начиналась в Томске, и томская история 1917–1918 годов дошла до нас прежде всего через газеты и архив. Их мы читаем глазами томского исследователя Олега Помозова. В его книгах «День освобождения Сибири» (2014) и «Дни освобождённой Сибири» (2017), изданных почти самиздатом, собраны сотни газетных сообщений и документов Государственного архива Томской области. Без них не восстановить ни выборы 1917 года, ни подполье, ни первые недели Временного Сибирского правительства. Взгляды автора нам чужды: он пишет с почвенно-белых позиций, его герой — Пепеляев. Но честность требует пользоваться работой человека, который годами сидел в архиве, даже если не разделяешь его выводов. Мы берём у Помозова документы, а не оценки, и там, где его версия спорна, говорим об этом прямо.

Советская историография оставила нам большие и неудобные книги. Это третий том академической «Истории Сибири» (1968), «Двоевластие в Сибири» томского историка Е. Н. Баби-

ковой (1980), «Стратегический очерк гражданской войны» Н. Е. Какурина (1926), «Записки премьера ДВР» большевика П. М. Никифорова. Каждая подчинена схеме: ленинскому «двоевластию», «руководящей роли партии», «мелкобуржуазной сущности» эсеров и областников. Но за схемой стоят архивы, к которым у советских историков был доступ, а у нас его нет: численность забастовщиков и переселенцев, составы комитетов общественной безопасности, протоколы Советов, сводки фронта. Поэтому у этих книг мы берём цифры и факты, а рамку оставляем в стороне. Отдельно скажем о Какурине: бывший полковник Генерального штаба, служивший красным, писал о Восточном фронте как профессионал, без пропагандистского пафоса. Его самого потом арестовали, и умер он в заключении.

Последние два десятилетия принесли то, чего не было ни у советских, ни у эмигрантских авторов: работы, основанные на рассекреченных архивах. Это статьи А. Г. Теплякова о партизанах Рогова и о Несторе Каландаришвили, работы о сибирских эсерах и анархистах в годы реакции, об экспроприациях, о выборах в Государственную думу, исследование Г. И. Хипхенова о том, как советская память выбрала одного героя — Каландаришвили — и вычеркнула другого — Фёдора Лаврова. Эти работы ломают советские иконы, а вместе с ними — схему, в которой партизаны были послушным войском большевистского подполья. Для нас это главное: сибирская деревня воевала за себя, а не за чей-то центральный комитет. Что творили отдельные отряды, мы покажем в главе 21 по архивным документам. Но и там будем держаться простой мысли: погром не становится анархизмом оттого, что над ним поднят чёрный флаг. Анархизм Кропоткина и сибирских партизанских съездов — это сход, самоуправление и взаимопомощь.

Отсюда простая иерархия, которой мы будем держаться. Документ того дня — приказ, протокол, телеграмма, газетная заметка — весит больше дневника. Дневник весит больше воспоминаний, написанных по горячим следам, а они — больше поздних мемуаров и историографии. Особый вес у свидетельства против собственного интереса: если колчаковский премьер пишет о порках анненковцев, а колчаковский управделами — о ненависти крестьян к атаману, этому мы верим больше, чем любому обвинению со стороны противников. Спорим мы, таким образом, с двумя канонами: советским, где всё решала партия, и консервативным, где всё решал Верховный правитель. В обоих нет места главному — сибирскому обществу, которое хотело решать само.

Похожий источник оставила революция, соседняя с нашей и по времени, и по судьбе. В 1919–1920 годах в Вене Владимир Винниченко, писатель, социал-демократ, глава первого украинского автономного правительства 1917 года, а затем Директории, написал три тома «Відродження нації» (1920). Это книга побеждённого инсайдера, как и записки Гинса, но тон у неё противоположный: не оправдание, а беспощадный счёт к собственному лагерю. Винниченко пишет о бессилии социалистов перед военными, об «отаманщине», которая губила республику изнутри, о том, как национальная демократия не смогла договориться с собственным крестьянством. Советские авторы потом охотно цитировали эти страницы, вырывая их из контекста, а украинские националисты так и не простили автору самокритики. Сибирские свидетели проиграли то же самое и почти теми же словами. Поэтому их тоже нужно читать целиком, а не по удобным цитатам.

Источники, способ смотреть, сама идея сибирского социализма — всё это лишь подготовка. Осталось сказать, как устроена книга: почему она идёт от 1905 года, а не от 1917-го, почему обрывается на 1922-м и зачем в её конце три главы о том, чего не было.

0.5. Как устроена книга

14 ноября 1922 года в Чите Народное собрание Дальневосточной республики проголосовало за собственный роспуск и попросило принять Дальний Восток в состав РСФСР. Японцы ушли из Владивостока за три недели до этого, и буфер, ради которого Москва два года терпела на востоке многопартийный парламент, выборы и коалиционное правительство, был больше не нужен. Так закрылся последний выборный орган, работавший на сибирской земле без разрешения партии большевиков. Этой датой мы заканчиваем книгу. После неё в Сибири ещё будут восстания, а кооперация и нэп продержатся до конца десятилетия. Но вопрос, кто будет решать за Сибирь, к ноябрю 1922 года был решён на семьдесят лет вперёд. Что от революции уцелело после этого рубежа, расскажем в заключении, а подробно — в пятом томе.

Начинаем мы не с 1917 года, а раньше. 29 августа 1905 года в томском доме присяжного поверенного Вологодского собрались областники во главе с Потаниным. Они одобрили проект сибирского земства с единым представительным органом на всю Сибирь. Леса, воды и недра должны были перейти в его ведение, а назвать его предложили так: Сибирская областная дума (Помозов 2014, с. 31–60). Через двенадцать лет дума с этим названием собралась в Томске, и в январе 1918 года она заочно избрала Вологодского в своё правительство. Сибирская революция не свалилась на страну в феврале 1917-го. У неё была первая попытка — 1905 год с Красноярской и Читинской «республиками», с карательными поездами Меллер-Закомельского и Ренненкампа, с эсеровским подпольем и первыми анархистами. Поэтому раздел I (главы 1–6, 1900–1916) рассказывает, как колония подошла к буре: железная дорога и рента, ссылка и подполье, 1905 год и каратели, областники и народы Сибири, Ленский расстрел, война и кооперация.

Дальше книга идёт строго по хронологии, раздел за разделом. Раздел II «Сибирская весна» (главы 7–10) посвящён 1917 году: комитетам и советам, томскому народоправству, возвращению областников и тому, как в Красноярске и Иркутске встретили Октябрь — вместе с анархистами и против них. Раздел III «Автономная Сибирь» (главы 11–14) — это 1918 год: дума, разогнанная большевиками, и правительство в изгнании, «день освобождения», Временное Сибирское правительство и убийство Новосёлова, которым кончилась сибирская республика. В этих двух разделах главный герой — не партия и не армия, а сибирское самоуправление в лучшие свои месяцы.

Раздел IV «Колчак: власть без мифов» (главы 15–19) охватывает ноябрьский переворот 1918 года и год диктатуры. Здесь мы разбираем обе легенды — о «монархисте-реставраторе» и о «подвижнике». Говорим и о том, что за ними стоит на самом деле: о бывших социалистах в Совете министров и обещанном Национальном собрании, но и об убитых в Омске учредилловцах, атаманах, карательных экспедициях, союзниках и японцах. Раздел V «Народная война» (главы 20–23) — ответ сибирской деревни: партизанские республики и съезды, анархистское «чёрное знамя», земское Иркутское восстание и крушение белого фронта. Раздел VI (главы 24–26) рассказывает о 1920–1922 годах. Победители сразу принесли ревкомы вместо выборов и продразвёрстку вместо обещанной свободы. В 1921 году Западную Сибирь охватило крестьянское восстание под лозунгом «Советы без коммунистов», а на Дальнем Востоке Москва ещё два года держала демократическую витрину — ДВР.

Последний раздел, седьмой, отличается от остальных. В главах 27–29 мы спрашиваем, что было бы, если бы Сибирь победила, и делаем это трижды. Первый вариант — в 1918 году: Временное Сибирское правительство удерживает власть, дума не распущена. Второй — в 1919-м: Колчак останавливает фронт на Урале. Третий — в 1921-м: восстание соединяется с партизанами Алтая и Енисея. Правило у нас одно: правдоподобная точка развилки, только то, что было реально возможно в тех условиях, и честный счёт «за» и «против». Это не утопия и не

антиутопия. Даже белой Сибири мы отдадим должное там, где оно есть: без коллективизации, ГУЛАГа и голода она, скорее всего, обошлась бы. А у крестьянской республики 1921 года, которой мы более всего сочувствуем, не станем прятать город без хлеба и «чистки» по-роговски. Глава 30 подводит итог: почему Сибирь проиграла все три раза. Одна из главных причин, как мы уже говорили, — в Сибири не было заводов и оружия. Аграрная страна, способная прокормить армию, не могла её вооружить.

О том, как такие развилки выглядели в действительности, напоминает судьба страны, которая родилась почти одновременно с сибирской автономией. 26 мая 1918 года Грузия провозгласила независимость. В ту же ночь с 25 на 26 мая в Новониколаевске подпольщики вместе с чехами свергли советскую власть. Демократическая республика Грузия, которой руководили социал-демократы-меньшевики, провела земельную реформу, опиралась на выборное местное самоуправление и считалась в Европе образцом демократического социализма. Её Учредительное собрание приняло конституцию 21 февраля 1921 года, а через четыре дня Красная армия вошла в Тифлис. Конституцию принимали под звуки приближавшегося фронта, и правительству пришлось уехать в эмиграцию. Грузия, в отличие от Сибири, свою республику успела построить. Но и у неё не было своего оружия, а была только надежда на чужое, и финал оказался тем же. Шанс Финляндии или судьба Грузии — этим вопросом мы закончим главу 27.

Вот и всё, что нужно было сказать перед дорогой. Сибирский социализм, как мы его понимаем, источники, которым верим, и спор, который ведём, — всё это теперь на столе. Пора вернуться к началу века, когда через тайгу протянули железную дорогу и старая колония получила рельсы, по которым её богатства потекли на запад быстрее прежнего.

Глава 1. Сибирь на рубеже веков: железная дорога и рента

1.1. Транссиб: дорога, которую ждали

16 августа 1898 года в Иркутск пришёл первый поезд. Современник записал то, что думали многие: «Старая Сибирь осталась позади...», «Что-то будет?»» (История Сибири, т. 3, с. 179–180). Вопрос был задан точно. До сих пор из Иркутска в Москву ехали месяц и больше: на почтовых по тракту, на пароходе по Оби и Каме. Теперь дорога сокращалась до двух недель. Сибирь, которую столица триста лет держала на расстоянии, вдруг оказалась близко. Что из этой близости выйдет — расцвет или новая зависимость, — не знал никто.

Областники этой дороги ждали и добивались. Для них она была не прихотью казны, а условием жизни. Ещё в 1884 году Потанин писал, что «необходимо окончательно закрепить связь Сибири с европейскою Россиею железнодорожным путём»: тогда «обилие естественных богатств сибирских получит соответствующий сбыт на русском и западноевропейском рынках» (Потанин, с. 61). Позже, споря с теми, кто уверял, будто железные дороги стирают местную самобытность и превращают окраины в копию центра, он ссылаясь на Драгоманова и нашёл для ответа таёжный образ. Когда через тайгу прорубают просеку, на её отвалах распускаются цветы, которых в глухом лесу не разглядеть. Так и дорога, проведённая в захолустье, не глушит местные силы, а выводит их на свет (Потанин, с. 98–99). Сибирь, по мысли областников, должна была получить дорогу не для того, чтобы стать похожей на Россию, а для того, чтобы стать самой собой.

Строила её, однако, не Сибирь. Решение приняли в Петербурге в феврале 1891 года: вести путь одновременно с двух концов, от Челябинска и от Владивостока, почти семь тысяч километров, под личным покровительством царя. Закладка состоялась во Владивостоке 19 мая 1891 года. Американский генерал Беттерфильд предлагал построить дорогу частной компанией с гарантией доходов на 80 лет, но ему отказали: строили на казённые деньги. Смета была 350 млн руб., к 1903 году потратили больше миллиарда. Работали вручную — топором, пилой, лопатой, кайлом и тачкой, по 15–16 часов в день. В 1895–1896 годах на линии было до 89 тыс. человек: сибирские крестьяне и мещане, завербованные из центра, солдаты, казаки, ссыльные, арестанты, а на Забайкальской дороге — буряты (История Сибири, т. 3, с. 175–179). Тайгу рубили зимой, «по колено, а иногда и по грудь в рыхлом и мокром снегу». К 1904 году, когда открыли Кругобайкальский участок, Сибирь пересекала сплошная стальная линия, а через Маньчжурию шла КВЖД.

Заказчики этой стройки сидели не в Томске и не в Иркутске. Её добивались промышленники центра, уральские и южные заводчики с их рельсовыми заказами, а в Петербурге — сторонники большой политики на Дальнем Востоке, которые видели в магистрали путь к Порт-Артуру и Тихому океану. Сибирь лежала между началом и концом пути. Чем это обернулось, видно по металлу. Местные заводы не выдержали удара уральского чугуна, который теперь шёл по рельсам. В 1899 году закрылись Николаевский и Лучихинский заводы в Иркутской губернии; выплавка сибирского чугуна упала с 540 тыс. пудов в 1895 году до 150 тыс. в 1908-м. В 1908–1911 годах погасли последние домны — Гурьевская, Петровская, Абаканская (История Сибири, т. 3, с. 182, 341). Дорога, которая должна была раскрыть сибирские силы, в промышленности сделала обратное. По переписи 1908 года вся Азиатская Россия давала 3,5 % промышленной продукции империи. Ввоз в Сибирь из Европейской России на 99 % состоял из фабричных изделий, вывоз — из хлеба, масла, мяса, кож и руды (т. 3, с. 340). Потанин

называл это «мануфактурным игом» (Потанин, с. 132). Мы ещё вернёмся к этой цифре в главе 30, когда будем спрашивать, почему в 1919 году Сибирь могла прокормить армию, но не могла её вооружить.

Отказываться от того, что дорога всё-таки дала, мы не станем. За два десятилетия в Сибири появилось больше тридцати новых городов. Посёлок строителей у моста через Обь превратился в Новониколаевск, который через двадцать лет станет столицей Сибири. Ожили Омск, Петропавловск, Барнаул; Потанин видел, как в Петропавловск, захиревший было при старых путях, возвращались уехавшие оттуда купцы (Потанин, с. 85–87). Вывоз из Сибири вырос в 14–15 раз: с 8–10 млн руб. до дороги до 134 млн в 1907 году (т. 3, с. 190–192). Вопрос был не в том, приносит ли дорога пользу. Вопрос был в том, кто эту пользу забирает. Тариф на сибирский хлеб устанавливали в Петербурге, с оглядкой на помещиков центра, о чём речь пойдёт в 1.3. Маршрут прокладывали, глядя на карту империи, а не на карту Сибири. Томск, университетский город и старая столица края, остался в стороне от магистрали и получил лишь ветку в восемьдесят вёрст. Потанин так и написал: «К несчастью для города» (Потанин, с. 83). Дорога шла сквозь Сибирь, а не к ней.

Похожую дорогу в те же годы строили на другом краю света. При диктатуре Порфирио Диаса Мексика за три с небольшим десятилетия, с 1876 по 1910 год, нарастила сеть железных дорог примерно с шестисот до почти двадцати тысяч километров. Строили её американские и британские компании, и почти все линии вели на север — к американской границе, к Эль-Пасо и Ларедо. По ним из Чиуауа и Соноры шли медь, серебро и свинец, а обратно — американские товары. Мексиканская дорога соединяла рудник с чужим рынком, а не одну мексиканскую провинцию с другой. Земля у новых станций дорожала, и асьендадо сгоняли с неё индейские общины, — не случайно революция 1910 года так быстро охватила именно эти края. Царская казна, в отличие от Диаса, не пустила иностранцев строить магистраль. Но разница оказалась меньше, чем казалось: и там и тут дорога служила вывозу сырья, а не развитию края, по которому шла. В Мексике хозяином был Нью-Йорк, в Сибири — Петербург и Москва.

По новой дороге в Сибирь ехали не только московские ситцы. В товарных вагонах и на баржах, без всяких приспособлений, ехали сотни тысяч крестьян из Полтавской, Черниговской, Курской губерний — за землёй, о которой им рассказывали ходоки.

1.2. Переселение и «излишки»

Незадолго до 1908 года в Мариинский уезд Томской губернии приехал чиновник нарезать участок для переселенческого посёлка. Рядом жили старообрядцы. Они пришли сюда раньше, сами расчистили лес, удобрили землю и не раз её засевали. Чиновник провёл между тем, что вся их пашня отошла новому посёлку, а за старообрядцами остались одни усадьбы. Потанин, рассказывая эту историю, назвал её «точной копией той судьбы, которая постигает инородческие племена» (Потанин, с. 110). Он не обвинял переселенцев, которым эта земля досталась. Он обвинял того, кто её раздавал. В этом был весь областнический взгляд на переселение. Беда не в том, что в Сибирь пришли новые люди, а в том, что сибирской землёй распоряжались в Петербурге — по своим расчётам и без спроса у тех, кто на ней жил.

Сначала областники переселения хотели. В 1860-е годы, вспоминал Потанин, «отсутствие переселений» было «печалью и заботой сибирских патриотов». Когда после отмены крепостного права крестьяне двинулись на восток, патриоты «радостно приветствовали начало новой колонизации». Против министра Д. А. Толстого, который сдерживал переселение «в интересах аграриев», они протестовали (Потанин, с. 109). Сибирь была пуста, и ей нужны были люди. К концу века политика повернулась на сто восемьдесят градусов. Прямо об этом не говорили, но цель видели все: Сибирь должна была стать клапаном, через который центр выпустит давление своего аграрного кризиса, не тронув помещичьей земли. Правительство называло две задачи — смягчить малоземелье в Европейской России и закрепить окраины за русским населением (История Сибири, т. 3, с. 208). Областники называли это иначе: метрополия решила «в использовании сибирского поземельного фонда найти решение вопроса о малоземелье в метрополии» (Потанин, с. 109–110). Слова разные, а суть одна.

Машину запустили постепенно. Постановление 15 апреля 1896 года упростило переход и ввело льготный тариф. Правила 6 июня 1904 года разделили переселение на «свободное», без всяких льгот, и «поощряемое» — по усмотрению властей. С весны 1906 года, после первой революции, переселяться разрешили из любой губернии, лишь бы сначала съездил ходок. За 1896–1906 годы в Сибирь переселилось 1,1 млн человек, за 1906–1914 годы — 3 млн, из них две трети за первые четыре года. Только в 1907 году по центральным губерниям разошлось больше 6,5 млн брошюр и листовок, которые зазывали в Сибирь. Обещали ссуду до 165 руб. на семью; на деле выдавали 30–60 руб., да и то частями по 5–15 руб. За такой ссудой, жаловался иркутский генерал-губернатор, люди ездили за сто–двести вёрст (т. 3, с. 208, 301–307). Ехали в «скотских вагонах», где в одной тесноте стариков, детей и беременных женщин сушили бельё и лежали заразные больные. Тех, кто пускался в путь самовольно, без разрешения, ещё в 1890-е годы возвращали силой: «жандармы высаживали переселенцев из вагонов и возвращали назад» (Потанин, с. 109). Многие не выдерживали и возвращались сами. В 1900 году назад ушли 22 % переселенцев, в 1901-м — 33 %, в 1911-м — 61 %. За 1906–1914 годы обратно через Челябинск прошли больше полумиллиона человек. Вернувшись, они уже не получали прежних наделов и пополняли ряды безземельных — у себя на родине (т. 3, с. 211, 307–308).

Землю для новосёлов брали у старожилов. Механизм назывался просто — «излишки». Закон считал нормой 15 десятин удобной земли на мужскую душу; всё, что было у старожилов или инородцев сверх этого, можно было отрезать. С 1885 по 1903 год землеустроительные партии нарезали в Западной Сибири 1545 переселенческих участков на 6 млн десятин, и лучшие земли уходили под видом «излишков». У крестьян Томской губернии в 1898–1903 годах отрезали 550 тыс. десятин (т. 3, с. 206, 209–210). Циркуляр главного управляющего землеустройством от 23 декабря 1906 года пошёл ещё дальше: землеустройство старожилов приостановить, а переселенческие участки отводить даже там, где «излишки» лишь «предвидимы с достаточной вероятностью» (т. 3, с. 303). Землю, которую старожилы три века пахали по вольному

захвату, теперь мерили только для того, чтобы отнять. Тяжелее всех пришлось кочевникам и полукочевникам: их пастбища чиновник видел пустыми. О бурятах и хакасах, у которых отрезали сотни тысяч десятин, мы расскажем в главе 5. Здесь приведём один голос — телеграмму алтайцев, которую сохранил Потанин: «Нам нет места на земном шаре» (Потанин, с. 112).

Старожил и новосёл встретились на одной земле, но врагами друг другу не стали. Это важно, и это понимал Потанин. Новосёлы «теснят старожилов», писал он, но «сдвинуть его с места, прогнать не могут». Старожилы стянут пашни ближе к деревне, станут жить теснее, но деревню свою не бросят (Потанин, с. 111). Сибиряк отличал себя от «рассейских» и мог враждовать с ними, если спорили о земле, но «не обобщал своих чувств» (с. 120). Конфликт был, но он шёл не между мужиками, а между мужиком и казной. Переселенец приходил беднее старожила: в среднем со ста рублями на хозяйство, и перепись 1917 года показала, что разрыв так и не сократился. Около 700 тыс. «неприписных» переселенцев жили без прав в чужих обществах, батрачили или снимали землю (т. 3, с. 309–310). Но вместе с бедностью новосёлы привезли плуг, молотилку, веялку, украинский скот. Они распахали около 30 млн десятин, и сбор хлеба в Сибири вырос со 158 млн пудов в начале века до 305 млн в 1913 году — быстрее, чем по России, и быстрее, чем в США за те же годы (т. 3, с. 211, 310–313). Сибирская пшеница, которую потом будут реквизируют белые и выгребать красные, была выращена в том числе этими руками.

Чего хотели сами сибиряки, видно по их наказам 1906–1908 годов. Потанин свёл их в одну программу. Аграрный вопрос, волнующий центр, «касается Сибири только рикошетом». Сибирское крестьянство «единодушно протестует» против усиленного переселения, потому что боится, что оно создаст малоземелье и в Сибири. Значит, земельный фонд Сибири должен перейти в ведение Сибирской областной думы, а переселение — вестись так, чтобы решающий голос был у местных органов (Потанин, с. 110, 115). Столыпин и Кривошеин, объехав Сибирь в 1910 году, предложили обратное: насадить и здесь частную собственность и разрушить общину. Не вышло. К 1916 году на всю Азиатскую Россию набралось около 5 тыс. хуторов и 60 тыс. отрубов, а закон о частной собственности переселенцев Дума так и не утвердила (т. 3, с. 305–306). Сибирский мир устоял. Именно этот мир — сход, который принимал новосёлов в общество, делил покосы и раскладывал повинности, — в 1917 году станет основой сибирского народоправства, а в 1918-м и 1921-м — опорой восстаний против власти, пришедшей из Москвы.

Тот же переселенческий поток в те же годы шёл через океан. В сентябре 1891 года два крестьянина из галицийского села Небылов, Иван Пилипив и Василь Еленяк, приехали в Канаду посмотреть землю. За ними двинулись тысячи. Клиффорд Сифтон, ставший в 1896 году министром внутренних дел Канады, сознательно звал на прерии тех, кого потом назвал «крестьянами в овчинных тулупах», и к Первой мировой войне в Канаде жило больше ста тысяч украинцев. Одни и те же люди — галичане там, полтавчане и черниговцы здесь — уходили от одного и того же малоземелья. Но условия были разные. Канадский закон давал поселенцу гомстед в 160 акров (около 60 десятин) за взнос в десять долларов, и через три года, если он жил и пахал на своём участке, земля становилась его собственностью. Сибирский переселенец получал 15 десятин в пользование, участок выкраивали из чужой земли, а судьбу его решал чиновник Переселенческого управления. Общим было одно: и прерии, и сибирская тайга были землёй коренных народов. Канада отбирала её договорами с индейцами, Россия — «излишками» у бурят и хакасов. Колония везде выглядит одинаково, когда на неё смотрят из столицы.

Новосёлы и старожилы, бок о бок, кормили теперь не только себя. Сибирская деревня рубежа веков начала производить то, чего от неё не ждали ни в Петербурге, ни в Москве, — масло для Лондона и Копенгагена. И как только сибирский товар стал конкурировать с товаром центра, центр нашёл, как его остановить.

1.3. Тарифный перелом и сибирское масло

В январе 1896 года в деревне Морево Ялуторовского округа Тобольской губернии шесть крестьянских дворов сложились и завели общую маслодельню. Это была первая в Сибири маслодельная артель (История Сибири, т. 3, с. 203). Затея была простая: сдавать молоко в одно место, сбивать масло на общем сепараторе и продавать его не скупщику, а напрямую. Ни казна, ни земство, которого в Сибири не было, в этом не участвовали. Через десять лет таких маслоделен в Сибири было больше тысячи, и сибирское масло ели в Лондоне, Гамбурге и Копенгагене.

Подъём был стремительным. В 1895 году в Сибири работало 15 маслодельных заводов, в 1905-м — 1181, из них 359 артельных. Вывоз масла за границу вырос за те же десять лет с 5 тыс. пудов до двух миллионов. Если в 1896 году сибирское масло составляло 8,7 % российского масляного экспорта, то в начале нового века — 93,8 % (т. 3, с. 203, 211). К 1911–1913 годам Сибирь вывозила масла на 66 млн руб. в год и спорила с Данией за первое место на мировом рынке. Масло стало четвёртой статьёй аграрного экспорта империи после хлеба, льна и леса и стоило в полтора раза больше всех сельскохозяйственных машин, которые Россия ввозила из-за границы (т. 3, с. 318–319). Даже Столыпин, объехав Сибирь в 1910 году, признал: «Сибирское маслоделие даёт золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность» (т. 3, с. 318). Это было богатство, которое создал сам сибирский мужик, — без концессий, без казённых заказов и без помещика.

Но и это богатство уходило из рук того, кто его создал. Первыми на сибирское масло пришли иностранцы: датская фирма «Полизен» в Кургане (1896), «Эсман» (1897), датская «Сибирская компания» с 38 отделениями, английская «Юнион». В Омске уже в 1901 году работали 14 заграничных экспортных фирм (т. 3, с. 194–195). Экспортёр брал с каждого пуда 2–2,5 руб. чистой прибыли, а при вывозе около 4 млн пудов это давало 8–10 млн руб. в год. Ещё больше он зарабатывал на том, что продавал крестьянину товары в долг под будущее молоко по завышенным ценам (т. 3, с. 320). На мировом рынке сибирское масло часто перепродавали из Дании и Голландии под их марками (т. 3, с. 319). Сибирь производила товар, а чужая марка брала за него цену. Внутри страны мужика обирал свой скупщик: в 1913 году около трети хозяйств Западной Сибири сдавали продукцию заезжим скупщикам вдвое дешевле средней цены (т. 3, с. 205–206).

Хлеб центр остановил иначе — тарифом. С 1896 года на станции Челябинск действовал так называемый тарифный перелом. Сибирский хлеб, шедший на запад, пересчитывали по более высокому тарифу, чтобы он не сбивал цены помещикам Европейской России. Потанин писал об этом без обиняков: перелом учреждён «с целью воспрепятствовать сибирскому хлебу конкурировать с хлебом метрополии на всемирном рынке» (Потанин, с. 116). Любая попытка его отменить поднимала «на московской бирже и в рядах аграриев и хлеботорговцев ропот», который оказывался «гораздо могущественнее голосов гуманистов» (с. 109). В итоге сибирскому крестьянину оставалось или продавать хлеб за бесценок, или сдавать его на винокуренный завод. Отменили перелом только в августе 1913 года, перед самой войной (т. 3, с. 198, 207). Так же поступили с морскими путями. Порто-франко в устьях Оби и Енисея закрыли, как писал Потанин, «в угоду владельцам русских фабрик стеариновых свеч, опасавшихся ввоза свеч из Англии» (с. 116), а в 1909 году отменили и порто-франко во Владивостоке. Механизм везде одинаков: Сибирь — «рынок сырья для европейской России, промышленность в ней в застое» (с. 106). Подробно о тарифе и о Сибири как колонии мы писали в третьем томе; здесь важно, что именно эту систему областники считали главной несправедливостью. Против неё и была направлена их программа.

Против скупщика и экспортёра сибирская деревня выставила артель. В 1901 году на съезде маслоделов в Кургане возникла «Организация содействия кооперативным формам развития маслоделия в Сибири» во главе с А. Н. Балакшиным; она открыла больше 270 артелей, объединивших 52,5 тыс. хозяйств (т. 3, с. 203). Потанин писал о Балакшине с одобрением: тот «успешно пропагандирует маслодельные артели» и «хлопочет о непосредственном сбыте масла на рынки Лондона и Парижа» (Потанин, с. 86–87). В 1907 году появился Союз сибирских маслодельных артелей. К 1914 году он объединял около 250 тыс. домохозяев, артельными были уже 52 % всех маслозаводов Сибири, а в Тобольской губернии — больше двух третей. Потребительских лавок при Союзе в 1907 году была одна, к 1915-му — 681 (т. 3, с. 319). Рядом росла кредитная кооперация: к 1 октября 1913 года в Сибири было 998 кредитных и ссудосберегательных товариществ, они охватывали 40–50 % крестьянских хозяйств (т. 3, с. 205). Купцы почувствовали угрозу сразу: в 1913 году Курганский и Омский биржевые комитеты призвали к «решительной борьбе» с кооперативами (т. 3, с. 320). Советские историки потом называли эту кооперацию разновидностью капитализма под руководством кулака. Но капитал, которым владеют сами производители, выбирая правление на сходе, — это не акционерное общество. Это и есть экономика самоуправления, о которой писали Кропоткин и областники. В 1916 году из неё вырастет Закупсбыт, объединивший больше двух миллионов человек, — о нём речь в главе 6.

Ровно в те же годы такой же путь прошли крестьяне Финляндии. В 1899 году агроном Ханнес Гебхард основал общество «Пеллерво», которое стало распространять кооперацию по финским деревням. В 1905 году семнадцать кооперативных маслоделен создали экспортный союз «Валио». Учителя у финнов и сибиряков были одни — датские кооператоры; товар один — масло для английского рынка. Разница была в другом. Великое княжество Финляндское, хотя и входило в империю, имело собственный сенат, собственную марку и собственную таможню. Никакой министр из Петербурга не мог устроить финскому маслу «челябинский перелом» или закрыть финские порты в угоду московским фабрикантам. У Сибири не было ни сената, ни таможни, ни голоса — только ходатайства, которые в Петербурге складывали в папки. Вот почему для областников автономия была не мечтой о флаге, а вопросом о том, кто будет устанавливать тариф на сибирский хлеб и масло.

Маслоделы-старожилы ещё дождутся своего часа. Через двадцать лет, в 1918 году, они получат собственное правительство, и противники будут насмешливо звать его «маслобойной командой» — по самой дорогой машине, какая была у сибирской кооперации. Но пока, на рубеже веков, масло хотя бы принадлежало мужику. Золото, которое, по словам Столыпина, давало Сибири вдвое меньше, мужику не принадлежало никогда.

1.4. Иностранный капитал: «Лензото», «Копикуз», Риддер

В 1912 году Николай II подписал бумагу, по которой часть кузнецких угольных земель, принадлежавших Кабинету Его Величества, передавалась на шестьдесят лет В. Ф. Трепову — брату покойного петербургского генерал-губернатора. Так появилось Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей, «Копикуз». Партнёром Трепова был С. С. Хрулёв из Международного коммерческого банка, акции разошлись между двумя русскими и двумя французскими банками. Сам Трепов получил больше миллиона рублей и отчисление с каждого добытого пуда. Общество обязалось построить Южносибирскую магистраль, взяло под неё ссуды, но к работам приступило только в войну (История Сибири, т. 3, с. 342–343). Крупнейший угольный бассейн Сибири достался не Сибири и даже не русской промышленности, а придворному, банку и парижской бирже. Плату за это получал, как отмечали сами советские историки, царь.

Так была устроена вся сибирская рента с недр. Самые богатые земли Сибири — Алтайский и Нерчинский горные округа — были не государственными, а личной собственностью царской семьи, и управлял ими Кабинет. Потанин видел, во что это превратилось. Ежегодный «горный совет» в Барнауле он называл «тайным заговором инженеров для обкрадывания казны и обирания сельского населения». Когда серебро истощилось, Кабинет «из серебросплавильщика... превратился в помещика, сдающего свою землю в аренду» (Потанин, с. 87–88). А когда в начале XX века в Петербург потянулись иностранные предприниматели, у Кабинета и его приближённых появилось новое занятие — перепродавать сибирские недра в Лондон.

Лучше всего это видно на ленском золоте. Ленское золотопромышленное товарищество, «Лензото», с 1896 года было акционерным, но контроль оставался у прежних пайщиков — баронов Гинцбургов. В 1907 году Русская горнопромышленная корпорация, зарегистрированная в Лондоне и имевшая в правлении бывшего царского министра В. И. Тимирязева, купила 74,5 % акций «Лензото», а в 1908 году перепродала их английской компании «Лена Голдфилдс» за 85 тыс. фунтов. Дальше потекли деньги. За 1909–1911 годы валовая прибыль составила больше 17 млн руб., дивиденды в 1909 году — 43 %, в 1910-м — 56 %. «Лена Голдфилдс» поглотила Бодайбинскую железную дорогу и соседние прииски и к 1914 году добывала больше тысячи пудов золота в год — почти половину сибирского. На приисках работало больше десяти тысяч человек (т. 3, с. 344–345). Даже советские авторы, охотно говорившие о «передовой технике» монополий, признавали: высокая прибыль «Лензото» шла не от техники, а от хищнической эксплуатации рабочих (т. 3, с. 347). Чем это кончилось в апреле 1912 года на Лене, мы расскажем в главе 6.

Алтай отдали тем же путём. Концессию на алтайские полиметаллы Кабинет сначала выдал австрийскому князю Турн-и-Таксису, а в 1912–1914 годах её прибрала к рукам Русско-Азиатская корпорация британского дельца Лесли Уркарта, в которой участвовал и американский горный инженер Герберт Гувер. Дорогу им открыли люди из ближнего круга двора — граф А. А. Орлов-Давыдов, барон В. В. Меллер-Закомельский, М. М. Фёдоров, В. В. Романов. 19 августа 1914 года, уже после начала войны, утвердили уставы Риддерского и Киргизского горнопромышленных обществ. Юридически они были русскими, а их акции лежали в лондонской «Иртыш корпорейшн» (т. 3, с. 345–346). В 1907 году в Сибирь допустили около десяти английских обществ; одна только «Центральная Сибирь» к войне владела 44 приисками. В 1909 году на Лондонской бирже обращались акции 25 компаний, созданных для сибирского и уральского золота, и часть из них была откровенно дutoй. Немцы держали цинковые рудники «Тетюхе» в Приморье, где формальным председателем значился Ю. И. Бринер, а хозяином была фирма Арона Гирша. На Чукотке и Камчатке хозяйничали американцы. Лесной вывоз из Приамурья целиком был в руках иностранных фирм. Даже первый новониколаевский лесозавод отдавал половину прибыли англичанам (т. 3, с. 187, 194, 344–348).

По деньгам это было немного: к войне иностранные вложения в горное дело Сибири не превышали 50 млн руб., не меньше 80 % из них были английскими (т. 3, с. 347). Но дело не в сумме. Империя, которая три века называла Сибирь своей сокровищницей, так и не сумела сама её освоить. Своих заводов она не построила — сибирские домны, как мы видели, погасли одна за другой. Своих капиталов на сибирские недра у неё не нашлось. Зато нашлись придворные, готовые продать концессию, и банки, готовые перепродать акции. Холодильник для сибирского масла в Кургане построила английская «Юнион», лесозавод в Новониколаевске — англичане, рудники в Приморье — немцы. В 1912–1914 годах правительство вело переговоры с американскими банками о деньгах на Минусинско-Ачинскую и Южносибирскую дороги, а американцы просили взамен землю вдоль путей (т. 3, с. 347–348). Царизм проиграл соревнование эпохи — не потому, что пришли иностранцы, а потому, что звать их пришлось. Режим, который держался на дворе, Синоде и полиции, был способен раздавать богатства, но не создавать их.

У областников на это был ответ, и сформулирован он был задолго до того, как «Лена Голдфилдс» получила ленские прииски. Ещё в 1848 году, писал Потанин, у первых сибирских патриотов родилась мысль, что «золото, пушнина, лесное богатство, рыбные оброчные статьи должны составлять достояние области и не должны подвергаться расхищению государственными сановниками» (Потанин, с. 128–129). В 1907 году он сформулировал главный упрёк метрополии: «во всякую эпоху самый драгоценный продукт Сибири объявлялся изъятым из использования колонистами... и исчезал из страны, не принеся ей никаких благих последствий» — сначала соболь, потом золото, теперь лес (с. 147). Программа, которую он свёл из сибирских наказов, требовала передать областной думе «заведывание лесным, горным и водным богатством области», а кабинетские земли вернуть крестьянам (с. 115). Лозунг звучал как приговор всей концессионной системе: «Естественное богатство Сибири есть достояние области!» (с. 149). Потанин писал это в 1907–1908 годах. Главная волна концессий — «Лена Голдфилдс», «Копикуз», Риддер — пришлась уже на следующие годы и подтвердила его правоту лучше любой статьи. К иностранной торговле Потанин относился без вражды: порто-франко и привозной товар он считал противовесом московскому «мануфактурному игу». Но торговать с миром и отдать миру свои недра — разные вещи. Сибирь хотела первого и не хотела второго.

Как такие концессии делались, можно увидеть на примере другой окраины другой империи. Летом 1900 года, в разгар Боксёрского восстания, в Тяньцзине молодой американский горный инженер Герберт Гувер вместе с британскими партнёрами оформил переход Кайпинских угольных копей — крупнейшего горного предприятия Китая — к лондонской компании. Китайский директор копей Чжан Ихэн подписал бумаги в осаждённом городе, рассчитывая сохранить контроль над делом, и вскоре его лишился. В 1905 году он судился в Лондоне, и суд признал, что обещания, данные китайской стороне, не были выполнены. Но копии остались у англичан. Через десять лет тот же Гувер был среди хозяев алтайского Риддера. Это не совпадение, а метод: колония открывается одинаково — местный сановник подписывает, лондонская биржа получает акции. Ответ на этот метод дала мексиканская революция. Её конституция 1917 года объявила в статье 27, что недра принадлежат нации, — почти теми же словами, которыми сибирские областники говорили о «достоянии области». Сибирь произнесла эти слова раньше, но провести их в жизнь ей не дали.

Деньги с сибирских недр уходили в Петербург и в Лондон. В Сибирь же империя посылала другое — ссыльных. А вместе с ними, вопреки её воле, в Сибирь пришли книги, газеты и первый университет.

1.5. Город, ссылка, университет

Летом 1888 года в Томске открылся Императорский Томский университет — первый за Уралом и единственный на всю Азиатскую Россию. За год до этого, в 1887-м, томские власти выселили из города политических ссыльных, чтобы те не оказались рядом со студентами (История Сибири, т. 3, с. 128–129). В этих двух распоряжениях — вся политика империи по отношению к сибирскому просвещению. Университет дали, но так, чтобы он не стал сибирским. Деньги на него собрали не в казне: по сто тысяч рублей пожертвовали золотопромышленник Цибульский и А. М. Сибиряков. Добивались университета десятилетиями Щапов, Ядринцев и Потанин (т. 3, с. 374). Областники считали его делом жизни, а Петербург — уступкой, за которой нужен глаз да глаз.

Открыли его урезанным. Сначала работал один медицинский факультет, юридический добавили только в 1898 году; к 1900 году в университете учились 549 студентов. В историко-филологическом факультете отказали в 1907 году, частные историко-филологические курсы попечитель закрыл в мае 1909-го. Технологический институт, открытый в 1900 году, был закрыт за студенческие волнения с января 1905 по сентябрь 1906 года. За 1904–1907 годы университет окончили 308 человек, а выбыли — по большей части за участие в революции — 676 (т. 3, с. 374–376). Потанин требовал прежде всего физико-математического и историко-филологического факультетов — не ради практической пользы, а ради «духовных нужд самого университета». Он ставил университет в пару с областной думой: «автономная сибирская дума должна создать материальное благоденствие Сибири, а университет — её духовную жизнь» (Потанин, с. 113). И мечтал, что университет станет «мужицким»: только тогда Сибирь «получит свою подлинную интеллигенцию, неподкупно преданную интересам местного населения» (с. 118). До этого было далеко. В 1916 году дети крестьян составляли 17,8 % студентов (т. 3, с. 375), а сотни сибиряков уезжали учиться в столицы и не возвращались. Потанин насчитал до 500 одних только петербургских студентов-сибиряков и назвал это «абсентеизмом» — колония отдавала метрополии своих лучших детей, а получала взамен чиновников и инженеров из Европейской России (с. 107–108).

Зато ссыльных империя посылала в Сибирь без ограничений. Областники считали ссылку таким же главным злом для Сибири, каким для России было крепостное право. Потанин писал: «Колония обращена в место ссылки для преступных элементов европейской России; таким образом метрополия очищала себя от неудобных членов за счёт колонии». И ещё резче: «Как европейская Россия сбывала в Сибирь брак своих мануфактурных произведений, так она колонизовала Сибирь забракованными жизнью людьми» (Потанин, с. 106). Политических среди ссыльных был ничтожный процент — подробно об этом в первом томе. Основную массу составляли уголовные и бродяги, которые, по словам Потанина, «разоряют крестьянские дворы, совершают грабежи, зверские убийства... иногда терроризируют население целых волостей» (с. 145–146). Сибирское требование в 1908 году было однозначным: «Ссылка должна быть окончательно упразднена; для каких бы то ни было преступлений не должно быть исключений» — ни для уголовных, ни для политических. Сибирские тюрьмы должны быть рассчитаны «только на сибирский процент преступников» (с. 119).

После 1905 года состав ссылки изменился. Уголовную ссылку на поселение к этому времени в основном отменили, а политическая стала массовой: по данным департамента полиции, в Сибирь было сослано 74 тыс. человек — Нарым, Туруханский край, Ангара, Якутия (т. 3, с. 327). Политические ссыльные учили крестьянских детей, лечили, работали в музеях и статистике, участвовали в экспедициях. Якутская экспедиция 1894–1896 годов на средства Сибирякова почти целиком состояла из ссыльных; ссыльные Енисейской губернии создавали столярные и кузнечные артели и помогали крестьянам заводить потребительские кооперативы

(т. 3, с. 224, 329, 386–387). Даже ленинская «Искра» в начале века признавала, что «добрая половина... научного материала о Сибири собрана именно „поднадзорными“» (т. 3, с. 220). Но и у этой ссылки была своя цена, которую областники видели ясно. Политические приносили с собой повестку метрополии. Партии в Сибири, писал Потанин, — «отголоски политического брожения, происходящего в метрополии», и складываются они «только в пришлой среде» (Потанин, с. 119). Когда «Восточное обозрение» в конце 1890-х годов попало в руки ссыльных народовольцев, «сибирские вопросы из газеты исчезли» (с. 140). Сибирь получала образованных людей, но не своих — тех, для кого она была местом наказания, а не родиной.

Свою интеллигенцию Сибирь растила в городах. Городов было немного: в 1897 году в них жило 8,5 % сибиряков, в 1914-м — 11,9 % (т. 3, с. 197–198). Потанин делил их на «буржуазные» и «бюрократические». Томск был «городом Тит-Титычей», купеческим, а Омск — «городом Акакиев Акакиевичей», чиновничьим (Потанин, с. 69–70, 78, 84). Но именно купеческий Томск оказался впереди всех в «демократизации интеллигенции». Общество попечения о начальном образовании, основанное издателем П. И. Макушиным, с его взносом в три рубля Потанин называл «трёхрублёвым парламентом» (с. 81); к началу века в нём было до 1400 членов. Общество открывало воскресные школы, библиотеки, народные чтения — и было, по сути, земством без земства. В деревне земства не было вовсе, и Потанин с горечью писал, что там «сплошная умственная пустота» (с. 69). Деревня сама это понимала. Грамотных в Сибири по переписи 1897 года было 12,4 %, в селе — меньше 10 %. Но число начальных школ за 1894–1911 годы выросло на 167 %, вдвое быстрее, чем по империи. Только в одной Енисейской губернии в 1899 году крестьяне составили 54 приговора об открытии школ (т. 3, с. 368–371). Печать росла так же упрямо. Её закрывали одну за другой: «Сибирскую газету» в 1888 году, «Восточное обозрение» в 1906-м — по настоянию карателя Меллер-Закомельского. И всё же к 1913 году в Сибири выходило 86 газет и 31 журнал (т. 3, с. 393, 396).

С тем же упрямством окраина отвечала империи и на западе. 15 февраля 1899 года Николай II подписал Февральский манифест, который по сути урезал автономию Великого княжества Финляндского. Ответ финнов стал легендой. Меньше чем за две недели студенты и добровольцы на лыжах обошли страну, от хутора к хутору, и собрали больше полумиллиона подписей под Большим адресом — при населении в два с половиной миллиона. Пятьсот делегатов повезли его в Петербург, но царь их не принял. Финляндия ушла далеко вперёд Сибири: у неё уже были университет, сенат, своя печать и свой язык в школе. Но механизм один. Окраина, которой империя дала университет и газеты, получила вместе с ними интеллигенцию, которая требует самоуправления, — и империя отвечает ей запретами. В Сибири этот ответ звучал так же: закрытые факультеты, закрытые газеты, исключённые студенты.

Исключённые студенты, ссыльные, учителя воскресных школ, наборщики закрытых газет — из этих людей и сложилось сибирское подполье начала века. О нём следующая глава.

Глава 2. Подполье: ссыльные, эсеры, эсдеки, анархисты

2.1. Ссылка как университет революции

В апреле 1902 года на вокзал Красноярска привезли партию ссыльных студентов. Встречала их не только охрана. На перроне стояла многотысячная толпа — рабочие железнодорожных мастерских, гимназисты, мещане, — и над ней поднялись красные флаги. Так, с флагами, толпа проводила арестантов от вокзала до острога через весь город (История Сибири, т. 3, с. 218). Власть посылала этих людей в Сибирь, чтобы изолировать. Сибирский город встретил их как гостей. От ссыльного ждали новостей, книг и слова. Империя превратила Сибирь в огромную тюрьму, а тюрьма, вопреки её воле, стала школой.

Устроена эта тюрьма была без решёток. С 1890-х годов и до 1905-го главной мерой против революционеров была административная ссылка, без суда. Схема была отлаженной: до двух лет предварительного заключения, ещё два–пять лет одиночки, затем ссылка на три–десять лет с правом продлить срок. Основным местом ссылки было Иркутское генерал-губернаторство — Енисейская и Иркутская губернии и Якутская область. Ссылному платили пособие: в Енисейской губернии 8 руб. в месяц, в Иркутской — 11 руб. 60 коп., в Якутии и Туруханском крае — 15, в Средне-Колымске — 18. Пособие получал лишь тот, у кого не было помощи из дома. Учительствовать и брать учеников запрещалось, лечить и служить в конторах — только с разрешения министра. Этап до места занимал пять, десять, а то и больше месяцев (т. 3, с. 221–222). Ссылному оставалось одно занятие, которое власть отнять не могла, — думать, спорить, читать и учить друг друга.

Ссылка 1890-х годов дала Сибири тех, кто потом поведёт за собой рабочих. В Енисейскую губернию и Якутию ехали члены группы «Освобождение труда», петербургские, московские и одесские марксисты, поляки из «Пролетариата» — люди, через которых в Сибирь пришло новое учение. В 1897–1899 годах ссылали уже сотнями — членов «Союзов борьбы» и рабочих союзов. В Минусинском уезде отбывали срок двадцать шесть марксистов, среди них Ленин в Шушенском (т. 3, с. 221–222, 229). Они писали в «Восточное обозрение», «Енисей» и «Степной край», заводили кружки: Красиков — в Красноярске (1895), Красин — среди железнодорожных служащих Иркутска (1895), Беляков — в Омске (1896). Кружки появлялись в Тайге, Ачинске, Канске, Нижнеудинске, Сретенске (т. 3, с. 223–225). Ссылный работал и там, куда его загоняла нужда. Весной 1899 года на Николаевских заводах в Иркутской губернии, где люди голодали и болели цингой, а жалованье задерживали месяцами, остановили работу свыше 1500 человек. Стаечный комитет возглавил ссыльный Князев, бывший рабочий петербургского Обуховского завода, и власти уступили (т. 3, с. 212–213). На ленских приисках ссыльные составляли больше четверти рабочих и распространяли там нелегальные «Листки свободного слова» (т. 3, с. 215).

Но главное, чему учила ссылка, было не в листовках. Ссылные жили колониями, и эти колонии сами себя устраивали. У них были общие собрания, общие кассы, библиотеки, артели, товарищеский суд для споров. Решения принимались вместе, а помощь вновь прибывшему или больному оказывалась без начальства и без казённой бумаги. На краю Якутии люди, приговорённые империей к одиночеству, строили маленькие общества взаимопомощи. Это была та же школа самоуправления, что и сибирский сельский мир, только без мира — из чужих друг другу людей разных партий, которых свела вместе ссылка. Марксисты, народовольцы, эсеры, бундовцы, поляки спорили до хрипоты о программах, но делили хлеб и деньги. Когда в 1903–

1904 годах Плеве и иркутский генерал-губернатор граф Кутайсов ввели «кутайсовские правила» — запрет даже на кратковременные отлучки, отправку на дальний Север, — ответом стало общее выступление (т. 3, с. 248).

18 февраля 1904 года ссыльные Якутска заперлись в доме якута Романова и заявили протест против новых порядков. В «романовке» было до 57 человек. Кроме социал-демократов там были бундовцы, «экономисты», трое эсеров и беспартийные. Оружие у них было смешное: 13 револьверов, около десятка дробовиков и две берданки. Протест длился восемнадцать дней, до 7 марта. Рабочий Юрий Матлахов был убит, трое ранены. В августе 1904 года окружной суд дал каждому по двенадцать лет каторги. Но «кутайсовские правила» отменили (т. 3, с. 249). Ссыльные проиграли суд и выиграли дело. Два годами раньше, в 1902 году, политические в Александровской пересыльной тюрьме под Иркутском на три дня объявили у себя «тюремную республику» (т. 3, с. 248). Это была репетиция того, что через три года произойдёт в Красноярске и Чите.

Кто не хотел ждать конца срока, бежал. Михаил Войнич бежал из Тунки в 1890 году, Самуил Райнич из Минусинска — в марте 1898-го, Юрий Стеклов из Якутска — в ноябре 1899-го. Держинский ушёл из Верхолenska по Лене вместе с эсером Сладкопевцевым. Колымские ссыльные Циперович, Калашников и Янович в 1897 и 1898 годах дважды пытались уйти на лодке к Ледовитому океану, прошли пятьсот вёрст до Нижне-Колымска и повернули назад (т. 3, с. 222–223, 248). Побег из Сибири был делом не одиночек, а всей колонии: для беглеца собирали деньги, доставали документы, его прятали крестьяне. Сибирская деревня, традиционно не выдававшая беглого, теперь не выдавала и политического.

В те же годы своя ссылка была и у другой монархии, на другом краю Европы. В Италии по законам Криспи 1894 года тысячи анархистов и социалистов без суда отправляли на «принудительное поселение» — *domicilio coatto* — на острова: Устику, Липари, Понцу, Лампедузу. Островные колонии ссыльных устраивались так же, как якутские: общие кассы, кружки, споры о программах. В 1898 году туда попал Эррико Малатеста, самый известный анархист Италии. Весной 1899 года он с товарищами бежал с Лампедузы на лодке на Мальту, а оттуда — в Лондон и Америку. Его побег случился ровно тогда же, когда колымчане пытались уйти по Колыме к океану. Две монархии, ссылавшие инакомыслящих подальше от столиц, получили один и тот же результат: острова и улусы стали школами революции, а беглецы — её учителями.

Сибиряк смотрел на ссыльных по-разному. Потанин видел, что политические приносят с собой повестку метрополии и редко становятся сибиряками. Но для сибирской молодёжи — студентов Томского университета, рабочих Красноярских мастерских, гимназистов Читы — именно ссыльные стали первыми учителями политики. Из их кружков выросли организации, которые в 1901–1904 годах соединились в два сибирских союза — социал-демократический и эсеровский.

2.2. Сибирский социал-демократический союз

Летом 1901 года в Томске составили программное заявление «От Сибирского социал-демократического союза». Осенью его отпечатали тиражом в триста экземпляров. Ещё в апреле по Омску, Красноярску, Томску и Иркутску разошлась прокламация «К сибирским рабочим». Ядро союза составили три города — Томск, Красноярск и Иркутск. Задумали и собственную газету — «Сибирский рабочий» (История Сибири, т. 3, с. 235). Само название говорило за себя: сибирские социал-демократы хотели быть не филиалом, а союзом — со своей газетой, своей программой и своим голосом.

Из Женевы им ответили быстро. «Искра» раскритиковала намерение союза стоять в стороне от общерусской работы и издавать свою газету и объяснила, почему это лишнее: «у сибирских рабочих нет особых политических задач» (т. 3, с. 235–236). Сибиряку эта формула была знакома. Её с тем же успехом мог бы произнести любой петербургский министр, отвечая на ходатайство о сибирском земстве: у Сибири нет особых нужд, Сибирь — та же Россия, только дальше. Областники полвека спорили с этим в министерских кабинетах. Теперь тот же спор пришлось вести внутри революционной партии.

Советские историки описывают дальнейшее как «победу ленинско-искровского направления». Посмотрим, что за ней стояло. Сибирские кружки 1890-х годов были пёстрыми: студенты Томского университета, среди которых с 1893–1894 годов вели пропаганду нижегородцы во главе с М. Ф. Владимирским; томский рабочий вожак В. Е. Воложанин; красноярские кружки Красикова и Скорнякова в железнодорожных мастерских; иркутские железнодорожники Красина; читинские гимназисты; омский кружок Белякова (т. 3, с. 233–234). Авторы третьего тома с неудовольствием отмечают, что в этих кружках марксизм «смешивался» с «экономизмом», народничеством и областничеством, и объясняют это нехваткой литературы. Томскую группу Воложанина, которая в 1901 — начале 1902 года руководила всем союзом, они называют смесью «экономизма», лассальянства и «элементов народовольческой и областнической идеологии» (т. 3, с. 234, 236). Перевернём эту оценку. Если отбросить ругательные слова, перед нами сибирские рабочие и студенты, которые думали о своих заработках больше, чем о схемах, ценили народовольческую традицию и разделяли областническую мысль о том, что у Сибири есть свои дела. Это не «отсталость», а местные корни. Потанин видел то же самое с другой стороны. Социал-демократическая партия в Сибири, писал он, состоит из железнодорожных рабочих, «прибывших в Сибирь из метрополии», и есть только там, где есть большие мастерские. Но томский её состав, добавлял он, — единственный, который можно назвать «зародышем будущей действительно сибирской социал-демократической партии» (Потанин, с. 119–120). Именно этот зародыш и вычищали.

Делалось это по всем правилам. В октябре–декабре 1902 года в Томске жила старшая сестра Ленина, А. И. Ульянова-Елизарова. При ней сложилась искровская группа. Томский комитет «Искру» не принимал, и её сторонники осенью 1902 года создали отдельную «Группу сибирской революционной социал-демократии». Центр союза перенесли из Томска в Иркутск. В ноябре 1902 года иркутское совещание решило перестроить организацию по ленинскому «Что делать?». В начале 1903 года союз признал «Искру» руководящим органом, а следом то же заявили Красноярский, Иркутский, Томский и Читинский комитеты. На первой конференции в июле 1903 года в Иркутске союз принял централистский принцип и объявил себя временной организацией, которая «сойдёт со сцены». Устав читинского «Союза рабочих Забайкалья» конференция осудила как «грубую смесь тред-юнионизма и социал-демократизма». Часть участников считала партийный съезд «не только ненужным, но и вредным», и советский том, не скрывая раздражения, называет это «колебаниями от ультрацентрализма до анархизма» (т. 3, с. 240–245). Итог «победы» в цифрах один: Сибирский союз, задуманный как самостоятельная

организация с собственной газетой, сам проголосовал за собственное упразднение. А рабочий союз в Чите осудили за то, что рабочие хотели бороться прежде всего за свои рабочие нужды.

Самое интересное советские авторы оставили за кадром. Делегатами Сибирского союза на II съезде РСДРП летом 1903 года были Лев Троцкий и В. Е. Мандельберг. После раскола съезда Троцкий ушёл к меньшевикам и написал брошюру «Отчёт Сибирской делегации» — одну из первых и самых резких критик ленинского централизма. Да и сам третий том вынужден признать, что после съезда в сибирских организациях были меньшевики и «примиренцы» (т. 3, с. 245). Сибирские социал-демократы долго не делились на большевиков и меньшевиков так, как в столицах. Монополия большевиков на сибирское рабочее движение была придумана задним числом, когда понадобилось представить историю партии как прямую дорогу от Шушенского к Октябрю.

Настоящая работа шла не на конференциях. Её делали рабочие, и началась она раньше всякой «победы». 8 мая 1900 года около восьмисот рабочих Красноярских железнодорожных мастерских явочным порядком ввели десятичасовой рабочий день. Вожаками были С. К. Плотиных, Г. П. Иванов, И. А. Андросов, Н. И. Цикунов. Стачка продолжалась восемь дней, и администрация уступила (т. 3, с. 214–215). В ноябре 1902 года почти вся магистраль поднялась на «билетную забастовку» против отмены бесплатных проездных билетов, и министр путей сообщения отменил приказ (с. 216). В феврале 1903 года организовано забастовали 2500 рабочих Читинских мастерских, и их требования выполнили (с. 217). 1 мая 1903 года в Томске бастовали четыре завода и несколько мастерских, а вечером на демонстрацию вышли до пяти тысяч человек. Полицию и солдат отогнали камнями (с. 218). Красноярский комитет за 1902 год выпустил тридцать прокламаций, а его типографию даже советские авторы называют «одной из лучших подпольных типографий российской социал-демократии» (с. 240–241). В Иркутске 1 мая 1902 года социал-демократы и эсеры вышли вместе (с. 218–219). До раскола на фракции и до «победы» искровцев сибирские рабочие и интеллигенты разных направлений умели действовать заодно.

На том самом II съезде, где решалась судьба Сибирского союза, свою судьбу решала и другая организация. Еврейский рабочий союз — Бунд — был старше и сильнее всех сибирских кружков вместе взятых. Он потребовал, чтобы партия строилась как федерация и признала его единственным представителем еврейских рабочих. Съезд требование отверг: партия должна быть централизованной, никаких федераций. Бунд хлопнул дверью и вышел из РСДРП. Сибирский союз, у которого не было ни численности, ни традиции Бунда, хлопнуть дверью не смог и подчинился. Но вопрос, поставленный в 1903 году, был один и тот же: может ли социалистическая партия быть союзом самостоятельных организаций, или она должна быть армией с единым штабом. Ленин ответил «армией». Через пятнадцать лет на этот вопрос пришлось отвечать уже не партии, а всей стране, и Сибирь получила тот же ответ.

Сибирские эсеры этого урока не получили. У них был свой союз, своя деревенская опора и своя связь с областниками — и в отличие от социал-демократов они долго держались за сибирскую организацию.

2.3. Сибирский союз эсеров

23 сентября 1901 года жандармы накрыли под Томском подпольную типографию. Спрятана она была не на городской квартире, а на переселенческом пункте, среди бараков, через которые шли на восток тысячи крестьянских семей. Там «Союз социалистов-революционеров» пытался печатать свою газету «Революционная Россия». Годом раньше ничего не вышло и с первым станком (История Сибири, т. 3, с. 219–220). Место для второй типографии выбрали не случайно. Социал-демократы искали опору в железнодорожных мастерских, а эсеры с самого начала пошли туда, где была Сибирь, — к крестьянину, к переселенцу, в деревню. Через пятнадцать лет та же связь эсеров с переселенческой деревней в Мариинском уезде даст сибирской революции её первую организацию.

Эсеров и Сибирь роднило многое. Главным требованием партии была социализация земли: земля не товар, её нельзя продавать и покупать, она принадлежит тем, кто её обрабатывает, и распоряжается ею община. Для крестьянина Центральной России это была мечта, ради которой надо было отобрать землю у помещика. Сибирский старожил так жил уже триста лет. Помещика здесь отбирать было не у кого, и эсеровская программа звучала в Сибири как защита того, что уже было: общинной земли — от отрезков, «излишков» и Кабинета. Сходились эсеры с областниками и в вопросе о власти. Программа партии требовала автономии для развитых регионов «по типу штатов» (Помозов 2014, с. 31–60). Молодые областники 1905–1917 годов — Михаил Шатилов в Томске, Евгений Колосов в Красноярске, Иван Якушев в Иркутске, Александр Новосёлов в Омске — ориентировались на эсеров или прямо входили в их партию. Через эсеров потанинская традиция обрела политическую партию, а эсеры через областников — сибирские корни. Среди сибирских журналистов-эсеров были Д. Голенищев-Кутузов, С. Байкалов, Р. Гоц, Е. Тимофеев, будущий писатель Исай Гольдберг (т. 3, с. 397).

Первые эсеровские группы появились в Томске, Омске и Иркутске в начале века. 1 мая 1902 года в Иркутске эсеры и социал-демократы выпустили листовки и вышли на улицу вместе (т. 3, с. 218–219). К концу 1904 года в Томске, Красноярске, Иркутске и Благовещенске работали губернские комитеты партии, и они объединились в Сибирский союз ПСР с собственным Областным комитетом (т. 3, с. 250). Здесь и прошла главная разница между двумя сибирскими союзами. Социал-демократический в 1903 году сам проголосовал за то, что «сойдёт со сцены». Эсеровский сохранил областную организацию, свой съезд и своё руководство. Даже в самом остром вопросе — о боевой работе — III съезд Сибирского союза в апреле 1907 года решил так: что имеет общегосударственное значение, то дело Центрального комитета; что имеет значение «сибирское» — дело Областного комитета. Резолюция прошла шестнадцатью голосами против двух (Кадиков 2016, с. 62–63). О том, чем была эта боевая работа, мы расскажем в главе 4. Здесь важно само слово «сибирское»: у эсеров Сибирь была не филиалом, а областью со своими делами.

Эсеров часто изображают партией бомбистов. Советские авторы, а вслед за ними и нынешние публицисты, сводят всю их историю к террору. Цифры говорят другое. С 1901 года по февраль 1917-го сибирские эсеры выпустили 566 прокламаций. Террору из них были посвящены 45, то есть восемь процентов (Кадиков 2016, с. 65). Всё остальное — агитация среди рабочих, солдат и крестьян, разъяснение партийной программы, призывы к массовой борьбе. Эсер в сибирской деревне был прежде всего учителем, кооператором, земским статистиком, агрономом. Не случайно именно из эсеров вышли многие руководители сибирской кооперации, а кооперация, как мы видели, была главной формой сибирского самоуправления до революции. Деревня знала эсера не по бомбе, а по слову и по делу.

После 1907 года партию разгромили. Аресты шли один за другим, а в 1908 году выяснилось, что глава Боевой организации Е. Ф. Азеф — агент охранки. Удар по партии был страш-

ный. В 1911 году ссыльные под Черемховом попытались собрать «Сибирскую автономную группу ПСР» — само название говорит, как держались сибирские эсеры за свою самостоятельность, — но её быстро разгромили (Кадиков 2016, с. 66). Возродилась сибирская организация в войну, и не в губернском центре, а в уездном Мариинске. В 1915–1916 годах по инициативе Бориса Маркова, Павла Михайлова, Михаила Линдберга и Арсения Лисиенко там прошли две нелегальные конференции, на которых создали «Сибирский союз социалистов-революционеров» (Помозов 2014, с. 31–60). Это были молодые люди, которым в 1917 году не исполнилось и тридцати. Кооператор Линдберг в 1917 году станет заместителем председателя Мариинского комитета общественной безопасности и членом Учредительного собрания. Михайлов и Марков в 1918 году войдут в Западно-Сибирский комиссариат — первую власть освобождённой Сибири. Лисиенко пройдёт путь от редактора эсеровской газеты до начальника штаба партизанского отряда анархиста Каландаришвили и министра Дальневосточной республики. Линдберга расстреляют в 1938 году (Помозов 2017, досье). Переселенцы Мариинского уезда так и остались опорой томских эсеров (Помозов 2014, с. 31–60). Круг, начатый в 1901 году в бараках переселенческого пункта, замкнулся в той же переселенческой деревне.

В том же 1904 году на другой окраине империи возникла партия, очень похожая на сибирских эсеров. В апреле 1904 года в Женеве грузинские революционеры основали Партию социалистов-федералистов. Её программа соединяла эсеровский аграрный социализм с требованием национально-территориальной автономии Грузии в федеративной России — то есть с тем, что в Сибири называлось областничеством. Социал-демократы, которые и в Грузии, и в Сибири считали федерализм мелкобуржуазной причудой, быстро оттеснили федералистов. Но история посмеялась над ними: в 1918 году именно грузинские социал-демократы оказались во главе независимой Грузии, которой не было ни в одной их программе. Федерализм, отброшенный партией, вернулся к ней жизнью. В Сибири он вернулся в 1917 году через эсеров.

У эсеров было и левое крыло, нетерпеливое к программам и партийной дисциплине. Его люди называли себя максималистами, а самые нетерпеливые из них уходили к анархистам. Так в Сибири появилось чёрное знамя.

2.4. Первые анархисты

10 июня 1907 года на окраине Омска собрались люди, которых полиция привыкла ловить порознь: эсеры, социал-демократы, анархисты, беспартийные левые, солдаты нескольких частей гарнизона и казаки. Только что разогнали II Государственную думу, и они обсуждали, не пора ли поднимать восстание. Собрание шло шесть суток. Эсеры и анархисты, связанные с товарищами в Томске и Екатеринбурге, требовали выступить немедленно; назначили было и дату — 23 июня. Социал-демократы считали восстание неподготовленным и в конце концов сорвали решающее заседание, а потом даже выпустили листовку против него (Кадиков 2013, с. 35). Восстания не было. Но на этом шестидневном сходе впервые в сибирской истории анархисты сидели за одним столом с другими революционными партиями как равная сторона.

Анархистская мысль появилась в Сибири задолго до анархистов. Здесь отбывал ссылку и отсюда бежал Бакунин. Здесь молодой Кропоткин, по его собственному признанию, понял, что взаимная помощь людей сильнее приказов начальства (об этом — во введении и в первом томе). Сибирский сельский мир, колонии ссыльных с их общими кассами и товарищескими судами, артели и кооперативы жили по правилам, которые анархисты только описывали в книгах. Но организованного анархизма в Сибири до 1905 года не было. Он пришёл с первой революцией — вместе с ссыльными, которых после 1905 года гнали в Сибирь тысячами, и с молодёжью, разочарованной в партийной дисциплине.

Сибирские анархисты в большинстве были анархистами-коммунистами. Их звали «хлебовольцами» — по женевакской газете «Хлеб и воля», которую с 1903 года издавали ученики Кропоткина, и по его книге с тем же названием. Они стояли за «безгосударственный коммунизм»: общество без власти и собственности, основанное на добровольных союзах общин и производителей (Циндик 2009, с. 25). Были в Сибири и анархо-синдикалисты, и индивидуалисты, и махаевцы, и толстовцы, но хлебовольцы преобладали. Числом анархисты уступали всем. В первой половине 1907 года в организациях РСДРП Западной Сибири было около 1500 человек, эсеров — около 600, а анархистов, по словам историка, «вообще минимальное» число (Циндик 2009, с. 23). Решало, однако, не число. Анархисты жили в той же среде, что и эсеры, и граница между ними была проницаемой. Один из основателей омской группы эсеров Е. Д. Ключев летом 1907 года вёл агитацию в войсках уже от имени анархистов-коммунистов. Братья С. и В. Цвиллинги успели побывать и в РСДРП, и у эсеров, и среди анархистов (Циндик 2009, с. 26). На левом краю эсеровской партии стояли максималисты, которые не хотели ждать ни Учредительного собрания, ни «буржуазной» революции. Отсюда до анархизма был один шаг, и многие его делали.

В 1907–1908 годах в Западной Сибири действовали две группы анархистов-коммунистов — в Омске и Томске. Своих военных организаций у них не было, и в казармах они работали вместе с эсерами. Омская группа после неудачи с восстанием летом 1907 года перешла к экспроприациям и осенью была разгромлена. Томскую полиция разгромила в два приёма: 29 декабря 1907 года взяли тринадцать человек, 6 февраля 1908-го — остальных (Циндик 2009, с. 25). Об экспроприациях, о «псевдоэсерах» и о туруханском бунте ссыльных-анархистов 1908 года мы расскажем в главе 4. Здесь скажем одно: сибирский анархизм первой революции остался движением кружков, а не массы.

И всё-таки он не исчез. Идеи, которые в 1907 году разделяли несколько десятков человек в Омске и Томске, через десять лет вышли на улицу. В 1917 году в Красноярске анархист-коммунист Владимир Каминский сидел в исполкоме Совета, а газета «Сибирский анархист» спорила одновременно с большевиками и с эсером Колосовым (Дементьев, с. 254–258). В 1919 году чёрное знамя поднялось над партизанскими отрядами в тайге. Сибирский анархизм прошёл тот же путь, что и сибирская деревня: от сходов и артелей — к партизанским съездам,

где решения принимали сами крестьяне, без комиссаров. Это и есть анархизм в его настоящем смысле: не бомба и не экспроприация, а самоуправление и взаимопомощь. О нём речь пойдёт в главах 10 и 21.

В те же годы на другом конце Европы анархизм стал массовой силой. В 1907 году в Барселоне рабочие профсоюзы объединились в федерацию «Солидаридад обрера», а в конце 1910 года на её основе возникла Национальная конфедерация труда — CNT. Через несколько лет за ней шли сотни тысяч испанских рабочих и батраков, и она стала крупнейшей анархосиндикалистской организацией в мире. Почему в Испании анархизм стал массовым, а в Сибири остался делом кружков? Ответ лежит в том же, о чём мы говорили в главе 1. В Барселоне были фабрики и десятки тысяч фабричных рабочих, в Андалусии — батраки огромных латифундий. В Сибири не было ни фабрик, ни латифундий. Сибирскому мужику, у которого земля и так была в руках общины, анархистская программа казалась не мечтой, а описанием его обычной жизни, — и ради неё не надо было вступать в партию. Анархизм в Сибири был разлит в самом укладе, но не имел своего рабочего класса. Он ждал часа, когда власть придёт отнимать то, что у мужика уже было.

Такой час впервые пробил в 1904 году, когда империя повела Сибирь на войну, которой Сибирь не хотела.

2.5. Русско-японская война и Сибирь

В феврале 1904 года, через несколько дней после нападения японцев на Порт-Артур, на льду Байкала проложили рельсы. Кругобайкальская дорога ещё не была достроена, и войска на восток переправлялись через озеро зимой по льду или на ледоколе (История Сибири, т. 3, с. 245–246). Паровозы по льду пускать боялись, и вагоны на другой берег тянули лошадьми. Солдаты шли пешком, десятки вёрст по ветру и морозу. Эта картина — лучший образ всей войны. Империя полезла на Тихий океан, не достроив даже дороги к нему, и расплачиваться за это пришлось тем, кто жил вдоль этой дороги.

Начиналась война тоже далеко от Сибири. В Маньчжурию и Корею империю втянула придворная компания во главе со статс-секретарём А. М. Безобразовым, получившая лесную концессию на реке Ялу. В неё вкладывались великие князья и сановники, и ради её прибыли Петербург пошёл на конфликт с Японией. Это та же схема, что и с «Копикузом» и алтайскими рудниками (глава 1): двор делит концессии, а платит страна. Только здесь платить пришлось не рудой и углём, а людьми.

Больше всех заплатила Сибирь. В Европейской России на войну призывали запасных, в Сибири — ещё и ополченцев, мужчин постарше. «Восточное обозрение» писало: «В сибирских сёлах и деревнях по несколько семейств соединялось в одну, часть пашен осталась необработанной... хлеб оказался несобраным». В забайкальских казачьих станицах «остались старый да малый» (т. 3, с. 246–247). Семьям запасных платили пособие, но прекращали выплату, как только приходило известие о гибели кормильца. После больших сражений просителям отказывали с объяснением, которое трудно забыть: «может быть, твой муж убит» (т. 3, с. 247). Московская печать смотрела на это иначе. «Московские ведомости» уверяли, что Сибирь на войне «осталась в выигрыше»: хлеб, мясо и масло подорожали, и сибиряк будто бы разбогател. Иркутское «Восточное обозрение» ответило одной фразой: «Тяжела настоящая война для России, а для Сибири сугубо» (т. 3, с. 246). В этом коротком споре — весь областнический вопрос. Для Москвы Сибирь была тылом, где наживаются на ценах. Для сибиряка это была его земля, с которой забрали мужчин.

Патриотизм в Сибири устраивали сверху. В Томске в 1904 году «патриотическую манифестацию» организовали полицмейстер Аршаулов, архиерей Макарий и купец А. Кухтерин. Томский комитет РСДРП ответил листовкой под точным названием «Полицейский патриотизм» (т. 3, с. 246). Запомним эти имена: через полтора года, в октябре 1905-го, томская полиция будет стоять за погромом, о котором мы расскажем в главе 3. Подполье ответило войне листовками. Только за первую неделю подпольные типографии Сибири напечатали около десяти тысяч прокламаций. Самая известная, красноярская, называлась «Сорок человек, восемь лошадей» — по надписи на товарных вагонах, в которых солдат везли на фронт (т. 3, с. 248). Те же теплушки, в которых до войны ехали переселенцы, теперь везли их сыновей в Маньчжурию.

К концу 1904 года война начала рождать революцию. Весной бастовали ленские прииски и черемховские копи, в августе — октябре — железнодорожники на станциях Боготол, Зима, Алзатай, Половинка. В декабре 1904 — январе 1905 года сходки шли в Томске, Красноярске, Иркутске, Нижнеудинске, Чите, Мысовой. Обычно на них собиралось по сорок–шестьдесят человек, а в Чите — около тысячи (т. 3, с. 249–250). Либералы устраивали банкеты в поддержку реформ, и Сибирский комитет РСДРП в декабре 1904 года призвал поддерживать эту оппозицию, «поскольку это движение не противоречит» интересам рабочих, — а сами банкеты превращались в демонстрации (т. 3, с. 247). Эсеры к концу года создали свой Сибирский союз. Все направления — эсдеки, эсеры, либералы, областники — впервые за много лет оказались против одного противника.

Областники сделали из войны свои выводы. После поражения, писал Потанин, Сибирь «предназначена играть роль буфера между европейской Россией и Японией», а Дальний Восток стал «аванпостом Сибири против Японии» (Потанин, с. 116–117). Значит, рассуждал он, именно Дальний Восток должен получить «политические учреждения, более свободные, чем остальная Сибирь» (с. 116). Сибирь, которая держит границу на Тихом океане, нельзя держать на положении бесправной колонии. Через пятнадцать лет Москва сама придёт к тому же выводу, когда создаст на Дальнем Востоке буферную республику, ДВР. Только Потанин предлагал свободу ради сибиряков, а Москва дала её ради дипломатии и забрала, как только буфер стал не нужен.

Против той же войны поднялась и другая окраина. 13 ноября 1904 года в Варшаве, на Гжибовской площади, Польская социалистическая партия вывела на улицу демонстрацию против мобилизации. Под красными знамёнами с надписью «Долой войну и царизм» рабочие встретили полицию и казаков револьверным огнём. Это было первое вооружённое столкновение в Царстве Польском со времён восстания 1863 года. Поляков, как и сибиряков, гнали воевать за чужие концессии на чужом краю света. Но у поляков была своя партия, которая сумела превратить ненависть к мобилизации в открытое выступление. В Сибири такого голоса ещё не было. Он появится через год, когда с маньчжурских полей по той же железной дороге поедут назад сотни тысяч солдат.

Осенью 1905 года эти солдаты, озлобленные поражением, голодом и бесконечным ожиданием эшелонов, встретились на сибирских станциях с бастующими железнодорожниками. С этой встречи и началась сибирская революция.

Глава 3. 1905: Сибирские республики

3.1. Октябрьская стачка на магистрали

12 января 1905 года в Томском железнодорожном собрании либералы устроили банкет в честь 150-летия Московского университета. Открыл его почти семидесятилетний Потанин. «Я предвижу, — сказал он, — что мы скоро услышим истинно свободный голос, открыто призывающий нас к великой борьбе за счастье родины». Гостей ждали чинных, а пришли двести рабочих и студентов. Банкет превратился в митинг, и в Томске впервые открыто заговорили о вооружённом восстании (История Сибири, т. 3, с. 253–254). Через шесть дней Томск узнал, чего это стоит. 18 января демонстрацию, которую охраняла боевая дружина, встретили выстрелами. Знаменосец, печатник и член Томского комитета Иван Кононов был убит, многие ранены, больше ста человек арестованы. Его похороны 30 января превратились в новую демонстрацию (т. 3, с. 254). Сибирский 1905 год начался с банкета у Потанина и с могилы Кононова.

Весь год революция шла по рельсам. Железная дорога, которую империя строила для себя, оказалась самым уязвимым её местом: на ней работали десятки тысяч людей, собранных в мастерских и депо, связанных телеграфом и одной общей бедой. В январе 1905 года в Сибири было одиннадцать стачек — в депо Тайги, Иланской, Нижнеудинска, Зимы, Иркутска, Слюдянки; за первый квартал их было около тридцати. Чита в конце января бастовала уже с политическими требованиями — Учредительного собрания и республики (т. 3, с. 254–255). Летом волна поднялась выше. В Красноярске 10 августа жандарм застрелил на митинге рабочего Михаила Чальникова; на его похороны пришли больше десяти тысяч человек. Стачка, начатая в Красноярске, пошла по линии — Тайга, Омск, Курган, Петропавловск, Челябинск — и за месяц прокатилась почти на четыре тысячи вёрст (т. 3, с. 259–260). В конце лета в Чите собрался съезд рабочих Забайкальской дороги и решил готовить всеобщую стачку (с. 260). Дорога училась останавливаться по собственному решению.

13 октября 1905 года первыми встали железнодорожники Красноярска, Тайги и Омска. 14-го — Чита, Верхнеудинск, Иркутск. К 17 октября бастовали почти все города и станции от Урала до Тихого океана (т. 3, с. 262). Магистраль, по которой Петербург возил в Маньчжурию войска и вывозил из Сибири хлеб и масло, замерла. И тут обнаружилось то, что потом повторится в 1918 и 1919 годах: кто держит дорогу, тот держит Сибирь. В октябре 1905 года дорогу держали рабочие.

Держали они её не толпой, а через собственные выборные органы. На каждой крупной станции возникал стачечный комитет. В Новониколаевске его составили рабочие Бушуев, Евграфов, Овчуков, Полунин; в Нижнеудинске в комитет вошли двадцать человек; на станции Зима его возглавил писатель Фёдор Березовский, на Иланской — слесарь Водолазченко. В Омске стачком включал уже не только железнодорожников, но и представителей городских предприятий. В Иркутске 14 октября был создан Объединённый стачечный комитет, а 16 октября митинг в Общественном собрании собрал пять тысяч человек и больше тридцати ораторов (т. 3, с. 262–264). Стачками решали, какие поезда пропускать, кому выдавать продовольствие, как охранять станции. По сути, на две недели на сибирской магистрали установилась власть выборных рабочих комитетов. Никто её не учреждал и никто ей не подчинялся по закону, но поезда шли и стояли по её слову. Так в Сибири впервые проявился тот принцип, ради которого потом создавались Советы, — пока Советы ещё не стали вывеской партийной власти.

Вместе с рабочими поднялись и все остальные. Подпольные комитеты печатали листовки десятками тысяч: Красноярский — больше 43 тысяч за октябрь, почти ежедневно выпуская

«Стачный бюллетень»; Читинский — 44 тысячи за октябрь и ноябрь (т. 3, с. 262). Профессиональные союзы, по словам советских авторов, «росли, как грибы» — типографщики, металлисты, железнодорожники. В Иркутске восемь союзов — инженеры, адвокаты, врачи, почтово-телеграфные служащие, учителя, служащие городской управы, приказчики и Союз равноправия женщин — объединились в «Союз союзов» (т. 3, с. 267–268). Сибирское общество, которому никогда не позволяли собираться, в несколько дней создало десятки собственных организаций. Это было то самое самоуправление снизу, о котором писали областники, только рождённое не ходатайством, а стачкой.

17 октября царь подписал манифест, обещавший гражданские свободы и законодательную Думу. Томская «Сибирская жизнь» назвала этот день днём «окончательного освобождения России от тяжёлых пут деспотизма русской бюрократии» (т. 3, с. 265). По амнистии из Верхоянска в Иркутск приехал рабочий-большевик И. В. Бабушкин, вышли на свободу «романовцы» — участники якутского протеста 1904 года, о котором мы рассказывали в главе 2. В основном стачка кончилась к 24 октября, Мариинск бастовал до 26-го, а 27 октября по магистрали полностью восстановили движение (т. 3, с. 264–265, 269). Но восстановилось уже не прежнее. Рабочие узнали, что могут остановить дорогу, а власть — что может её потерять.

Октябрь 1905 года потряс не только Россию. Весть о том, что царь уступил забастовке, дошла и до соседей империи на юге. В Персии весной и летом 1906 года купцы, ремесленники и духовенство Тегерана, подражая русскому примеру, начали массовый «бест» — сидячую забастовку. В июле около четырнадцати тысяч человек расположились в саду британского посольства и отказались расходиться, пока шах не согласится на конституцию. В августе 1906 года шах уступил, и в Иране собрался первый парламент — меджлис. Русская революция дала пример персидской. Но кончилось всё горькой иронией. Летом 1908 года казачья бригада под командой русского полковника Ляхова расстреляла здание меджлиса из пушек, и сделала это на службе у шаха и с одобрения Петербурга. Империя, которую в октябре 1905 года заставила уступить забастовка, через три года сама отправилась душить чужую конституцию. Сибирь узнала эту логику раньше Персии: уже через несколько дней после манифеста свободу в Сибири пришли «объяснять» черносотенцы и казаки.

Первым городом, где это случилось, стал Томск, где 12 января Потанин предсказывал свободный голос. 20 октября 1905 года его заглушили огнём.

3.2. Томский погром 20 октября

20 октября 1905 года, через три дня после царского манифеста о свободах, по улицам Томска пошло шествие с портретом царя. Перед выходом его благословил архиерей Макарий. Шли не к собору, а к зданию Управления Сибирской железной дороги и к соседнему театру, где собрались на митинг железнодорожные служащие, студенты, интеллигенция. В управлении в тот день выдавали жалованье, и людей там было много. Здания окружили, подожгли, и казаки, стоявшие в оцеплении, не давали тушить пожар и стреляли в тех, кто выбегал из огня. Дружинники во главе с А. С. Ведерниковым и студентом А. И. Петуховым прорвались к горящим зданиям и вывели часть осаждённых. Среди тех, кто спасся, был большевик Борис Гольдберг, через тринадцать лет — заведующий финансами Томского губисполкома (История Сибири, т. 3, с. 265–266; Помозов 2017, досье). По неполным данным железнодорожной администрации, убитых, изувеченных и сгоревших было около трёхсот (т. 3, с. 266).

Кто устроил погром, видно по тому, как он начинался. Ещё 18 октября казаки полицмейстера Никольского разогнали на Соляной площади учащихся (т. 3, с. 265). 20 октября шествие благословил архиерей, оцепление держали казаки, а полиция, которая обязана была остановить поджигателей, их не остановила. Советские историки называли организаторами губернатора Азанчевского-Азанчеева и архиерея Макария (т. 3, с. 266). Неважно, отдавал ли кто-то из них прямой приказ. Важно, что без полиции и казаков погром не продержался бы и часа, а с ними продолжался весь день. Так было по всей империи в те же октябрьские дни: в Одессе, Киеве, Ростове, в десятках городов погромы шли по одному сценарию, и всюду за спиной толпы стояли полицейский пристав и казачий урядник. Попытки повторить томское были в Иркутске, Омске, Нижнеудинске, Барнауле, Кургане, Новониколаевске. В Красноярске 21 октября черносотенцы напали на митинг в Народном доме, убили одиннадцать и ранили около сорока человек, но дом выстоял благодаря дружине (т. 3, с. 265). Нигде, кроме Томска, погром не удался в полную силу: там, где полиция не шла с погромщиками до конца, они разбежались.

Посмотрим теперь, кто стоял по разные стороны. В горящем управлении и в театре были железнодорожные служащие, телеграфисты, студенты университета и технологического института, учителя, врачи — те самые люди, из которых томский «трёхрублёвый парламент» Макушина собирал свои школы и библиотеки. На той же стороне в те же месяцы стояли Потанин, профессора университета, адвокаты, редакторы — весь цвет сибирской интеллигенции, которая летом 1905 года составляла проект Сибирской областной думы. А что было по другую сторону? Казаки в оцеплении, переодетые полицейские и толпа, собранная, как рассказывали современники, по кабакам, ночлежкам и пристаням. Это были не «народ» и не «простые сибиряки», а городское дно, которому раздали водку и сказали, кого бить. У этой толпы не было ни программы, ни вождей, кроме полицейских, ни будущего. Её единственным оружием были поджог и безнаказанность.

Поэтому у черносотенцев в Сибири не было и не могло быть своей социальной опоры. В Европейской России за «Союзом русского народа» стояли помещики, часть духовенства и чиновничества, которым было что терять. В Сибири помещиков не было, а крестьянин-старожил, хозяин своей земли, не нуждался в защитниках самодержавия: царь для него был далёким начальником, который присылал чиновников и забирал рекрутов. Опорой демократических социалистов — эсеров и областников — была как раз эта деревня. Опорой правых — только полицейский участок. Когда в марте 1917 года полиция исчезла, исчезли и они. В Томске деятелей «Союза русского народа» арестовали вместе с жандармами в первые дни революции (Помозов 2014, с. 31–60), и больше в сибирской политике черносотенцы не появлялись. Городское дно, которое в 1905 году громило по указке пристава, в 1917-м растворилось в новых толпах и пошло за той силой, которая оказалась сильнее. Своего голоса у него не было никогда.

Власть, однако, наказала не погромщиков, а их жертв. Временный генерал-губернатор барон фон Нолькен, прибывший в Томск в январе 1906 года, начал не с поджигателей, а с городского самоуправления. Действия городской управы в октябрьские дни признали незаконными, городского голову А. И. Макушина и членов управы отдали под суд за «превышение власти». 30 января 1906 года Нолькен закрыл Томское общество попечения о начальном образовании «ввиду явно преступной деятельности», а здание Бесплатной народной библиотеки передал местному отделу «Союза русского народа» (Кадилов 2016, с. 52). Библиотеку, созданную сибирской интеллигенцией для народа, отдали тем, кто жёг людей. А Вологодский, который взялся быть обвинителем на процессе о погроме, за это был выслан из Томска (Помозов 2014, с. 31–60). Нельзя сказать яснее, на чьей стороне было государство.

Через год, в сентябре 1906 года, похожий погром случился за океаном, в американской Атлантике. Шла предвыборная кампания за пост губернатора Джорджии, и газеты целыми неделями печатали сенсационные рассказы о нападениях чернокожих на белых женщин. Вечером 22 сентября толпа белых, собравшаяся вокруг салунов улицы Декейтер, двинулась громить чёрные кварталы. Полиция не мешала, а местами помогала. Били не только бедняков, но с особым ожесточением — чернокожих лавочников, парикмахеров, тех, кто сумел выбиться в средний класс. Официально погибли двадцать пять чернокожих и двое белых, на деле больше. И там, и в Томске сценарий один: газетная или церковная проповедь ненависти, толпа из кабаков, полиция, которая смотрит в сторону, и жертвы, выбранные за то, что они были образованнее и свободнее громил. Погром — это не стихия «тёмного народа». Это оружие власти, которая боится тех, кто учится и думает.

Томск проиграл свой октябрь. Но в тот же день, 21 октября, красноярская дружина отстояла Народный дом. В Красноярске рабочие и солдаты не только отбились, но через два месяца взяли власть в городе в свои руки.

3.3. Красноярская республика

6 декабря 1905 года в паровозосборочном цехе Красноярских железнодорожных мастерских собрались рабочие и солдаты. Солдат было много: два железнодорожных батальона, стоявших в городе, давно ходили на рабочие митинги. В этот день они решили больше не разделяться. Выборная комиссия рабочих, которая с октября вела дела мастерских, депо, монопольного склада, лесопильного, шпалопропиточного и стекольного заводов, объявила себя Советом рабочих депутатов. Солдаты избрали Совет депутатов от гарнизона. Вместе они составили объединённый Совет солдат и рабочих Красноярска. 8 декабря солдаты объявили забастовку, 9-го по городу прошла демонстрация до пятнадцати тысяч человек (История Сибири, т. 3, с. 278–279). На три недели Красноярск стал городом, которым управлял выборный Совет. Современники и потом историки назвали это «Красноярской республикой».

Советская историография рассказывала эту историю как дело большевиков, и делала это не на пустом месте. Красноярская организация РСДРП была одной из немногих сибирских, где большевики преобладали (т. 3, с. 258). Выборную комиссию создали по предложению её комитета, газету Совета «Красноярский рабочий», вышедшую 10 декабря тиражом до пяти тысяч, делали социал-демократы, агитацию в батальонах вели тоже они (т. 3, с. 278–279). Отрицать это незачем. Но Красноярск 1905 года был городом многих партий. Здесь работали эсеры: их газеты «Голос революции» и «Светоч» выходили в 1905–1906 годах, их боевики в сентябре застрелили полицмейстера фон Дитмара, а после манифеста 17 октября красноярская группа ПСР объявила, что «не сложит оружия, пока не уничтожит самодержавия» (т. 3, с. 397; Кадиков 2016, с. 43, 45). Здесь же действовало одно из самых крупных отделений Сибирского областного союза — около ста сорока человек во главе с врачом В. М. Крутовским (Помозов 2014, с. 31–60). И главное — здесь были тысячи людей, которые не состояли ни в какой партии: рабочие, солдаты, их жёны, гимназисты, ученицы фельдшерской школы. Без них Совет остался бы кружком.

То, что делал Совет, меньше всего похоже на захват власти партией. Это было скорее городское самоуправление, поставленное снизу. Группы Совета следили за движением поездов, держали связь с солдатами, ведали внутренним распорядком на предприятиях. Работали комиссии по охране порядка и — что особенно показательно — по выборам в городскую думу на основе всеобщего избирательного права. Совет отменил цензуру, объявил свободу слова, печати и собраний и взял под контроль правительственные учреждения. Солдатский Совет отменил денщиков: солдат больше не обязан был служить офицеру лакеем (т. 3, с. 279–280). Восьмичасовой рабочий день ещё в октябре ввели «явочным порядком» — не дожидаясь закона и не спрашивая разрешения. Советские авторы потом упрекали Совет в «ошибках»: он не устранил полицию и администрацию, оставил полиции розыск воров, а прапорщик Кузьмин и «либеральствующие» члены солдатского комитета не дали взять оружие из арсенала и стояли за «мирную» забастовку и выборы в думу (т. 3, с. 280). Для большевистского историка это слабость. Для нас это лучшее доказательство того, что Красноярская республика не была заговором одной партии. Её делали люди, которые хотели не диктатуры, а свободного города с выборной думой.

Бакунин называл главной силой революции не партию и не вождей, а стихийный бунт самого народа — его прямое действие, которое не ждёт приказа и само создаёт свои учреждения. Красноярск 1905 года показал, что он был прав. Солдатская забастовка, отмена денщиков, восьмичасовой день «явочным порядком», пятнадцатитысячная демонстрация — всё это не было спущено из партийного комитета. Партии дали этому движению слова, газету и форму Совета. Но силу ему дали солдаты, которым надоело быть денщиками, и рабочие, которым надоело работать по двенадцать часов. Это и есть революция снизу, которую потом, в 1917

году, Советы проделают ещё раз — прежде чем большевики превратят их в вывеску своей власти.

Конец республики был таким же, как у всех революций снизу, оставшихся без оружия. В ночь на 24 декабря в город по льду Енисея вошёл Омский полк, за ним Красноярский. Солдатам внушили, что их «не пропускают забастовщики». С 28 декабря восставшие — до восьмисот человек, вместе с санитарным отрядом из учениц фельдшерской школы — заперлись в железнодорожных мастерских. Осада шла неделю. По телефону вдоль линии рабочие обращались к солдатам других городов; Иркутский комитет выпустил листовку в их поддержку тиражом шестнадцать тысяч. 31 декабря мастерским перекрыли водопровод. Стоял мороз около тридцати градусов. 3 января 1906 года осаждённые сдались (т. 3, с. 280–282). Арсенал, который не решились взять «либеральствующие» солдаты, так и остался в руках власти. Это первый, но не последний раз, когда сибирская революция упрётся в простой вопрос: кто вооружён.

Судили руководителей Совета в 1906 году. Защищал их томский адвокат и областник Пётр Вологодский (Помозов 2014, с. 31–60). Это не случайная деталь. Будущий глава Сибирского правительства, человек умеренный и законопослушный, защищал рабочих и солдат, которые три недели правили Красноярском. В 1905 году областники и социалисты стояли по одну сторону — против полицейского государства, которое жгло людей в Томске и посылало полки на Красноярск.

Ровно тогда же, в декабре 1905 года, похожие республики возникли на западной окраине империи. В Лифляндии и Курляндии в ноябре в Риге собрался съезд волостных уполномоченных, около тысячи человек, и постановил заменить старое волостное начальство выборными исполнительными комитетами. Сотни латышских волостей так и сделали: крестьяне и батраки сами выбирали власть, открывали школы на родном языке, отказывались платить подати баронам. В нескольких уездных городах, как в Тукумсе и Талсах, на время утвердилась власть восставших. Конец был тот же, что в Красноярске, только страшнее. Карательные экспедиции жгли усадьбы и расстреливали сотни людей без суда. Латыши и сибиряки, никогда друг друга не видевшие, в одни и те же недели показали одно и то же: стоит власти на минуту ослабить хватку, как люди сами строят себе выборное самоуправление, — и одно и то же: без своего оружия такое самоуправление беззащитно.

В Чите вопрос об оружии решили иначе. Там гарнизон перешёл на сторону рабочих без единого выстрела, а рабочие выдали расписку за восемь тысяч винтовок.

3.4. Читинская республика

12 января 1906 года рабочая дружина в Чите вскрыла склады и вывезла 8407 винтовок, 3750 пудов патронов и 900 пудов пироксилиновых шашек. Казённому ведомству оставили расписку — на имя комитета РСДРП (История Сибири, т. 3, с. 284). Восемью днями раньше, 4 января, рабочие разгрузили тринадцать вагонов с оружием. Ни один солдат им не помешал. Читинский гарнизон к тому времени уже месяц как перешёл на сторону рабочих. Если в Красноярске революция упёрлась в запёртый арсенал, то в Чите она владела оружием целой армии. Это была самая вооружённая из сибирских республик — и именно поэтому её конец так много говорит о том, что такое власть.

Читинская республика выросла из самой мощной в Сибири рабочей среды: мастерских и депо Забайкальской дороги, где бастовали ещё в 1903 году. Здесь социал-демократическое влияние было сильнее, чем где-либо, и не признать этого нельзя. Читинский комитет возглавляли большевики В. К. Курнатовский, вернувшийся по амнистии из якутской ссылки, и бежавший с каторги А. А. Костюшко-Валюжанич; в комитете работали Н. Н. Баранский и М. К. Ветошкин. За ноябрь и декабрь комитет напечатал около двухсот тысяч экземпляров листовок, сначала «захватным путём» в трёх частных типографиях, а потом в захваченной казённой губернской. С 7 декабря выходила газета «Забайкальский рабочий» тиражом пять–шесть тысяч (т. 3, с. 282). Но и здесь партия была не одна. В Чите работали эсеры: у них была мастерская для изготовления бомб и склад снарядов, а на Оловянной эсеры держались и в рабочем союзе (Кадиков 2016, с. 45; т. 3, с. 267). А главное — в Чите на сторону революции перешли солдаты и казаки, которых никакой партийный комитет не мог бы заставить.

24 ноября 1905 года по Чите прошла демонстрация около пяти тысяч человек в честь введения восьмичасового рабочего дня. Толпа освободила арестованного большевика Кривоносенко, двух казаков и матросов с транспорта «Прут». 27 ноября солдаты и казаки предъявили свои требования командующему и наказному атаману, а 28-го создали Совет солдатских и казачьих депутатов. Вооружённого столкновения в Чите не было: гарнизон просто перешёл на сторону рабочих (т. 3, с. 284). Для власти это было страшнее любого восстания. Казак, на котором держался порядок в Забайкалье, сел рядом с рабочим в одном Совете.

Чем был город в эти недели? Восьмичасовой рабочий день, освобождённые политзаключённые, гражданская милиция вместо полиции. Стачечный комитет, по сути Совет рабочих депутатов, управлял Читинским участком дороги, почтой и телеграфом. На станциях выбирали экспертов по зарплате и товарищеские суды (т. 3, с. 285). Рабочие сами решали, сколько стоит их труд и как разбирать их споры. Это не диктатура партии, а самоуправление производителей — то, о чём писали Прудон и Бакунин и что потом назовут рабочим контролем. 9 января 1906 года, в годовщину петербургского Кровавого воскресенья, по Чите прошла вооружённая демонстрация до полутора тысяч дружинников под знаменем «Да здравствует вооружённое восстание!» (т. 3, с. 285).

Ещё ярче стихийная сила революции проявилась в забайкальской деревне. Самым богатым землевладельцем Забайкалья был не помещик, а Кабинет — царская семья. Крестьяне Александровской волости Читинского уезда по приговору своего схода заняли Тыргытуевское имение Кабинета, выгнали его администрацию и поделили землю между четырьмя сёлами; 4 декабря к ним перешёл и заготовленный Кабинетом лес. Читинский Совет солдатских и казачьих депутатов призвал казаков забрать земли «самого богатого в России барина... — Кабинета». Порубки и захваты пошли по Ундинской, Титовской, Куенгской, Торгинской станциям. В Селенгинском уезде крестьяне отобрали рыболовные угодья у Троицко-Селенгинского монастыря и Иркутского архиерейского дома. За два–три месяца кабинетские и монастырские земли Забайкалья фактически перешли к тем, кто на них работал, а парализованная админи-

страция почти не сопротивлялась (т. 3, с. 270–271). Никакая партия этого не планировала. Сход сам решил, сход сам поделил. Это и есть то, что Бакунин называл народным бунтом, — и то, что областники называли «естественное богатство Сибири есть достояние области». Мужик понял эту формулу буквально.

Конец Читы решило не оружие, а его неприменение. С запада по магистрали шёл карательный поезд генерала Меллер-Закомельского, с востока, из Маньчжурии, — войска генерала Ренненкамппа. 22 января 1906 года обе экспедиции подошли к Чите. Комитет минировал мастерские, готовился к партизанской войне и выслал два подрывных отряда, но сопротивление не состоялось (т. 3, с. 285). Генералы Ренненкамппа вступили с читинцами в переговоры и уговорили их сдаться. Меллер-Закомельский потом пожаловался царю на эту «дипломатию»: «Для дела необходимо было разгромить Читу, а не вступать со всякими союзами и комитетами в дипломатические переговоры... Бескровное же покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления» (Кадиков 2016, с. 48). Каратели наверстали своё потом. Четыре месяца они действовали в Забайкалье. 12 февраля в Верхнеудинске казнили слесарей Гордеева, Шульца, Милютинского, инженера Медведникова, служащего Гольдсобеля. 18 февраля на станции Хилок расстреляли семерых. 2 марта расстреляли Костюшко-Валюжанича, Вайнштейна, Столярова и Цупсмана (т. 3, с. 285–286). Восемь тысяч винтовок не помогли, потому что рабочие не захотели стрелять первыми в солдат, а солдаты, которых везли из Маньчжурии, не знали, в кого их послали стрелять.

Через год похожая история случилась на юге Китая. В декабре 1906 года на границе провинций Цзянси и Хунань поднялись шахтёры Аньюаньских копей и крестьяне уездов Пинсян, Лююн и Лилин. Восстание подготовили тайные общества и члены революционного союза Тунмэнхой, но десятки тысяч людей пошли за ним сами — против налогов, голода и маньчжурской династии. Повстанцы называли себя армией за восстановление Китая и требовали раздела земли. Через месяц цинские войска разгромили восстание и казнили тысячи людей. Китайская революция победила только через пять лет. Чита, как и Пинсян, оказалась слишком рано и слишком далеко от центра: вооружённая окраина, которую можно было окружить и раздавить поодиночке.

Красноярск и Чита были сухопутными республиками. На берегу Тихого океана, во Владивостоке, революцию начали не рабочие, а солдаты и матросы, — и начали её с пожара.

3.5. Владивосток и солдатские бунты

30 октября 1905 года на базарной площади Владивостока собрались больше двух тысяч матросов Сибирского флотского экипажа, около десяти тысяч солдат Хабаровского резервного полка и портовые рабочие. Война кончилась два месяца назад, а их всё не отпускали домой. Комендант крепости отказался принять их делегацию. Тогда толпа пошла громить и жечь. Горели офицерские дома, Общественное и Морское собрания, здание военно-окружного суда; несколько офицеров были убиты. Восстали минные роты в бухтах Диомид и Посъет, отряд миноносцев, команда транспорта «Тобол». Комендант генерал Казбек стянул полк и батальон с Русского острова и казаков. Убитых и раненых с обеих сторон было 182. На следующий день, 31 октября, восставшие заставили Казбека публично прочитать царский манифест, освободили с гауптвахты около ста арестованных и сожгли тюрьмы и полицейские участки (История Сибири, т. 3, с. 274–275).

Ни одна партия этот бунт не готовила. Его подняла сама армия — сотни тысяч людей, которых империя протащила через всю страну на войну, проиграла эту войну и теперь не знала, как вернуть их обратно. Солдат держали месяцами в казармах и эшелонах, без денег, без отпуска, под палкой офицеров. Их ярость была слепой, она жгла и суды, и клубы, и дома, но направлена она была против тех, кто их унижал. 12 ноября во Владивостоке капитан Новицкий зарубил шашкой канонира Калинина. В ответ больше шестисот портартурцев, вернувшихся из японского плена, и крепостных артиллеристов сожгли Офицерское собрание, убили Новицкого и ранили четырёх офицеров; арестовали 480 человек (т. 3, с. 275). Это и есть та стихия, о которой писал Бакунин: она не спрашивает разрешения, не пишет программ и не знает меры. Партии могли попытаться её направить. Создать её они не могли.

Там, где солдатский бунт находил форму, он рождал удивительные вещи. В Иркутске 26–28 ноября солдаты гарнизона на своих собраниях выработали требования к генералу Ласточкину: отмена военного положения и смертной казни, амнистия, Учредительное собрание, земля народу. Объявили «мирную, но с оружием в руках» забастовку солдат и казаков. В военный стачечный комитет вошли представители социал-демократов, эсеров и профсоюзов. Солдаты сами выбрали начальником гарнизона поручика Озберга, выбрали коменданта и командиров батальонов. 30 ноября вооружённая демонстрация освободила арестованных солдат-телеграфистов (т. 3, с. 275–276). Выборные командиры, выборный комендант, межпартийный комитет — через двенадцать лет то же самое сделает весь фронт после приказа № 1, а через четырнадцать — сибирские партизаны, выбиравшие своих командиров на сходах. Во Владивостоке в декабре 1905 года нижние чины избрали «Исполнительный комитет нижних чинов Владивостокского гарнизона». Его требования — равноправие с офицерами, свобода слова, собраний и переписки, равноправие наций, сокращение срока службы. Председатель комитета Шпер удерживал солдат от решительных действий, а советские авторы с досадой писали о кадетском влиянии и «нейтралитете армии» (т. 3, с. 277–278). Солдаты хотели не захватить власть, а перестать быть бесправными.

В те же недели выборные органы взяли в свои руки и саму дорогу. С 15 ноября бастовали почтово-телеграфные служащие, и почта и телеграф фактически оказались в руках стачкомов, бойкотировавших казённую корреспонденцию. На станциях действовали «смешанные комитеты по перевозке войск» из выборных рабочих и служащих; даже советские историки признавали, что на короткое время они были «хозяевами Великого Сибирского пути» (т. 3, с. 273–274). 30 ноября в Иркутске возник Совет депутатов служащих и рабочих Забайкальской дороги. Вопрос о том, кому принадлежит дорога, был поставлен прямо. Съезд железнодорожников в Чите 11 декабря высказался за полную передачу управления дорогой выборным. Съезд в Иркутске 19–20 декабря, где преобладали служащие управления, постановил «решительно

отвергнуть захват» (т. 3, с. 276). Два съезда, две позиции, и обе — выборные, обе — решённые голосованием, а не приказом. Таким и был сибирский 1905 год: не одна партия и не один штаб, а множество выборных комитетов, которые спорили, ошибались и всё же сами решали за себя.

Расплата пришла в январе. 10 января 1906 года во Владивосток прибыл новый комендант, генерал Селиванов, с 10-й Восточносибирской стрелковой дивизией и Нерчинским казачьим полком. Исполнительный комитет нижних чинов распустили. Многотысячную демонстрацию встретили пулемётами. Восставшие захватили форты, но остались без руководства. Генерал Мищенко рассредоточил ненадёжные части по Раздольному, Спасску, Иману, Никольск-Уссурийску и Посъету. К суду привлекли больше двух тысяч человек, сотни отправили на каторгу, восемьдесят пять приговорили к смерти (т. 3, с. 286–287). Того самого Селиванова потом, уже иркутским генерал-губернатором, годами будут пытаться убить эсеровские боевики — о чём мы расскажем в главе 4.

В те же месяцы та же война вызвала бунт и по другую сторону фронта. 5 сентября 1905 года в Токио, в парке Хибия, собралась многотысячная толпа против Портсмутского мира. Японцы считали, что их победоносная армия заплатила кровью за слишком мало: ни контрибуции, ни всего Сахалина. Три дня толпа жгла полицейские будки, громила дом министра внутренних дел и редакцию правительственной газеты, нападала на христианские церкви. Погибли семнадцать человек, сотни были ранены, в столице ввели военное положение. Зеркало получилось точным. Японская толпа бунтовала, потому что война дала ей слишком мало. Русские солдаты во Владивостоке бунтовали, потому что война отняла у них слишком много и не отпускала. Обе империи узнали в один и тот же год, что армия и народ, которых гонят на войну ради престижа и концессий, однажды обращают свою ярость против тех, кто их туда послал.

Сибирский 1905 год кончился поражением. Красноярск сдался, Чита открыла ворота, Владивосток расстреляли из пулемётов. Но то, что началось потом, было страшнее самой революции. Из Москвы на восток и из Маньчжурии на запад по магистрали пошли поезда, которые везли не войска на фронт, а войну против своих.

Глава 4. Каратели и подполье после 1905 года

4.1. Поезда Меллер-Закомельского и Ренненкампа

1 января 1906 года из Москвы на восток вышел особый поезд. В нём ехал генерал-лейтенант барон А. Н. Меллер-Закомельский с отрядом гвардейцев и пулемётами. Его задача была простой: пройти всю Сибирскую магистраль и вернуть её под власть империи. Навстречу ему из Маньчжурии, с запада на восток, по той же дороге двинулся другой отряд — генерал-лейтенанта П. К. Ренненкампа. Они должны были встретиться посередине, в Забайкалье, и раздавить между собой всё, что за осень и зиму успело вырасти на станциях: стачкомы, Советы, дружины, выборные комитеты (История Сибири, т. 3, с. 285; Кадиков 2016, с. 48). Дорога, которую строили для того, чтобы связать Сибирь с центром, теперь везла на восток не переселенцев и не войска на фронт, а войну против своих.

Метод Меллер-Закомельского был прост. Поезд останавливался на станции, гвардейцы оцепляли депо и мастерские, хватали тех, на кого указывали жандармы и начальство, и решали их судьбу на месте. Без следствия и без суда — порка, арест или расстрел. Пороли по станциям, одну за другой (т. 3, с. 285). 12 января 1906 года на станции Иланская каратели устроили бойню в депо; офицеры стреляли даже в детей. 18 января на станции Мысовая на берегу Байкала расстреляли шестерых человек. Среди них был рабочий-большевик Иван Бабушкин, который всего три месяца назад вернулся по амнистии из Верхоянска (т. 3, с. 264, 285). Амнистия, объявленная царским манифестом, отменялась пулей на первой же станции, где её получателя застал поезд генерала.

Ренненкампф, по свидетельству Деникина, не отличался такой жестокостью. Его генералы, подойдя к Чите, вступили с революционерами в переговоры и уговорили их сдаться без боя (Кадиков 2016, с. 48). Меллер-Закомельский счёл это «крупной ошибкой» и пожаловался царю. Мы приводили его слова в главе 3: Читу, по его мнению, надо было разгромить, потому что покорение городов без крови, по его мнению, никого не пугает. В этих словах — вся философия карательных экспедиций. Задача была не восстановить порядок, а запугать. Расстрелянный рабочий был нужен не потому, что он опасен, а потому, что его смерть увидят другие. Каратели и не скрывали этого. Убийство было способом говорить с населением.

Каратели продолжали говорить так ещё четыре месяца. Уже после того, как Чита сдалась без единого выстрела, войска прочёсывали Забайкалье. 12 февраля 1906 года в Верхнеудинске казнили слесарей А. А. Гордеева, И. Г. Шульца и машиниста Н. А. Милютинского, руководивших местной дружиной, а вместе с ними инженера М. Д. Медведникова и служащего А. А. Гольдсобеля. 18 февраля на станции Хилок расстреляли семерых: С. Галова, Ф. Боровицкого, А. Мкартичяна, В. Шардзиевского, А. Марчинского, В. Розенфельда, П. Беляева. 2 марта расстреляли руководителя читинских рабочих А. А. Костюшко-Валюжанича и его товарищей И. А. Вайнштейна, П. Е. Столярова и Э. В. Цупсмана. Иркутского рабочего вожака А. И. Попова-Коновалова приговорили к повешению (т. 3, с. 255, 285–286). Среди казнённых были рабочие, инженеры, служащие. Карательная машина не разбирала ни профессий, ни партий. Она искала тех, кого выбрали другие.

Эту закономерность стоит запомнить. Каратели убивали не случайных людей, а прежде всего тех, кого рабочие выбрали в стачкомы, Советы и дружины, — руководителей самоуправления. Их вина была в том, что им доверяли. Государство уничтожало ровно ту выборную ткань, которую сибирское общество успело соткать за три месяца свободы. Через тринадцать лет, в 1919 году, белые атаманы будут делать то же самое с земскими гласными и партизан-

скими делегатами, а ещё через год красные — с вожаками «бандитских» сёл. Методы будут меняться, цель останется прежней: сломать тех, кто умеет организовать людей без начальства.

У Меллер-Закомельского была и другая заслуга перед империей. По его настоянию в 1906 году закрыли иркутское «Восточное обозрение» — старейшую областническую газету, основанную Ядринцевым (т. 3, с. 393). Каратель расправлялся не только с рабочими. Ему мешало само сибирское слово, напоминавшее, что у этой земли есть свои интересы. Генерал понимал областничество лучше, чем многие его позднейшие толкователи: для него это была угроза, и он поступил с ней как с угрозой.

Колонию в те же годы умирляли и на другом краю света. В 1904 году в Германской Юго-Западной Африке, нынешней Намибии, восстал народ гереро, у которого немецкие поселенцы отнимали скот и пастбища. Командующий германскими войсками генерал Лотар фон Трота 2 октября 1904 года издал приказ, по которому каждый гереро, вооружённый или безоружный, должен был быть застрелен на немецкой территории. Гереро загнали в пустыню Омахеке и перекрыли колодцы. Из примерно восьмидесяти тысяч человек выжили немногие. По масштабу это несравнимо с сибирскими экспедициями: там уничтожали народ, здесь — его выбранных людей. Но логика одна. Колониальная власть, которая не может управлять подвластными с их согласия, управляет ими через демонстративное убийство. Меллер-Закомельский и фон Трота говорили на одном языке: страх важнее порядка.

Поезда прошли, но порядок, который они оставили, держался не на одних пулемётах. Его закрепили военно-полевые суды и каторга, через которые прошли тысячи сибиряков.

4.2. Военно-полевые суды и каторга

28 ноября 1910 года в Зерентуйской каторжной тюрьме Нерчинского округа по приказу начальника тюрьмы Высоцкого высекли розгами двух политических заключённых — М. Сломьянского и Ф. Петрова. Порка политического была для каторжан смертельным оскорблением. В знак протеста четверо приняли яд и вскрыли себе вены. Один из них умер. Это был эсер Егор Сазонов, тот самый, что в 1904 году убил министра внутренних дел Плеве (История Сибири, т. 3, с. 330). Сазонов пошёл на смерть сознательно: он хотел остановить порки, грозившие волной самоубийств среди политических, и заставить страну узнать о том, что творится на каторге. Страна узнала. Его смерть стала одним из самых громких событий тюремной истории империи, а 27 декабря зерентуйцы начали новую голодовку, продолжавшуюся пятнадцать дней (т. 3, с. 330; Кадиков 2016, с. 61).

После 1905 года Сибирь снова стала тюрьмой империи — теперь для политических. Порядок, восстановленный карательными поездами, закреплял суд, который и судом можно было назвать только по названию. Военно-полевые суды, введённые в августе 1906 года, судили без защитников и прокуроров, приговор выносили за двое суток и приводили в исполнение в двадцать четыре часа. Вот как это выглядело в Красноярске. 2 декабря 1906 года в железнодорожных мастерских эсеровские боевики застрелили жандармского унтер-офицера Терещенко, который собирал сведения об участниках декабрьского восстания. Одного из стрелявших, Адольфа Бэйма, схватили. Вместе с ним арестовали рабочего мастерских А. А. Анельского, его сына Стефана и парикмахера Т. Венцовского — за то, что будто бы укрывали второго боевика и гримировали убийц. Военно-полевой суд без промедления приговорил всех четверых к повешению. После казни по Красноярску ходили упорные разговоры о том, что Анельские и Венцовский были невиновны (Кадиков 2016, с. 54). Суд, у которого на всё было двое суток, не тратил время на то, чтобы отличать виноватых от невиноватых.

Тех, кого не вешали, отправляли на каторгу. Нерчинская каторга в Забайкалье — Акатуй, Алгачи, Зерентуй, Кадая — в 1906–1910 годах приняла сотни политических. Тюремное ведомство прислало туда начальником каторги Ю. И. Метуса со специальным заданием «дисциплинировать» политических. Он ввёл режим, при котором за малейшую провинность били, сажали в карцер на неделю, заковывали в кандалы и впервые за много лет снова стали пороть политических розгами. Этот режим подробно описала в воспоминаниях каторжанка-эсера Мария Школьник (Кадиков 2016, с. 58). Ответом были голодовки: в 1907 году в Алгачах, в марте 1908-го — общая голодовка в Акатуе (т. 3, с. 330). Голодовка была единственным оружием, которое у заключённого нельзя отнять.

Тобольский каторжный централ был не лучше. Анархист-коммунист Н. М. Гитер-Гранатштейн рассказал о «голом бунте» 1907 года: пятьсот заключённых сняли с себя всю одежду и стояли нагими, протестуя против избиений и истязаний (Кадиков 2016, с. 59). Смотритель централа А. Г. Богоявленский ответил розгами. Его преемник И. С. Могилев, пришедший осенью 1907 года, превзошёл предшественника. По воспоминаниям эсера С. Н. Каллистова, пороли «по 99 „двойных“, с плеча», иссечённую спину посыпали солью и пороли снова, «загоняя соль». Могилев сам присутствовал при порке и издевался над стонами: «Больно. Затем и порют, чтобы было больно». На «женском отделении» был «горячий» карцер, примыкавший к печи, из которого выходили в полном изнеможении. По делу о бунте в одной из камер военный суд приговорил тринадцать человек к повешению и тринадцать — к бессрочной каторге и ста дням «строгой одиночки». Могилев перемешивал политических с уголовными и наводнял камеры донощиками, чтобы сломать их солидарность (Кадиков 2016, с. 59–60). Его целью было не наказать, а растоптать.

Ломали не только телом, но и правом. 10 апреля 1908 года заключённые Александровского каторжного централа под Иркутском совершили массовый вооружённый побег-прорыв; в схватке погибли тюремные служащие. Захваченных беглецов приговорили к смерти. Иркутские эсеры ждали, смягчит ли приговор генерал-губернатор Селиванов, — тот самый, что в 1906 году расстреливал Владивосток. Приговор утвердили 28 января 1909 года. Не дожидаясь казни, приговорённые приняли переданный товарищами с воли яд, и четверо умерли. Только после этого казнь остальным отложили, а потом заменили вечной каторгой (Кадиков 2016, с. 53–54). Империя смягчала приговоры тогда, когда за смягчение уже было заплачено жизнями.

Каторга собрала вместе людей всех революционных направлений — эсеров, анархистов, социал-демократов, максималистов, — и все они, несмотря на споры, держались друг за друга. «Голый бунт» в Тобольске и голодовки в Акатуе не были делом одной партии. Это была общая солидарность людей, у которых отняли всё, кроме способности действовать вместе. Тюремщики знали это лучше всех: поэтому Могилев мешал политическим с уголовными. Солидарность и взаимопомощь, на которых держались колонии ссыльных в 1890-е годы, на каторге 1900-х стали вопросом жизни и смерти.

В те же годы военный суд в другой монархии вынес приговор, о котором заговорил весь мир. Летом 1909 года в Барселоне вспыхнула «Трагическая неделя» — восстание против отправки резервистов на колониальную войну в Марокко. Власти обвинили в его организации Франсиско Феррера — педагога-анархиста, основателя «Современной школы», светской и свободной от церковной опеки. Доказательств его участия не было. Военный суд в крепости Монжуик приговорил его к смерти, и 13 октября 1909 года Феррера расстреляли. По всей Европе прошли демонстрации протеста, и испанскому правительству пришлось уйти в отставку. Барселонский суд и сибирские военно-полевые суды сделаны из одного материала: военные судят гражданских, приговор предрешён, вина не обязательна. Но Феррера знала вся Европа. Анельских, Венцовского и сотни безымянных сибирских каторжан не знал никто, кроме их товарищей.

Товарищи, однако, помнили. На порки, соль и карцеры подполье ответило так, как отвечало самодержавию с 1880-х годов, — пулей. Почти каждый из тюремщиков, названных в этом параграфе, станет мишенью эсеровского террора.

4.3. Боевая работа, экспроприации и «псевдоэсеры»

29 сентября 1905 года около полуночи в Красноярске у собственного дома был застрелен полицмейстер О. Ю. фон Дитмар. Стреляли двое, они скрылись, и найти их так и не удалось. Это был первый террористический акт эсеров в Сибири. Местная организация ПСР объяснила его в прокламации ответом на репрессии против рабочих (Кадиков 2016, с. 45). С этого дня и до августа 1911 года, когда прозвучали последние выстрелы, история сибирских эсеров включала и эту сторону — боевую работу. Мы излагаем её так, как она известна по документам, без оценок, которых от нас ждут и одни, и другие.

Сначала — обстановка, в которой это происходило. Осенью 1905 года по Сибири шли погромы и стачки, зимой по магистрали прошли карательные поезда, расстреливавшие без суда. С августа 1906 года действовали военно-полевые суды. Первую Государственную думу распустили через семьдесят два дня, вторую — через сто два, после чего избирательный закон изменили так, что голос Сибири почти исчез (об этом в 4.4). Партия социалистов-революционеров с самого основания признавала террор одним из средств борьбы, хотя и не главным. Из 566 прокламаций, выпущенных сибирскими эсерами с 1901 года до февраля 1917-го, террору было посвящено 45 (Кадиков 2016, с. 42–43, 65). В ноябре 1905 года, после манифеста, Центральный комитет ПСР постановил прекратить террор, но местные организации в Сибири, как и во многих других местах, решения не приняли. Красноярская группа заявила, что манифест — лишь попытка «приостановить движение» (Кадиков 2016, с. 43).

Цифры, собранные историками, таковы. В 1905 году эсеры совершили в Сибири 4 террористических акта, в 1906–1907 годах — 29, в 1908-м — 4, в 1909-м — 2, в 1910 году — ни одного. Всего с 1905 по 1911 год — не менее сорока. Две трети из них пришлось на Восточную Сибирь, где в организациях было сильнее течение максималистов (Кадиков 2016, с. 65). Объектами были прежде всего чины полиции и жандармерии, военные и гражданские администраторы, тюремное начальство. 26 декабря 1905 года в Иркутске был убит исполнявший дела полицмейстера А. П. Драгомиров. 30 октября 1906 года там же была брошена бомба в генерал-лейтенанта П. К. Ренненкампа; взрыв никого не ранил. Бросивший её дворянин Николай Коршун, бежавший из нарымской ссылки, назвал себя членом Летучего боевого отряда Сибирского союза ПСР; на следующий день военно-полевой суд приговорил его к повешению, и приговор был исполнен. Перед смертью он написал матери: «Умираю вполне спокойно» (Кадиков 2016, с. 48–50). 15 декабря 1906 года в Омске был убит акмолинский губернатор Н. М. Литвинов; прокламация эсеров связывала это с подавлением им крестьянских волнений в Ставропольской губернии (Кадиков 2016, с. 51). После жестокостей на каторге, о которых шла речь в 4.2, были убиты начальник Нерчинской каторги Ю. И. Метус (28 мая 1907 года), смотритель Тобольских каторжных тюрем А. Г. Богоявленский (26 июля 1907 года) и его преемник И. С. Могилев (20 апреля 1909 года). Стрелявший в Могилева ссыльный Н. Д. Шишмарёв был приговорён к смерти и до казни принял яд. 18 августа 1911 года ссыльный эсер Б. И. Лагунов ранил начальника Зерентуйской каторги И. И. Высоцкого, которого товарищи считали виновным в смерти Сазонова; Лагунов не пытался скрыться и в январе 1912 года был казнён (Кадиков 2016, с. 57–62). Это был последний эсеровский террористический акт в Сибири.

Внутри самой партии единства по этому вопросу не было. На III съезде Сибирского союза ПСР в апреле 1907 года обозначились три мнения: передать боевую работу Центральному комитету, Областному комитету или местным организациям. Делегат из Ачинска возражал против местного террора, потому что для него «придётся из рядов местных организаций выхватывать лучших работников». Съезд принял решение удерживать местные организации «от увлечения мелким террором в ущерб их прямой деятельности», а так называемый экономический террор — против фабрикантов и управляющих — почти единогласно признал недо-

пустимым, «поскольку он отталкивает массы от партии» (Кадиков 2016, с. 62–63). После 1908 года боевая работа быстро сошла на нет. Разоблачение главы Боевой организации Е. Ф. Азефа как агента охраны, аресты, провокаторы и общая усталость общества от насилия сделали своё дело. Попытка ссыльных под Черемховом в 1911 году возобновить боевую работу сразу кончилась провалом (Кадиков 2016, с. 65–66).

Отдельный вопрос — экспроприации. II съезд ПСР в феврале 1907 года признал экспроприации частного имущества «абсолютно недопустимыми»: их участники исключались из партии. Изъятие казённых средств допускалось только под контролем ЦК и без человеческих жертв. III съезд Сибирского союза тринадцатью голосами против шести передал их в ведение ЦК (Кадиков 2017, с. 65–66). На практике решения нарушались. В феврале 1907 года иркутские эсеры ограбили Глазковское почтовое отделение. Весной того же года по заданию ЦК в Чите вели подкоп под губернское казначейство, где хранилось больше полутора миллионов рублей. Подкоп обнаружили 14 апреля; участники получили от ссылки на поселение до восьми лет каторги. Только после разоблачения Азефа они поняли, кто их выдал: руководитель подкопа получал явки от самого Азефа (Кадиков 2017, с. 68, 70–71).

Но рядом с революционерами, а часто и вместо них, действовали люди совсем другого сорта. Их надо назвать прямо — уголовниками, укравшими имя революции. Летом 1907 года жителю посёлка Башмачного в Степном крае пришло письмо от «Омского комитета Боевой организации бомбистов» с вынесенным ему «смертным приговором», который можно было отменить, заплатив тысячу рублей; в письме слово «комитет» было написано тремя разными способами (Кадиков 2017, с. 66–67). Прокурор Читинского окружного суда докладывал о «шайках грабителей» из бывших сахалинских каторжников, пришлых безработных и «местного порочного элемента», которые «прикрываются именем революционных обществ и именуют себя анархистами-коммунистами, максималистами и т. п.» (Кадиков 2017, с. 67). В Омске в 1907 году прошла серия «эксов» — подрядчика, страхового общества, гостиницы, аптеки, почт. Даже начальник омских жандармов считал, что они «вряд ли имеют что-либо общее с революционными организациями» и совершены «для личной наживы». Омские революционеры сами выпустили объявление с просьбой не считать их участниками этих грабежей. 30 октября 1907 года грабители застрелили на пороге собственного дома омского мещанина Я. Л. Спивака, рассчитывая найти у него четыре тысячи рублей, и унесли три десятка рублей и часы. Один из них, называвший себя «Мишкой», раньше состоял в эсеровской боевой организации, но ушёл из партии, когда та запретила ему грабить частную квартиру. Деньги с прежних «эксов» эта компания делила между собой (Кадиков 2017, с. 68–69). Один из основателей ПСР Г. А. Гершуни говорил, что девять десятых всех экспроприаций были обычным бандитизмом. Эсер В. М. Зензинов, встречавший таких людей в ссылке, писал: «Они называли себя политическими, но вернее их следовало бы назвать уголовными» (Кадиков 2017, с. 64–65). С этой оценкой мы согласны полностью. К революции они не имели никакого отношения, а вред ей принесли огромный: каждый такой грабёж служил власти доказательством, что все революционеры — разбойники.

Самый известный случай такого рода в Сибири — так называемый Туруханский бунт 1908 года. В июле в селе Верхне-Инбатском съезд двенадцати колоний политических ссыльных создал союз взаимопомощи; анархист П. Турчанинов проповедовал там «ассоциативный анархизм». 28 августа группа анархистов со станка Селиваниха ограбила факторию английской фирмы «Рошетт» и пошла вниз по Енисею к устью, совершая по пути грабежи и убийства. Против них послали войска и казаков. Расправилась администрация не только с ними, но и с активом «Союза политических ссыльных» — то есть с той самой организацией взаимопомощи, которая к грабежам отношения не имела. Сами ссыльные анархистов осудили (История Сибири, т. 3, с. 335). Итог показателен: несколько человек, взявших в руки оружие ради

добычи, погубили настоящее самоуправление ссыльных и дали власти предлог, которого она давно искала.

В те же годы в британской Индии, в Бенгалии, действовали тайные революционные общества «Анушилан самити» и «Югантар». 30 апреля 1908 года в Музаффарпуре двое молодых бенгальцев бросили бомбу в экипаж, в котором, как они думали, ехал британский судья, известный суровыми приговорами индийским патриотам. В экипаже оказались две англичанки, они погибли. Восемнадцатилетнего Худирама Боса повесили в августе 1908 года. Последовал большой Алипурский процесс, по которому судили десятки членов подпольных обществ. В британских документах они значились террористами и преступниками. В сегодняшней Индии Худираму Босу стоят памятники, а его имя носят улицы и колледжи. Две империи, не дававшие подданным законного способа влиять на свою судьбу, в Бенгалии и в Сибири столкнулись с одним и тем же — с тайными обществами и бомбами — и ответили одинаково: виселицами и громкими процессами.

Империя, впрочем, давала своим подданным и другой язык — выборы в Государственную думу. Как этим языком позволили говорить Сибири, видно по тому, что от её голоса осталось после 3 июня 1907 года.

4.4. Думы и закон 3 июня: Сибирь лишают голоса

16 мая 1907 года в селе Медведском Барнаульского уезда провожали в Петербург своего земляка, крестьянина Якова Ревякина, избранного во II Государственную думу. Волостной писарь зачитал адрес от жителей волости. Земляки наказывали депутату добиваться землеустройства, снижения налогов, больниц (Шиловский 2013, с. 33). Неделей раньше губернское собрание выборщиков в Томске избрало шестерых депутатов: профессора университета Н. Н. Розина, присяжного поверенного П. В. Вологодского, крестьян А. Г. Мягкого, Я. А. Ревякина, Е. И. Шишкина и алтайца Д. М. Тобокова. Выборщиками от самого Томска были Вологодский, Потанин, А. М. Головачёв и В. Л. Некрасов; Вологодский тогда числился эсером (Шиловский 2013, с. 32). Ревякин не успел ничего добиться. Через три недели после проводов, 3 июня 1907 года, царь распустил Думу и изменил избирательный закон. Сибирь, которая только начала учиться говорить в парламенте, почти лишили голоса.

Первый избирательный закон, от 11 декабря 1905 года, и так был далёк от народовластия. Он лишал права голоса женщин, людей моложе двадцати пяти лет, военных, рабочих мелких предприятий, учащихся и «бродячих инородцев» — больше половины взрослого населения. За Уралом один депутат избирался от 350 тысяч жителей, а в Европейской России — от 250 тысяч; депутатом не мог стать тот, кто не владел русским языком. Выборы шли в несколько ступеней, для крестьян — в четыре: от десяти дворов выбирали члена волостного собрания, волостное собрание — уполномоченных, уполномоченные — выборщиков, а выборщики на губернском собрании — депутатов (Шиловский 2013, с. 29). Власть рассчитывала на крестьянина как на опору трона. В Сибири крестьяне избирали больше 75 % выборщиков, в Тобольской губернии — больше 80 % (там же). Расчёт не оправдался.

Сибирский мужик воспользовался выборами по-своему. В Тобольской губернии в 1906 году на уездные съезды явились все уполномоченные, и давление властей не помогло. Тобольск выбрал губернскими выборщиками двух ссыльных — агронома Н. Л. Скалозубова и А. Н. Ушакова. Уездная комиссия отменила выборы, губернская отменила её решение. Когда в 1907 году волостной сход снова избрал выборщиком бывшего депутата Т. В. Алексева и уездная комиссия опять отменила результат, через две недели сход выбрал его же. Крестьяне-выборщики Ачинского уезда в 1906 году написали в газету открытое письмо ко всем выборщикам губернии: приезжайте за пять дней до собрания, «чтобы сговориться». Сговорились — и избрали депутатами шушенского крестьянина-трудовика С. А. Ермолаева и сельского врача Н. Ф. Николаевского (Шиловский 2013, с. 30–31). Без партий и без начальства крестьяне сами устроили себе предвыборный съезд. Это была та же сходовая демократия, что в волости, только перенесённая на губернию.

Во II Думу от Сибири прошли девятнадцать депутатов: шесть кадетов, три социал-демократа, три народных социалиста, два эсера, два трудовика (Шиловский 2013, с. 32); остальные числились беспартийными. Ни октябристов, ни монархистов среди сибирских депутатов II Думы не было. Там, где голосовали имущие горожане, правые иногда набирали голоса: в Красноярске по городской курии, куда допускали лишь владельцев недвижимости и плательщиков налогов, черносотенцы получили 26 % — и всё равно проиграли социал-демократам, набравшим 42 %. В Кузнецке ставленник монархистов городской староста Попов прошёл в выборщики, усадив писарей управы заполнять бюллетени за неграмотных (Шиловский 2013, с. 32). Даже при цензовом праве и подтасовках правые в Сибири не могли выиграть ни одной губернии. Это и есть та малозначительность правых, о которой мы говорили во введении, — она видна уже по выборам 1906–1907 годов. Власть понимала это лучше нас. Ещё перед выборами во II Думу Сенат «разъяснил» закон так, что права голоса лишились железнодорожники

— машинисты, слесари, стрелочники, кондукторы. В Мариинске число избирателей сократилось с 2186 до 1170 (Шиловский 2013, с. 30).

Закон 3 июня 1907 года довершил дело. Число сибирских депутатов сократили с двадцати шести до четырнадцати. Городскую курию разделили на разряды по имуществу, а крестьянское представительство урезали: в Томской губернии вместо семидесяти четырёх выборщиков от волостных уполномоченных теперь избиралось одиннадцать, в Тобольской вместо пятидесяти — десять. Население Степного края, буряты и якуты вовсе лишились права выбирать. Закон объяснял это так: «В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Государственную думу должны быть временно приостановлены» (Шиловский 2013, с. 33). Буряты, которые в 1905 году провели собственные национальные съезды, и якуты, создавшие «Союз якутов», оказались недостаточно «гражданственными». Через десять лет, в 1917 году, они ответили на это своими думами и своими автономиями (глава 9).

Сибирские эсеры спорили, участвовать ли в выборах в III Думу. Красноярская конференция ПСР перевесом в один голос высказалась за участие. Иркутский эсер Е. М. Тимофеев писал из Александровской каторжной тюрьмы, что активный бойкот обернётся борьбой против самих крестьян, которые всё равно пойдут голосовать. Областная конференция выбрала «пассивный бойкот», а Совет партии запретил эсерам выставлять кандидатов (Кадиков 2013, с. 36–38). В III Думу от Сибири прошли одиннадцать человек — пять кадетов, три трудовика, два социал-демократа и один прогрессист; в IV, в 1912 году, — восемь кадетов, два трудовика, один социал-демократ и один беспартийный (Шиловский 2013, с. 33). Среди томских кадетов IV Думы был В. Н. Пепеляев — через шесть лет председатель Совета министров у Колчака. Но и в 1912 году волостные уполномоченные, несмотря на давление властей и духовенства, требовали выбирать «партийных, левых, которые бы стояли за учреждение в Сибири земства» (Шиловский 2013, с. 33). Потанин подвёл итог этим годам точно: сибирские депутаты в Петербурге чувствуют себя «праздными зрителями», а «их настоящее место не в Государственной думе, а в областной» (Потанин, с. 114).

Ровно в те же недели в соседней монархии избирательное право пошло в обратную сторону. В январе 1907 года император Франц Иосиф утвердил закон о всеобщем, равном и прямом избирательном праве для мужчин австрийской половины Габсбургской империи. В мае 1907 года, когда в Сибири провожали в Петербург депутатов II Думы, австрийцы впервые голосовали по новому закону, и крупнейшей партией в рейхсрате стали социал-демократы. Многонациональная монархия, где жили немцы, чехи, поляки, украинцы, словенцы, итальянцы, рискнула дать голос всем. Русская монархия, такая же многонациональная, через месяц сделала наоборот — отняла голос у бурят, якутов и казахов и урезала его у сибирских крестьян. Австрийцам это не спасло империю, но выиграло для их народов десятилетие парламентской жизни. Сибири закон 3 июня оставил другой урок: свой голос ей придётся добывать не в Петербурге, а у себя дома.

Так и думали областники. Ещё в 1905 году, когда Дума только обещалась, они начертили проект собственного, сибирского представительства — Сибирской областной думы.

Глава 5. Областники и народы: 1905–1914

5.1. Томский съезд 1905 года и проект Сибирской областной думы

20 мая 1905 года в Красноярске врач Владимир Крутовский впервые предложил то, о чём сибирские патриоты говорили полвека, но никогда не формулировали как программу: общесибирскую земскую думу — выборное собрание всей Сибири (Помозов 2014, с. 31–60). Крутовский возглавлял красноярское отделение только что созданного Сибирского областного союза, около ста сорока человек. Власти его не любили: его не раз высылали за связи с народными социалистами. Через двенадцать лет, в октябре 1917 года, именно он будет председательствовать на Первом Сибирском областном съезде. Мысль, высказанная в мае 1905-го, проделала долгий путь от красноярской квартиры до томского актового зала.

Сибирский областной союз возник в начале 1905 года, и возглавил его Потанин. Томское отделение вёл адвокат Вологодский, красноярское — Крутовский (Помозов 2014, с. 31–60). Это была первая в истории попытка областников стать не кружком единомышленников, а политической организацией. Летом 1905 года в Томске Юридическое общество составило «Проект положения о земской реформе в Сибири», и его одобрили советы шести томских обществ (История Сибири, т. 3, с. 261). Писали проект Вологодский, М. Н. Вознесенский, А. В. Витте и А. Н. Гаттенбергер при участии самого Потанина. Название будущего органа — Сибирская областная дума — предложил Вознесенский (Помозов 2014, с. 31–60).

Проект стоит прочесть внимательно, потому что в нём уже есть всё, за что сибиряки будут бороться в 1917–1918 годах. Самоуправление строилось снизу вверх: волостные, уездные и губернские земские собрания, а над ними — общий выборный орган для всей Сибири. Областная дума должна была вести местным бюджетом, народным образованием, здравоохранением, общественной безопасностью, местными путями сообщения. Ей передавались переселенческое дело, землеустройство и статистика, право законодательных ходатайств. Главное — она должна была распоряжаться всеми землями, лесами и недрами Сибири и определять порядок землепользования в связи с переселением (т. 3, с. 261). Каждый пункт был ответом на беды, о которых мы рассказывали в главе 1. Переселением распоряжался Петербург — проект отдавал его Сибири. Недра раздавал Кабинет — проект передавал их выборной думе. Земли отрезались «излишками» — проект отдавал землеустройство в руки самих сибиряков. А в общероссийском вопросе проект требовал Учредительного собрания, избранного по «четырёххвостке» — всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием (т. 3, с. 261). Сибирь при этом оставалась частью империи. Областники не требовали отделения. Они требовали права решать свои дела у себя дома.

28–29 августа 1905 года в томском доме Вологодского собрался областнический съезд — тот самый, о котором мы упоминали во введении. Он одобрил проект, и его решения стали платформой Сибирского областного союза (т. 3, с. 261; Помозов 2014, с. 31–60). Через два года, сводя в одну программу сибирские наказы, Потанин добавил к ней мысль, которая и сегодня звучит смело. Кроме общесибирской думы, писал он, нужны отдельные думы бурят, киргизов (казахов) и алтайцев (Потанин, с. 114–115). А чтобы права народов Сибири не зависели от доброй воли большинства, инородцам должно быть оставлено право апеллировать к общероссийской Думе, потому что в областной думе «русское большинство не всегда окажется на стороне справедливости» (Потанин, с. 116). Старый областник заранее предусмотрел защиту

меньшинств от собственных единомышленников. Федерация у него строилась не только сверху вниз — от империи к области, — но и внутри самой Сибири, от области к народам.

Советские историки называли этот проект «буржуазной автономией Сибири», на котором лежит «печать областной ограниченности» (т. 3, с. 261). Посмотрим, кому он был выгоден. Он отнимал недра и леса у Кабинета, то есть у царской семьи, и у раздававших концессии сановников. Он отнимал у петербургских чиновников переселение и землеустройство. Он передавал всё это выборным органам, которые снизу доверху избирались бы всеми жителями Сибири, а в 1905 году в Сибири больше трёх четвертей выборщиков в любые собрания составляли крестьяне. Это не программа буржуазии — это программа сибирского мужика, сформулированная сибирскими интеллигентами. По сути она была федерализмом снизу, о котором писал Бакунин: союз общин, волостей и областей, поднимающийся от местного к общему по добровольному согласию.

Союзников в центре у этого проекта не нашлось. Потанин отправил делегацию на общероссийский земский съезд в Москву. Там сибиряков вежливо попросили пока автономию не выдвигать (Помозов 2014, с. 31–60). Московские земцы и либералы, которые сами боролись с бюрократией, не хотели и слышать о том, чтобы кто-то за Уралом распоряжался своими землями и недрами без Москвы. Это был первый урок, который областникам пришлось выучить ещё не раз: столичные либералы, когда речь заходит о Сибири, рассуждают так же, как столичные министры. До 1917 года областники так и шли в фарватере кадетов и не добились даже простого земства (там же).

В те же самые недели, в августе 1905 года, на другом конце Европы окраина решала тот же вопрос — и решила его иначе. 7 июня 1905 года норвежский стортинг объявил, что уния со Швецией прекращена, потому что король больше не исполняет свои обязанности. 13 августа на референдуме за расторжение унии проголосовали 368 тысяч норвежцев, против — меньше двухсот человек. Осенью Швеция признала независимость Норвегии без войны. У норвежцев было то, чего не было у сибиряков: собственный парламент, стортинг, существовавший с 1814 года. Поэтому им было на что опереться, когда пришло время решать. Сибирские областники в том же августе просили гораздо меньшего — не независимости, а только своей думы в составе империи. Им ответили: подождите. Норвегия показала, что окраина со своим выборным органом может решить свою судьбу мирно. Сибирь показала, что окраина без такого органа даже права попросить не имеет.

Но и внутри самого Сибирского областного союза единства хватило ненадолго. Осень 1905 года развела вчерашних союзников — тех, кто пошёл к кадетам, и тех, кто остался с эсерами и народом.

5.2. Раскол Сибирского областного союза

В октябре 1905 года, через несколько дней после томского погрома, в городе открылось отделение новой Конституционно-демократической партии. Возглавили его профессора университета — П. В. Соболев, И. А. Малиновский и другие; отделения кадетов возникли и в Иркутске, Красноярске (История Сибири, т. 3, с. 267–268). Для многих членов Сибирского областного союза, созданного всего полгода назад, это стало выбором. К концу 1905 года союз раскололся, и часть его членов ушла к кадетам (т. 3, с. 268). Те, кто летом вместе писали проект Сибирской областной думы, зимой оказались в разных лагерях.

Раскол обнажил то, что в областничестве всегда жили две души. Одна была конституционно-либеральной. Ей нужны были земство, гласный суд, свобода печати и университет, а всё остальное казалось мечтой, которая подождёт. Другая была демократической и социалистической. Для неё земство было только первым шагом, а целью — передача Сибири её земли, лесов и недр, федерация снизу и права народов Сибири. В 1905 году обе души ещё уживались в одном проекте. Революция заставила выбирать. Кадеты предлагали своим сибирским сторонникам место в большой общероссийской партии с ясной программой и надеждой на министерские портфели. Ценой была автономия: кадетский центр, как мы видели, просил областников её пока не выдвигать (5.1). Сибирские кадеты и сами были неодинаковы. Красноярские стояли левее, томские держались центра, омские были правыми и видели в автономистах сепаратистов (Помозов 2014, с. 31–60). Помозов связывает эту омскую кадетскую неприязнь к сибирской автономии с тем, что именно в Омске в 1918 году офицеры похоронят Сибирское правительство. Мы ещё вернёмся к этой связи в главе 14.

Потанин видел, как его соратников уводят в сторону, и спорил с ними открыто. Противники областничества, писал он, говорили так: у Сибири остался один недостаток — нет земства, а «как только будут введены земские учреждения... тогда и совсем конец сибирскому областничеству» (Потанин, с. 140–141). Для него это была подмена. Областничество не сводилось к одной административной реформе. «Основа сибирской идеи чисто территориальная», — писал он, и поэтому «областническая тенденция будет существовать, пока существует Сибирь» (Потанин, с. 147, 149). Колонию нельзя излечить земством, если её недра, её земля и её деньги по-прежнему принадлежат метрополии. Потанин не скрывал и слабостей своего движения. Экономическим вопросом, признавал он, Ядринцев почти не занимался, потому что «придерживался учения социалистов» и не считал нужным много думать о том, в чём больше всего была заинтересована сибирская буржуазия (Потанин, с. 108). Сам Потанин одно время был народным социалистом (Помозов 2014, с. 31–60). Старики-областники до 1917 года тактически шли за кадетами, потому что больше идти было не за кем, но социалистом их учитель оставался всю жизнь.

Раскол 1905 года оказался не только партийным, но и поколенческим. Молодые областники Шатилов, Колосов, Якушев и Новосёлов (2.3) пошли не к кадетам, а к эсерам (Помозов 2014, с. 31–60). Они унаследовали от Потанина не кадетскую осторожность, а его мысль о том, что Сибирь должна сама распоряжаться своей землёй. Десять лет между двумя революциями два крыла сосуществовали в одних газетах и обществах, но в 1917 году разошлись окончательно. 17 июня 1917 года восемь журналистов томской «Сибирской жизни» во главе с Шатиловым ушли из газеты, которую считали кадетской, — с этого дня Помозов отсчитывает разрыв младообластников со «стариками» (Помозов 2014, с. 31–60). Об этом мы расскажем в главе 9.

Чтобы понять, что в действительности было поставлено на кон в 1905 году, полезно посмотреть на областнический проект глазами мыслителя гораздо более позднего времени — американского анархиста Мюррея Букчина. В 1980-е годы Букчин назвал свою программу «либертарным муниципализмом». Он считал, что настоящая политика — это не борьба партий

за государственную власть, которую он называл «государственным ремеслом», а самоуправление граждан в своём городе или общине, на открытых собраниях, где люди решают общие дела лицом к лицу. Общины, по Букчину, должны объединяться в конфедерацию, а её советы — состоять из делегатов, связанных наказом и отзываемых в любой момент. Хозяйство должно принадлежать не государству и не частным владельцам, а самим общинам: Букчин называл это муниципализацией экономики.

Если положить рядом проект 1905 года, сходство бросается в глаза. Основой у областников был волостной сход и волостное земство — то самое собрание соседей, о котором писал Букчин. Над ним поднимались уездные и губернские собрания и общесибирская дума, то есть конфедерация, построенная снизу. Земли, леса и недра передавались не казне и не частным компаниям, а выборному органу самой Сибири — по сути, та же «муниципализация», только в масштабе области. Различия тоже есть, и их не надо прятать. Букчин думал о городе и о прямой демократии, областники — о деревне и о представительстве; Букчин хотел заменить государство, областники собирались жить внутри империи. Но логика у них одна: власть растёт снизу, а не спускается сверху, и собственность на общие богатства принадлежит тем, кто живёт на этой земле. В этом свете раскол 1905 года выглядит понятнее. Кадеты выбрали «государственное ремесло» — партию, Думу, министерства в Петербурге. Молодые областники и эсеры выбрали политику общин — сход, земство, кооператив. Через восемьдесят лет американский анархист описал как идеал то, что сибирская деревня делала без всякой теории, а сибирские интеллигенты попытались записать в проект закона.

Ровно такую же политику снизу в те же годы пытались строить у себя народы Сибири. Буряты, чьи сходы и родовые управы существовали задолго до русской колонизации, в 1905 году собрали свои съезды и потребовали собственного самоуправления.

5.3. Бурятские съезды и Хоринская дума

19–20 декабря 1905 года в селе Анинском Хоринского ведомства в Забайкалье собрался суглан — большой бурятский сход. Он постановил закрыть «иностранческие волостные правления», которые власти ввели несколько лет назад, не подчиняться крестьянским начальникам, не платить податей и восстановить собственное самоуправление со Степной думой. 6 января 1906 года Хоринская Степная дума открылась, буряты выбрали своих должностных лиц. Через короткое время её закрыла областная администрация (История Сибири, т. 3, с. 295). Дума прожила несколько недель. Но за эти недели буряты показали, что умеют управлять собой без русского начальника, — и что прекрасно помнят, как это делалось.

Чтобы понять, почему буряты требовали вернуть Степную думу, надо вспомнить её историю. По уставу 1822 года, составленному при Сперанском, бурятские роды управлялись своими выборными органами — родовыми управами и степными думами. Это было ограниченное, сословное самоуправление, в котором первую скрипку играли нойоны, бурятская знать. Но оно было своим. В конце XIX века правительство решило «уравнять» бурят с русскими крестьянами: вместо степных дум ввести волости, вместо родовых старшин — крестьянских начальников из русских чиновников, а заодно провести землеустройство и отрезать «излишки» в переселенческий фонд. В 1903 — начале 1904 года Забайкалье ответило волнениями. В Галзутской волости Хоринского ведомства никого не допустили к присяге на новый порядок; Гочитская волость прогнала крестьянского начальника; Агинское ведомство отказалось подчиняться. Бурятские ведомства объявили на военном положении. Правительству пришлось отступить и проводить реформу «постепенно и осторожно» (т. 3, с. 292). Для бурят устав 1822 года стал тем, чем для сибирского старожила был мир: последней защитой от чиновника.

В 1905 году буряты пошли дальше простой обороны. В Чите с 20 апреля по 1 мая, в Иркутске с 21 по 25 августа, в Гусиноозёрском и Цугольском дацанах собирались бурятские съезды; на забайкальские приезжали и эвенки. Требования у них были поразительно похожи на требования областников. Самоуправление по всеобщему и равному праву. Долой крестьянских начальников — «мы служим коровами для них», говорили делегаты. Самоуправление должно было строиться снизу: булучные (сельские) сходы, управы, думские собрания и общая дума на всё ведомство, а у иркутских бурят — по образцу земства. Землю — закрепить за бурятами те угодья, которыми они фактически пользуются, и прирезать малоземельным из казённых земель. Школу — всеобщее обучение на родном языке, новые школы, стипендии, отмену ограничений при приёме бурят в учебные заведения (т. 3, с. 294). Это та же лестница самоуправления, что в томском проекте 1905 года, и та же логика власти снизу, о которой мы говорили в 5.2. Только поднималась она не от русской волости, а от бурятского булука.

Внутри бурятского движения шла своя борьба. Нойоны — «стародумцы» — хотели вернуть устав 1822 года вместе со своими должностями и землями. Улусная интеллигенция и зажиточные скотоводы, объединившиеся в «Партию прогрессивных бурят», требовали отменить родовые привилегии (т. 3, с. 291–292). А снизу шло то, чего не планировали ни те, ни другие. Сход Агинского ведомства в конце 1905 года постановил изъять у Кабинета местности, которыми прежде владели буряты. Ацагатский булук просил уравнять и переделить все земли, а в июле 1906 года попытка уравнительного передела вызвала гнев богатых (т. 3, с. 295). Бурятская община, как и русская, сама ставила вопрос о справедливом разделе земли. Были среди бурят и социал-демократы: Ц. Ц. Ранжуров входил в Читинский Совет солдатских и казачьих депутатов (т. 3, с. 292–293). Советские авторы упрекали бурятские съезды в том, что они «замкнулись в местные национальные рамки» и ограничивались ходатайствами (т. 3, с. 294–295). Но для народа, у которого не было ни армии, ни партии, ни газет на родном языке,

суглан, ходатайство и Степная дума были единственными доступными формами борьбы. И они работали, пока их не закрыли силой.

Бурятский пример подхватили соседи. В ноябре 1905 года съезд уполномоченных Аскизской управы хакасов принял бурятский проект самоуправления. К концу 1905 года был составлен проект «Устава союза сибирских инородцев» — объединения народов Сибири для защиты общих интересов, с выборами на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования (т. 3, с. 294). Союз так и не был создан. Но сама идея — народы Сибири объединяются снизу, каждый со своим самоуправлением, — была прямым воплощением того, о чём писал Потанин, требуя отдельных дум для бурят, казахов и алтайцев рядом с общесибирской (Потанин, с. 114–115). Хакасы не ограничились проектами: они отказывались платить подати и рубили казённый лес, а в декабре 1905 года в стачечный комитет на руднике «Юлия» вошёл хакас Спиридон Сугараков (т. 3, с. 295).

Империя ответила привычно. Закон 3 июня 1907 года лишил бурят права выбирать депутатов в Думу как народ, не достигший «гражданственности» (глава 4). В 1910 году, когда булучные сходы Верхнеудинского уезда отказались от натуральных повинностей, к ним послали два отряда по тридцать солдат, и буряты были «усмирены» (т. 3, с. 338). Но остановить бурятское движение уже было нельзя. Буряты учились: в 1911 году в школах было 3249 бурятских учеников, в бурятских ведомствах Иркутской губернии за 1909–1914 годы число школ выросло с 52 до 121, а к 1916 году 125 бурят учились в средних школах и 30 — в высших (т. 3, с. 426–427). Из этих людей в 1917 году сложится бурятская интеллигенция, которая созовёт Общебурятский съезд и потребует национальной автономии (глава 9).

В те же самые дни, в августе 1905 года, когда буряты съезжались в Иркутск, на другом конце мира собрались на свой съезд коренные народы Индейской территории в Соединённых Штатах. 21 августа 1905 года в городе Маскоги открылся конвент, созванный пятью «цивилизованными племенами» — чероки, чокто, чикасо, криками и семинолами. Они написали конституцию отдельного индейского штата Секвойя и попросили принять его в Союз. В ноябре проект одобрили на референдуме жители территории. Конгресс в Вашингтоне отказался его рассматривать, и в 1907 году индейские земли включили в новый штат Оклахома, где коренные народы оказались меньшинством. Так же поступили и с бурятами: им тоже предложили растворить своё самоуправление в чужих учреждениях. Республика и империя, разделённые океаном, ответили одинаково, потому что вопрос был один: кому принадлежит земля, на которой народ жил до прихода колонистов.

Буряты выбрали для своего самоуправления форму, освящённую законом 1822 года. Их северные соседи-якуты попытались создать политический союз, а алтайцы искали спасения в новой вере.

5.4. «Союз якутов» и бурханизм

Весной 1904 года в долине Теренг в Горном Алтае, у пастуха-алтайца Чета Челпанова, его приёмной дочери-подростку было видение: всадник на белом коне, который возвестил скорый приход Ойрот-хана — освободителя алтайского народа. Весть разошлась по долинам быстрее любого приказа. В Теренг стали съезжаться алтайцы из разных родов, и вскоре там собрались тысячи людей. Они молились новому богу — Бурхану, сжигали шаманские бубны, отказывались от кровавых жертвоприношений и от употребления табака и водки. Новую веру называли бурханизмом, или «белой верой». Через несколько недель на моление напали полиция и вооружённые русские поселенцы; молящихся разогнали, имущество разграбили, Челпанова с семьёй арестовали. Власти, которые как раз воевали с Японией, заподозрили в «Ойрот-хане» японских шпионов.

Чтобы понять, что произошло в Теренге, надо вспомнить, в каком положении был Алтай к началу века. Почти весь он принадлежал Кабинету — то есть царской семье. На алтайские пастбища шли переселенцы, землеустроители нарезали им участки из земель кочевников, которые чиновник видел «пустыми». Миссионеры Алтайской духовной миссии крестили и строили монастыри на алтайской земле. Потанин требовал вернуть кабинетские земли крестьянам и отобрать угодья, «неразумно щедро розданные» церквям и монастырям, — и особо называл Чулышманский монастырь на Алтае (Потанин, с. 115–116). Мы уже приводили отчаянную телеграмму алтайцев о том, что им нет места на земле (1.2). Бурханизм был ответом народа, у которого отнимали всё — землю, веру и надежду. Он соединил алтайские роды, прежде разобщённые, общей верой и общим ожиданием свободы. Шаман служил одному роду, Бурхан — всему народу. Поэтому бурханизм был не только религией, но и первым проявлением общеалтайского национального чувства. Его развитие продолжили в 1917 году художник Г. И. Чорос-Гуркин и Каракорумская управа (глава 9). А сама алтайская деревня продолжала защищать свою землю и без пророков: в 1907 году алтайцы Орских и Красноярских юрт Малокозяковской управы приговором объявили Орский бор своей собственностью (История Сибири, т. 3, с. 295).

На северо-востоке Сибири якуты выбрали другой путь — политический. Революция 1905 года дошла до Якутска поздно, но дошла. В октябре–ноябре в городе шли митинги, 9 января 1906 года демонстранты разогнали городскую думу и потребовали новой, «по воле революционного народа». Десять наслегов Якутского округа отказались платить казённые сборы за вторую половину 1905 года, а в отдельных улусах дело доходило до ареста местной администрации (т. 3, с. 296). В январе 1906 года возник «Союз якутов». Его основателем был В. В. Никифоров по прозвищу Кюлюмнюр. Программа союза была краткой и ясной. Все земли Якутии, включая оброчные статьи, монастырские и церковные, — собственность якутов. Земское самоуправление. Отдельный депутат от якутов в Государственной думе. А средства — отказ от сношений с полицией и от уплаты податей (т. 3, с. 296). Это было прямое действие в чистом виде: не вооружённое восстание, а массовый отказ подчиняться.

Союз просуществовал около двух недель. 19 января 1906 года его центральный комитет арестовали. Руководители подали прошения; на суде их оправдали, немногие получили небольшие сроки (т. 3, с. 296). Советские авторы называли «Союз якутов» организацией «буржуазных и тойонских элементов», а якутских националистов — «противниками революционного движения» (т. 3, с. 297). Но посмотрим на его требования. Земля — народу, причём не только казённая, но и церковная. Самоуправление вместо назначенных чиновников. Свой голос в парламенте. Бойкот полиции и налогов. Если это «противники революции», то непонятно, кто тогда её сторонники. Якуты хотели того же, чего хотели сибирские областники и бурятские съезды, — распоряжаться своей землёй и своими делами. Свой голос в Думе они

так и не получили. В 1907 году в Якутске по городской курии избрали выборщиков — четырёх русских и четырёх якутов, но областное избирательное собрание не успело собраться до 3 июня, и Якутия осталась без депутата (Шиловский 2013, с. 32). А новый закон и вовсе лишил якутов права выбирать.

Бурханизм и «Союз якутов» кажутся несхожими — пророческое видение и политическая программа, моление в горной долине и бойкот полиции. Но у них общий корень. Оба были ответом коренных народов Сибири на колонизацию, которая отнимала у них землю и навязывала чужое начальство. Оба объединяли людей поверх родов и улусов в один народ. И оба были раздавлены не потому, что были слабы идей, а потому, что у империи были полиция и солдаты, а у алтайцев и якутов — только сход и вера. В 1917 году оба движения вернутся — уже как национальные съезды, думы и автономии.

В те же годы, в 1905 году, такой же ответ на колонизацию дали народы германской Восточной Африки. В июле 1905 года на юге нынешней Танзании вспыхнуло восстание Маджи-Маджи. Пророк Кинджикитиле Нгвале раздавал людям «маджи» — священную воду, которая, как верили, превращала пули колонизаторов в воду. Восстание объединило десятки народов, которые прежде никогда не действовали вместе, против принудительного выращивания хлопка, налогов и порки. Немецкие войска подавляли его два года, сжигая деревни и поля, и от голода погибли десятки, а по некоторым оценкам — сотни тысяч человек. Алтайский Бурхан и африканская «маджи» — это одно и то же явление: пророческая вера, через которую колонизированный народ впервые осознаёт себя единым. Европейские историки называли такие движения «суевериями». На деле это была форма национального пробуждения людей, которым колонизаторы не оставили никаких других форм.

Империя не ограничилась тем, что разогнала моление в Теренге и арестовала якутский комитет. После 1906 года она взялась за землю коренных народов всерьёз — руками столыпинских землеустроителей.

5.5. Столыпин в Сибири: отрезки у бурят и хакасов

«История колонизации Сибири есть не что иное, как история постепенного захвата русскими земель у инородцев», — писал Потанин в 1908 году. И добавлял, что в последнее время этот захват «стал принимать головокружительные размеры». Инородцы, по его словам, «беднеют, страдают от болезней и вымирают» (Потанин, с. 111–112). Это написал не враг России и не иностранный наблюдатель, а русский сибиряк, казачий сын, который объездил кочевья Алтая, Монголии и Казахской степи и знал их лучше любого петербургского землеустроителя. «Головокружительные размеры» — это и есть столыпинская аграрная политика в Сибири, увиденная со стороны тех, у кого отнимали землю.

Механизм отрезков мы уже описывали в главе 1: закон позволял отнимать у старожилов и инородцев всё, что превышало пятнадцать десятин удобной земли на мужскую душу, а циркуляр 23 декабря 1906 года разрешил отводить переселенческие участки даже там, где «излишки» лишь предполагались. Для русского пахаря пятнадцать десятин были тесной, но всё-таки нормой. Для бурята или хакаса, который жил скотоводством и перегонял стада с зимника на летник, это был приговор. Скотоводу нужны пастбища, сенокосы, перегоны, водопои — земля, которая лежит без пашни и поэтому кажется чиновнику ничьей. Чиновник мерил степь мерой пахаря и находил в ней огромные «излишки». Изъятия были громадными. У забайкальских бурят отрезали 600 тыс. десятин, почти столько же — у бурят Прибайкалья, у хакасов — полмиллиона десятин. Это угрожало самому полукочевому скотоводству, на котором держалась жизнь этих народов; в архивах остались сотни их жалоб (История Сибири, т. 3, с. 303–304). Отнимали не только у инородцев. На кабинетских землях Алтая у села Воронихина Барнаульского уезда отобрали 1423 десятины (т. 3, с. 304). А кулаки, и русские, и инородческие, откупались от землемеров и при этом ещё расширяли свои заимки (т. 3, с. 304, по Склярову). Отрезок падал на того, кому нечем было заплатить.

Протест прозвучал и в Петербурге, пока там ещё было кому протестовать. Во II Думе депутаты внесли запрос о циркуляре 23 декабря. Они указывали, что он нарушает права крестьян и инородцев Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, отдаёт их землю на «полный произвол» чинов землеустроительных партий и противоречит законам 1896 года (т. 3, с. 303; Стенографические отчёты II Думы, т. I, с. 2270–2272). Через несколько месяцев Думу распустили, а закон 3 июня лишил бурят права выбирать депутатов (глава 4). Так замкнулся круг. У бурят отнимали землю по циркуляру, а голос, которым они могли бы против этого протестовать, отнимали по закону о «гражданственности». Жаловаться оставалось только в канцелярию того же ведомства, которое резало землю.

Стоит сравнить, чего требовали сами буряты, с тем, что они получили. В 1905 году их съезды просили закрепить за ними землю, которой они пользовались, и прирезать малоземельным (5.3). Ответом через год стал циркуляр, по которому землю можно было отнять, если её «излишек» лишь «предвидим с достаточной вероятностью». Сибирское областничество с самого начала предлагало другой путь. Земельный фонд должна была распределять выборная Сибирская областная дума, а у бурят, казахов и алтайцев были бы свои думы и право апеллировать в общероссийскую Думу против «русского большинства» (5.1). Столыпин выбрал путь Петербурга: землю распределял чиновник из центра, а местные народы вообще не спрашивали. Сам Столыпин, объехав Сибирь в 1910 году вместе с Кривошеиным, видел в ней прежде всего землю для переселения и место, где надо насадить частную собственность.

Отрезки не погасили бурятское движение. Они сделали его упорнее. Каждая отрезанная падь и каждый отнятый сенокос копились в памяти улусов. Когда в 1917 году буряты собрали свои съезды, первым земельным требованием было оградить бурятские земли от колонизации и вернуть им участки, изъятые в переселенческий фонд и так и не заселённые (т. 3, с. 494).

Это была прямая отсылка к циркуляру 1906 года. Земельный вопрос и вопрос о собственных думах в 1917 году для бурят оказались одним вопросом (глава 9).

На противоположном краю Старого Света в те же годы британская колониальная администрация точно так же мерила кочевые пастбища мерой пахаря. В Восточноафриканском протекторате, нынешней Кении, масаи по договору 1904 года уступили лучшие земли Рифтовой долины белым фермерам и получили взамен плато Лайкипия — «до тех пор, пока масаи существуют как народ». Не прошло и семи лет, как фермерам понадобилась и Лайкипия. В апреле 1911 года вождей заставили подписать новый договор, и в 1911–1913 годах масаев вместе со стадами перегнали на юг, в засушливый резерват; по дороге погибло множество скота. Масаи подали в суд, но в 1913 году Высокий суд Восточной Африки отказался рассматривать иск: договор с туземцами, решили судьи, — «акт государства», неподсудный колониальному суду. Буряты жаловались в канцелярии, масаи — в суд, и ответ был один: земля кочевника пуста, если на неё претендует пахарь, которого прислала метрополия.

Землю у инородцев отнимали землемеры. Золото у Сибири отнимали акционеры. В 1912 году на приисках «Лензолота», где правили английские и петербургские пайщики, прозвучали выстрелы, о которых узнала вся Россия.

Глава 6. Лена и война

6.1. Ленский расстрел 1912 года

Утром 4 апреля 1912 года по тайге вдоль реки Бодайбо двинулась колонна рабочих Ленских золотых приисков, около двух с половиной тысяч человек. Ночью арестовали их выборный забастовочный комитет, и рабочие шли к Надеждинскому прииску без оружия, чтобы подать прокурору заявления и потребовать освободить товарищей. Путь им преградили солдаты. Там стояли жандармский ротмистр Трещенков, товарищ прокурора Преображенский и судья Хитун. Раздались залпы. Убитых и раненых было больше пятисот (История Сибири, т. 3, с. 357–358). Через неделю министр внутренних дел Макаров, отвечая на запрос в Государственной думе, сказал фразу, которую запомнила вся Россия: «Так было, так будет».

Чтобы понять, почему стреляли, надо понять, что такое было «Лензолото». Товарищество давало почти треть золота России и половину сибирского, на его приисках работало больше десяти тысяч человек (т. 3, с. 344). С 1908 года 70 % его акций принадлежало лондонской компании «Лена Голдфилдс». Её предшественница, Русская горнопромышленная корпорация, купила эти акции в 1907 году, а в правлении корпорации сидел бывший министр В. И. Тимирязев (т. 3, с. 341, 344–345). Валовая прибыль «Лензолота» за 1909–1911 годы превысила 17 млн рублей. Дивиденды составили 43 % в 1909 году, 56 % в 1910-м и 23,3 % в 1911-м (т. 3, с. 345). Как признают даже советские авторы, такая прибыль шла не от машин, а от того, как здесь обращались с людьми (т. 3, с. 347). Рабочий день длился двенадцать часов и больше. За любую провинность штрафовали. Платили не деньгами, а ордерами, по которым можно было купить товар только в приисковой лавке той же компании, и там обсчитывали. Жили в холодных бараках и землянках. Увечных просто выбрасывали с приисков (т. 3, с. 355). Это та самая распродажа сибирских недр иностранцам, о которой мы говорили в главе 1. Теперь она показала своё лицо.

Стачка началась не по приказу из партийного центра, а из-за куска мяса. 29 февраля 1912 года на Андреевском прииске рабочим выдали негодную конину. Прииск бросил работу, его поддержал Утёсистый, а 1–2 марта встали ещё десяток приисков (т. 3, с. 356). Большевики, которые были на приисках, готовили общую стачку на лето, чтобы при неудаче можно было уйти из тайги (т. 3, с. 356). Но рабочие не стали ждать. 3 марта на Надеждинском избрали Центральный забастовочный комитет и Центральное бюро. Председателем стал большевик П. Н. Баташев. В бюро вошли эсер И. И. Попов и А. К. Лесной, прежде близкий к анархистам, остальные были большевиками или им сочувствовали. Собрание больше трёх тысяч рабочих утвердило этот состав (т. 3, с. 356). К середине марта бастовало больше шести тысяч человек. Организация была выстроена снизу: барачные старосты, собрания старост приисков, дистанционные комитеты, над ними ЦЗК. В тайге, где не было ни полиции в достатке, ни хлеба, кроме компанейского, стачка шла в полном порядке (т. 3, с. 356–357). Это была та же сходовая демократия, что в сибирской волости, только у рабочих.

Требования рабочих стоит перечислить, потому что за них их и расстреляли. Они хотели восьмичасового дня, своевременной зарплаты, отмены штрафов и ордеров, человеческого жилья, бесплатной медицинской помощи, пособий по болезни и увечью. Они просили отменить принудительный труд жён, обращаться к ним вежливо и удалить двадцать семь самых ненавистных служащих. Увольнять рабочего без ведома рабочей комиссии было нельзя, снабжение должно было идти под рабочим контролем (т. 3, с. 357). Ни одного политического лозунга — только право жить по-человечески. Правление пошло на мелкие уступки и одновременно вызвало войска. По указанию иркутского генерал-губернатора в ночь на 4 апреля

комитет арестовали. Делегатам отказались принимать общее требование и предложили каждому писать личное заявление, так называемую «сознательную записку» (т. 3, с. 357). Коллектив пытались превратить обратно в толпу одиночек. Утром этот коллектив вышел к Надеждинскому и попал под залпы.

Расстрел не сломил стачку. Она продолжалась до начала июля 1912 года, теперь уже с политическим требованием наказать виновных, и закончилась тем, что почти все рабочие демонстративно ушли с приисков «Лензолота» (т. 3, с. 358). Стрелять компания смогла, а заставить людей работать — нет. Страна ответила волной забастовок. В Сибири бастовали речники Лены, железнодорожники Бодайбинской дороги, рабочие Иркутска, шахтёры Черемховского бассейна (т. 3, с. 358). Дума создала комиссию. На Лену поехал и молодой адвокат-трудовик Александр Керенский: он возглавил общественную комиссию юристов, и после Лены его имя узнала вся Россия. Виновных так и не наказали. Ротмистр Трещенков отделался увольнением со службы.

Пока на Лене шла стачка, в Великобритании, на родине главных акционеров «Лензолота», бастовали шахтёры. 26 февраля 1912 года началась первая в истории страны общенациональная угольная забастовка. Почти миллион горняков остановили шахты, требуя гарантированного минимума заработной платы. Британское правительство не стало стрелять. 29 марта 1912 года парламент спешно принял закон о минимальной заработной плате в угольной промышленности, и в начале апреля забастовка кончилась. Через несколько дней в Сибири солдаты стреляли в рабочих компании, акции которой продавались на лондонской бирже. Свои шахтёры получили закон о минимуме, сибирские — залп. Колонии в Британской империи доставалось то, чего метрополия у себя уже не позволяла. Сибирь, отданная английскому капиталу, оказалась в положении такой колонии.

Ленский расстрел стал рубежом. Он кончил годы затишья после 1907 года, и за ним в Сибири поднялась стачечная волна, какой край не знал со времён первой революции.

6.2. Рабочее движение 1912–1914 годов

3 мая 1913 года в Иркутске забастовали служащие отделения торговой фирмы «А. Ф. Второв и сыновья». Это были не шахтёры и не железнодорожники, а приказчики — люди, которых в Сибири привыкли считать опорой хозяина. Их требования подписали 486 человек. Они хотели восьмичасового рабочего дня по закону, отдыха в праздники и в день 1 Мая, отмены сверхурочных и труда малолетних, свободы союзов, собраний и стачек. Требования разослали всем организациям приказчиков, и вскоре забастовали отделения Второвых в одиннадцати сибирских городах. Стачку подавили арестами и увольнениями (История Сибири, т. 3, с. 361). Но если уж приказчики крупнейшей торговой фирмы Сибири заговорили о свободе стачек, значит, после Лены изменилось очень многое.

После Ленского расстрела рабочая Сибирь заговорила во весь голос. Только с апреля по декабрь 1912 года на коях и приисках прошло больше двадцати стачек горняков, около восемнадцати тысяч участников. Бастовали Анжерские, Черемховские и Черновские копи, прииски Амурской и Забайкальской областей, Енисейской и Томской губерний, медные рудники Акмолинской области. «Правда» писала, что на руднике Тетюхе в Приморье, у той самой немецкой компании Гирша, назревает «драма по ленскому образцу» (т. 3, с. 360). За полгода газета напечатала больше трёхсот корреспонденций из Сибири (т. 3, с. 360). В 1912–1913 годах бастовали печатники от Иркутска до Владивостока и создавали свои нелегальные союзы. Приказчики готовились к своим съездам (т. 3, с. 361). Летом 1912 года стачки шли на строительстве Амурской дороги, на Тюмень-Омской линии, в Уссурийских и Харбинских мастерских (т. 3, с. 360). Слово «Лена» стало нарицательным. Уссурийская газета назвала стачку строителей в Никольске-Уссурийском «Маленькой Леной» (т. 3, с. 362).

Взлёт пришёлся на 1914 год. В конце февраля 1100 землекопов на строительстве Алтайской железной дороги в Лосихинском протоке бастовали четыре дня и победили; свыше пятисот рабочих на стройке моста через Зею тоже добились своего (т. 3, с. 362). В Черемхове 28 марта похороны горняка И. Баканова из нелегального «Союза горнорабочих» превратились в политическую демонстрацию. 14 апреля забастовали углекопы Щелкунова. К их семнадцати требованиям сортировщицы угля добавили ещё двенадцать — своих, женских (т. 3, с. 362). В годовщину Ленского расстрела и 1 Мая 1914 года однодневные политические стачки прошли на Ленских приисках, в Черемховском и Кузнецком бассейнах, в Иркутске, Томске, Барнауле, Новониколаевске, Красноярске, Омске, Чите, Благовещенске, Владивостоке и Харбине (т. 3, с. 363–364). 19 мая сортировщицы угля начали месячную стачку на коях Мильнера (т. 3, с. 364). Летом 1914 года горняки английского общества «Спасские медные руды» и Атбасарских медных копей, казахи и русские вместе, бастовали несколько недель (т. 3, с. 364–365). Казах и русский шахтёр стояли в одной стачке против английского хозяина. Это был ответ на любые попытки делить сибирских рабочих по крови.

Кто вёл эти стачки? Советские историки отвечали коротко: большевики. Но сам третий том «Истории Сибири» признаёт, что большевистское влияние ограничивалось крупными узлами магистрали, а стачки были «преимущественно экономическими» и шли одновременно (т. 3, с. 365). Сибирские социал-демократы оставались в общих организациях, и меньшевики там выступали против «стачного азарта» (т. 3, с. 365). В ссылке рядом с ними жили эсеры и анархисты. Анархисты противопоставляли партийным организациям свои бунтарские «федерации» (т. 3, с. 350). Ссылные заводили кооперативные столовые, библиотеки, кредитные товарищества. В Братском остроге колония ссыльных открыла отделение Общества изучения Сибири, музей и кооператив (т. 3, с. 351). В Нарыме администрация закрыла ссылкой библиотеки и кооперативные столовые (т. 3, с. 350–351): власть боялась не только листовок, но и того, что люди сами устроят свою жизнь. Но главную силу 1912–1914 годов составляли не

партии, а сами рабочие — горняки, землекопы, сортировщицы, печатники. Они бастовали там, где не было ни одного партийного агитатора, и выбирали своих старост, как на Лене.

Рабочим вторила деревня. 31 мая 1911 года в селе Павловском Барнаульского уезда, в кабинетском имении, около трёхсот крестьян разгромили квартиры управляющего, урядника и лесобъездчика, контору и казённую лавку, уничтожили архивы и порвали портреты царя. Конная полиция из Барнаула стреляла, были убитые и раненые (т. 3, с. 354–355). Весной 1912 года крестьяне села Мормышы того же уезда всем обществом запахали шесть тысяч десятин кабинетской земли. Томский губернатор решил дело «мирно», чтобы не повторились «павловские события». Мормышам прирезали 2330 десятин, а в соседних сёлах арестовали шестьдесят человек (т. 3, с. 355). Кабинет, которому принадлежал Алтай, теперь узнал, что думает о нём алтайский мужик.

В те же апрельские дни, когда Сибирь отмечала вторую годовщину Ленского расстрела, на другом конце света повторилась своя Лена. В штате Колорадо с сентября 1913 года бастовали горняки «Колорадо фьюэл энд айрон» — компании, контролируемой Рокфеллерами. Их выселили из компанейских домов, и они жили с семьями в палаточном лагере у посёлка Ладлоу. Как и на Лене, им платили бонами, которые принимала только лавка компании. 20 апреля 1914 года национальная гвардия штата и охрана компании обстреляли лагерь из пулемётов и подожгли палатки. Погибло около двадцати человек, в том числе одиннадцать детей, задохнувшихся в яме под горящей палаткой. Ленский расстрел и расстрел в Ладлоу разделяют два года и полмира, но в календаре их годовщины стоят рядом: 17 апреля и 20 апреля по новому стилю. Золото Лены и уголь Колорадо добывались одинаково — в компанейских посёлках, за компанейские боны, под охраной войск. Республика и монархия защищали своих акционеров одним и тем же способом.

Наступательная стачечная волна шла по Сибири весь май, июнь и июль 1914 года. На Ачинско-Минусинской дороге против бастующих уже вызвали войска (т. 3, с. 364–365). Её оборвала мобилизация.

6.3. Мобилизация и волнения запасных 1914 года

20 июля 1914 года в селе Павловском Барнаульского уезда толпа запасных, собранных по мобилизации, набросилась на воинских начальников. На следующий день, после ареста семерых «главарей», многотысячная толпа избивала пристава, разломала каталажку, разгромила волостное правление и уничтожила его дела. Она порвала три портрета царя и четыре флага и подожгла камеру мирового судьи. Волнения в Павловском шли около двух недель и стали самыми сильными в Сибири (История Сибири, т. 3, с. 466). Это было то самое село, где три года назад крестьяне громили контору Кабинета (6.2). Война пришла в Сибирь не с молебном, а с бунтом.

Павловское не было исключением. В июле и августе 1914 года волновались несколько тысяч мобилизованных в Барнауле, Змеиногорске, Каинске, Мариинске, Новониколаевске, Красноярске, Нижнеудинске, Чите, Благовещенске и по уездам. Они громили полицейские и воинские участки (т. 3, с. 457). Мобилизационные волнения охватили 49 губерний империи, но за пределами Европейской России самые крупные шли в Томской губернии, а за ней в Енисейской (т. 3, с. 465–466). Бунтовали сёла Кытмановское, Бутырки, Камень, Шелаболиха, Бачатское, Казаткуль, Новоалейск, Выдриха, Екатерининск. В селе Шахи 21 июля разгромили волостное правление и квартиры старосты и писаря (т. 3, с. 466). В Енисейской губернии поднялись Усть-Ерба, Батени, Абаканское, Бузунова, Городчанское, громили винные лавки. В Батенях помощник исправника Ситников бежал, переодевшись (т. 3, с. 466).

Чего требовали запасные? Не мира и не революции. Они требовали «кормовых», то есть денег на пропитание в пути, пособий своим семьям, сносной перевозки и вежливого обращения. Томский губернатор 21 июля доносил, что запасные «отказываются выступать, требуя кормовых» (т. 3, с. 466). Мужика отрывали от страды, от семьи и от хозяйства и при этом не давали ему ни копейки на дорогу. Но за бытовыми требованиями стояла старая злость. Из Новоазаровского сообщали, что должностные лица отказываются служить из-за «насилий запасных, вспоминающих собрание податей». Жандармский ротмистр Смирнов писал об «озлобленности против чинов полиции» (т. 3, с. 466). Запасные били не немцев, а урядника, писаря и пристава — тех, кто годами собирал с них подати, отрезал землю и стрелял в Павловском в 1911 году. Мобилизация на несколько дней дала оружие и толпу тем, кто давно хотел свести счёты с местной властью. Это был бунт в том смысле, в каком понимал его Бакунин: стихийный, без вождей и без программы, но направленный точно в ту власть, которая была ближе всего.

Партии в этих событиях заметны мало. В Барнауле агитировали В. Яровой, Л. Решетников, И. Бумов, И. Бутузов, бийские социал-демократы выпустили около пятидесяти листовок, в Новониколаевске действовала Обская группа РСДРП (т. 3, с. 467). Рабочие красноярских железнодорожных мастерских сказали о царском манифесте о войне: «Этим манифестом самодержавие подписало себе смертный приговор» (т. 3, с. 458). Но в деревнях Алтая и Минусинского края бунтовали без всяких листовок. Третий том «Истории Сибири» сам называет июльские волнения 1914 года «высшим подъёмом крестьянского движения в Сибири между революциями 1905 и 1917 гг.» (т. 3, с. 467). Подъём этот случился не тогда, когда к нему звали агитаторы, а тогда, когда у деревни отняли мужчин.

Ответ власти был таким же, как в 1906 году. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков 22 июля распорядился: «Надо стрелять не по звездам, бесчинства должны быть раздавлены» (т. 3, с. 467). Карательная экспедиция пристава Лопатина прошла больше 622 вёрст по степному Алтаю, в Минусинский и Ачинский уезды послали казаков. Усмирение шло до двадцатых чисел августа. По официальным данным, которые советские историки считали «сильно преуменьшенными», в одной Томской губернии убили 136 и ранили 33 участника, ранен был и 31 представитель власти. К суду привлекли до 1400 человек. По приговорам военных судов

многих расстреляли, сотни отправили на каторгу (т. 3, с. 467). Война с Германией ещё толком не началась, а в Сибири уже были свои убитые — убитые своими.

Те же самые запасные потом уехали на фронт и воевали. Сибирские стрелковые полки осенью 1914 года стояли под Варшавой, и их стойкость отмечали и союзники, и противник. Сибиряк не отказывался защищать страну. Он отказывался быть бессловесной скотиной, которую грузят в вагоны без кормовых и без пособий для семьи. Это различие петербургское начальство так и не поняло. В 1917 году оно стоило ему армии.

Ровно в те же дни, когда толпа в Павловском громила волостное правление, в Берлине решалась судьба европейского социализма. 4 августа 1914 года по новому стилю, на следующий день после разгрома волостного правления в Павловском, социал-демократическая фракция германского рейхстага единогласно проголосовала за военные кредиты. В тот же день французские социалисты поддержали «священное единение» со своим правительством, а за три дня до этого в парижском кафе убили Жана Жореса, главного противника войны во французском социализме. Крупнейшая рабочая партия мира, у которой были миллион членов, сотни газет и сто десять депутатов, без сопротивления встала под знамёна своего кайзера. Второй Интернационал, который на Базельском конгрессе 1912 года обещал сделать всё, чтобы не допустить войны, рухнул за один день. А алтайский мужик, не читавший ни одной резолюции Интернационала, в те же дни громил участок и рвал портреты своего царя. Те, кто обещал сопротивление, не сопротивлялись, а сопротивлялись те, от кого никто ничего не ждал.

Мужчин увезли на запад. Взамен Сибирь получила сотни тысяч чужих людей — военнопленных и беженцев — и войну цен, которая к 1916 году ударила по каждому дому.

6.4. Военнопленные, беженцы, цены

25 ноября 1916 года на ярмарке в селе Локтевском Змеиногорского уезда около двухсот солдаток окружили торговые ряды. Это были жёны и вдовы мобилизованных, которые второй год тянули хозяйство без мужчин. Сначала они заставили торговцев снизить цены на десять процентов. Потом стали требовать товар даром и забирали его (История Сибири, т. 3, с. 469–470). В селе Рыбинском Канского уезда солдатки разобрали товаров на пятьдесят тысяч рублей, в деревне Мякотихе 13–14 декабря разгромили лавку купца Трапезникова. То же было в Жерновском, Усть-Чарышской Пристани, Покровском, в Агинском Иркутской губернии (т. 3, с. 469–470). Солдатка стала новой фигурой сибирской деревни. Она сама пахала, сама ходила на сход, сама отказывалась платить подати и сама шла громить спекулянта.

Война перевернула жизнь Сибири, хотя фронт был за тысячи вёрст от неё. По данным переписи 1917 года, в армию взяли около половины трудоспособных мужчин Сибири. Из сельской местности азиатской части страны мобилизовали 1,2 млн человек, около 12 % населения, и каждое хозяйство в среднем потеряло половину мужских рабочих рук (т. 3, с. 440–441). Убыль восполняли беженцы, военнопленные, женщины и дети. Сибирская деревня при этом не обеднела, а сделала невероятное. К 1917 году посевы выросли против 1913 года на 1,3 млн десятин, на 18 % (т. 3, с. 441–442). Валовой сбор хлеба в Сибири в 1917 году вырос вдвое против довоенного, а в Европейской России упал почти на четверть (т. 3, с. 442). Скота на хозяйство приходилось 16–18 голов против 8–9 в Европейской России (т. 3, с. 443). Сибирь, оставшаяся без мужчин, могла прокормить воюющую империю. Вопрос был в том, сумеет ли империя взять этот хлеб.

Взамен мужчин в Сибирь пришли чужие люди. Около четверти миллиона военнопленных — венгров, румын, чехов, словаков, немцев, австрийцев — разместили больше чем в тридцати лагерях от Урала до Приморья (т. 3, с. 456). Рядом с ними оказались беженцы из Польши, Латвии, Литвы, Эстонии. Только в Томскую губернию прибыло около пятнадцати тысяч беженцев, пять тысяч из них остались в самом Томске в поисках работы. Там же стоял гарнизон в семьдесят тысяч солдат (Томск накануне Февраля). Предприниматели ставили пленных на работу, чтобы сбить плату русским рабочим. Но в Красноярске в 1916 году пленные, поставленные на стройку за мизерную плату, сами забастовали и победили (т. 3, с. 456). Солидарность оказалась сильнее национальной вражды, которую им прививали в окопах. В 1916 — начале 1917 года в Томске, Омске, Чите и Красноярске возникли интернационалистские группы военнопленных. В Томске это были Бела Кун и Ференц Мюнних, в Красноярске — Ференц Патаки, в Омске — Карой Лигети (т. 3, с. 456–457). А чехи и словаки из этих лагерей в 1918 году окажутся в центре всей сибирской истории. О чехословаках мы расскажем в главе 12.

Самым тяжёлым ударом войны стали цены. С осени 1914 по осень 1915 года рожь в среднем по Сибири подорожала с 51 копейки за пуд до 85 копеек, пшеница — с 70 копеек до 1 рубля 10 копеек, картофель почти вдвое. В 1916 году хлеб, масло и крупа подорожали в два-три раза (т. 3, с. 446). К началу 1917 года рубль стоил 60 копеек, к концу года — 31 копейку. Плата сельским рабочим к осени 1915 года выросла всего на 13–20 %, в три-четыре раза меньше, чем цены на продукты (т. 3, с. 447). Красноярские социал-демократы писали в прокламации: «спекуляция празднует свои отвратительные оргии» (т. 3, с. 447). Сибирский парадокс был в том, что голод пришёл в край, где хлеба было больше, чем когда-либо. Министрство продовольствия оценивало запасы 1916–1917 годов в 640–670 млн пудов (т. 3, с. 442). А на запад вывезли в 1916 году 53,6 млн пудов, в 1917-м — 39,5 млн (т. 3, с. 438). Во Владивостоке к осени 1917 года скопилось сорок миллионов пудов невывезенных грузов (т. 3, с. 438). Дорога, построенная для центра, не справлялась даже с тем, ради чего её строили. В Кузбассе

и Черемхове лежал уголь, а города уже в конце 1914 года сидели без топлива из-за нехватки вагонов (т. 3, с. 438).

Голод без недостатка хлеба означал одно: дело было не в природе, а во власти и в торговле. Весной 1916 года «продовольственные беспорядки» прошли в Тюмени, Барнауле, Бийске, Боготоле, Красноярске, на станции Зима, в Черемхове, Верхнеудинске, Благовещенске, и солдаты нередко отказывались стрелять в толпу (т. 3, с. 462). В конце 1916 года по Транссибу прокатилась новая волна «голодных бунтов» — Канск, Новониколаевск, Омск, Тюмень. О Новониколаевске 9 ноября писали: «Это точно вроде 9 января в былые годы в Петербурге» (т. 3, с. 463). Отказ от податей в деревне в 1916 году стал «массовым и повсеместным», жёны призванных, по словам томского и кузнецкого исправников, «категорически отказываются» платить (т. 3, с. 468–469). Крестьяне говорили жандармам: «берут людей без конца, а победы нет» (т. 3, с. 447). В январе 1917 года в Томске ввели карточки на мясо, сахар и керосин. В лесном краю из продажи исчезли дрова, закрылись городские бани, и по городу пошёл сыпной тиф (Томск накануне Февраля).

В ту же зиму Германия, против которой воевала Россия, переживала свою «брюквенную зиму». Осенью 1916 года в Германии из-за дождей и британской морской блокады не уродился картофель, и всю зиму 1916–1917 годов немецкие города жили на кормовой брюкве — из неё варили суп, пекли хлеб, делали даже эрзац-кофе. Паёк упал до тысячи с небольшим калорий в день. Женщины выстраивались в очереди с ночи, громили лавки, и, как у нас, именно женские хлебные бунты стали первым знаком того, что империя кайзера надломилась. Голод в Германии был настоящим: блокада отрезала её от хлеба. В Сибири голод был рукотворным: хлеб лежал в амбарах и на станциях, а власть не умела ни вывезти его, ни справедливо распределить. Немцев морили голодом враги. Сибиряков — собственное правительство и спекулянт, которому оно не мешало.

Но в эти же военные годы сибирская деревня нашла и свой ответ на спекулянта и на казённую неразбериху. Этим ответом стала кооперация.

6.5. Кооперация: Закупсбыт и маслоделы — сибирская экономика без государства

В августе 1916 года в Новониколаевске сибирские кооперативные союзы учредили общий закупочный и сбытовой союз — Закупсбыт. Начиная с десяти тысяч рублей, меньше, чем стоила лавка средней руки. К концу 1918 года собственный капитал Закупсбыта составлял 25,5 млн рублей, из них 19,9 млн были паями самих членов. В нём объединились 28 союзов Урала, Сибири и Дальнего Востока, 9162 потребительских общества и артели, больше двух миллионов человек (История Сибири, т. 3, с. 444). За два года он отпустил своим союзам товаров на 119 млн рублей. Его оборот в золотых рублях вырос с 3,4 млн в 1916 году до 40 млн в 1917-м (т. 3, с. 444). За тот же 1916 год государство, которое имело армию, полицию и железные дороги, не сумело вывезти из Сибири собственный хлеб (6.4). Мужики, у которых не было ничего, кроме паевых взносов, построили крупнейшую хозяйственную организацию края.

Подъём начался в войну. С 1915 года потребительская кооперация росла, как говорит третий том, «широким потоком»: сельские общества одно за другим просили разрешения открыть кооператив (т. 3, с. 443–444). Причина была простая — спекулянт. Когда цены удвоились и утроились, деревня ответила тем, что перестала ходить к купцу и завела свою лавку. В конце 1915 — начале 1916 года частный торговый капитал в Сибири, по признанию советских историков, «потерпел серьёзное поражение» от кооперативного. Многие купцы закрыли дела и ушли в военные поставки (т. 3, с. 443–444). Кооператив сделал то, чего не могли сделать ни губернатор, ни полиция: он вытеснил спекулянта, не выстрелив ни разу. Деревня не громила лавку, как солдатки в Локтевском. Она открывала рядом свою, и купец разорялся сам.

Маслоделы шли впереди. Мы рассказывали в главе 1, как с шести дворов в деревне Морево выросла масляная империя сибирского мужика. В войну Союз сибирских маслодельных артелей вырос с 902 артелей в августе 1916 года до 1470 в 1917-м (т. 3, с. 444). Он поставлял армии масло, сало, свинину и прессованное сено. Его заготовки в 1915 году превысили 17 млн рублей, общий оборот составил 35 млн. У союза было своё пароходство, кожевенный завод, типография, книжный склад, он выдавал крестьянам ссуды под залог хлеба (т. 3, с. 444). К 1917 году кооперативам принадлежали 3010 маслозаводов, около 70 % всех маслозаводов Сибири (т. 3, с. 444). Датские экспортёры, которые двадцать лет назад скупали сибирское масло за бесценок, теперь имели дело с хозяином, а не с одиноким крестьянином. Кооперация не была единым ведомством. В 1915 году алтайские артели, не поладив с курганскими, вышли из союза и создали свой Алтайский союз кооперативов (т. 3, с. 445). Это была не слабость, а та самая федерация снизу, о которой писал Бакунин: союзы сходились и расходились по своей воле, а не по приказу.

Кооперация не ограничивалась торговлей. Кооперативы покупали и строили маслозаводы, паровые мельницы, пекарни, кожевенные заводы, мыловарни; почти все союзы завели свои типографии. У Забайкальского союза потребительских обществ было два мыловаренных завода, кишечный завод, сушено-пряничная фабрика, сапожная мастерская на сто рабочих и типография (т. 3, с. 444). В войну появились трудовые артели — Ачинская, Бийский союз металлистов, барнаульская «Игла» (т. 3, с. 437). Закупсбыт вёл собственную внешнюю торговлю. С 1916 по 1919 год он продал только в США 2 360 000 шкурок, 800 тысяч фунтов шерсти, 85 тысяч кож и другое сырьё на 4 млн долларов и ввёз оттуда товаров на 4,2 млн долларов (т. 3, с. 444). Это был первый случай, когда Сибирь торговала с миром сама, через свою организацию, а не через лондонских акционеров и не через петербургское министерство. Сибирь, которой империя тридцать лет не давала построить заводы, начала строить их сама. В главе 30 мы спросим, почему этого не хватило, но начало было положено именно здесь.

Кооперацией жили и рабочие. В Красноярске рабочий кооператив «Самодетельность» объединял в 1916 году до семисот человек и служил легальной опорой для всего рабочего движения города (т. 3, с. 451). В Чите в сентябре 1916 года рабочие железнодорожных мастерских выгнали служащих администрации из правления общества потребителей Забайкальской дороги и потребовали общественного контроля над торговлей (т. 3, с. 463). Во Владивостоке рабочие требовали допустить их к нормированию цен (т. 3, с. 462–463). Рабочий и крестьянин требовали одного и того же: чтобы распределением хлеба и товаров управляли сами потребители, а не купец и не чиновник.

Советские историки называли сибирскую кооперацию до 1917 года «буржуазной» и тут же признавали её «одной из важнейших социально-экономических предпосылок социалистической революции» (т. 3, с. 445). Нам незачем выбирать из этих двух определений. Кооператив, в котором хозяином были два миллиона пайщиков, а прибыль шла не акционеру, а в общий фонд, на мельницу и типографию, был социализмом. Только не тем, который назначают сверху, а тем, о котором писали Кропоткин во «Взаимной помощи» и Бакунин в своих проектах федерации производителей. Он был построен снизу, по доброй воле, и обходился без государства. Сибирские эсеры и областники видели в кооперации готовую основу будущего народоправства. Многие из тех, кто в 1917–1918 годах будет строить сибирскую автономию, вышли из кооперации, и мы ещё встретим их в главах 9 и 13.

В те же годы в Северной Дакоте, другой хлебной окраине, тоже поднялись фермеры против перекупщика. Пшеницу дакотских фермеров скупали миннеаполисские элеваторные компании, которые сами назначали сорт, вес и цену, а железные дороги брали за вывоз сколько хотели — так же, как сибирский хлеб давили челябинский перелом и скупщик. В феврале 1915 года бывший социалистический агитатор Артур Таунли основал Беспартийную лигу. Её агенты ездили на «фордах» от фермы к ферме и записывали в лигу по шестнадцать долларов взноса. В 1916 году лига выиграла выборы губернатора штата. Но выход дакотцы выбрали другой. Они отдали хлеб государству: в 1919 году штат учредил государственный банк и государственную мельницу с элеватором. Сибиряки не стали ждать мельницы от государства, которое им ничего бы не дало, и построили свои мельницы сами. Дакотская мельница до сих пор принадлежит штату. Сибирская кооперация пережила белую диктатуру и красную разверстку, но не пережила коллективизации.

А государство уже тянулось к кооперативному маслу. В середине февраля 1917 года уполномоченный Министерства земледелия в Томске запретил продавать коровье масло населению, запретил его скупку и обязал сдавать всё масло в казну под угрозой суда и реквизиции (Томск накануне Февраля). Империя, которая не сумела вывезти сибирский хлеб, решила забрать сибирское масло. Через две недели империи не стало. О перевороте в Петрограде Томск узнал 2 марта 1917 года.

Глава 7. Февраль в Сибири: комитеты и советы

7.1. Томск, 3 марта

Утром 3 марта 1917 года 14-я рота 18-го Сибирского запасного стрелкового полка вышла из казарм и двинулась к Дому науки, где помещался штаб полка. Ротой фактически руководили трое солдат из бывших нарымских ссыльных, мобилизованных в 1916 году: большевики Владимир Косарев и Андрей Звездов и эсер Сергей Кудрявцев. Командир полка полковник Калина вышел к солдатам и подтвердил то, о чём уже второй день шептался весь город: царь отрёкся (Помозов 2014, с. 31–60). В казармах подняли красное знамя. Через несколько часов по улицам Томска шла многотысячная демонстрация солдат и рабочих (История Сибири, т. 3, с. 473). Трёхсотлетняя монархия кончилась в Томске без единого выстрела в её защиту.

Весть о революции шла в Сибирь неровно. Первыми о ней узнали ссыльные: 27–28 февраля в Черемхово, Томск и другие города пришли условные телеграммы от товарищей из столицы. 28 февраля новость знали телеграфисты красноярского железнодорожного телеграфа и связисты Ачинска; узнали даже в селе Ичера Киренского уезда (т. 3, с. 471–472). 1 марта официальная телеграмма пришла в Тюмень, Омск, Томск, Иркутск и Владивосток, к 5 марта — во все города до Сахалина и Камчатки (т. 3, с. 472). Власти пытались выиграть время. В Томске совещание чиновников во главе с губернатором задержало публикацию. Иркутский генерал-губернатор Пилыц 1 марта запретил «всякого рода собрания, сходки и манифестации», а 2 марта сам же этот приказ отменил. «Тобольские губернские ведомости» молчали до 7 марта (т. 3, с. 472). Но удержать новость было уже нельзя. Вечером 2 марта томские газеты вышли тремя особыми выпусками (т. 3, с. 472–473).

Дальше всё произошло стремительно. 4 марта по Томску пронёсся слух об офицерском заговоре. Солдаты подняли 14-ю роту, двести пятьдесят человек, и сами поставили её командиром рядового эсера Кудрявцева, отстранив офицера. Начальника гарнизона полковника Бирона и нескольких офицеров арестовали (Помозов 2014, с. 31–60). 5 марта на сторону революции перешёл 32-й полк, остальные три запасных полка держали нейтралитет. Полицию отстранили. Отряд под руководством большевика Аркадия Иванова, ставшего потом начальником милиции, арестовал жандармов и деятелей «Союза русского народа». Губернатор Дудинский оказался под домашним арестом. В подвалах губернского правления нашли девяносто шесть ящиков винтовок (Помозов 2014, с. 31–60). В тот же день новая власть отменила хлебные карточки, введённые в январе.

Так было по всей Сибири. В Красноярске первым на сторону революции перешёл 14-й полк, железнодорожники вышли на улицы шествием (т. 3, с. 473). Жандармов и полицию разоружали, монархистов среди офицеров и чиновников арестовывали. Открыли ворота Александровского централа, и Иркутск торжественно встретил освобождённых политкаторжан. Имена провокаторов охраны напечатали в газетах, и их посадили в те же камеры, что и жандармов (т. 3, с. 473). В Якутске о революции первой сообщила 4 марта областническая газета Никифорова «Якутские вопросы», а митинг в городе шёл в основном по-якутски (Помозов 2014, с. 323–324). Деревня ответила приговорами сходов: общества слали в Думу, Временному правительству и Петроградскому Совету телеграммы о «глубокой радости о свержении старого правительства» и выгоняли урядников, приставов и крестьянских начальников (т. 3, с. 473–474).

Обратим внимание на то, чего в эти дни не было. В Томске стояли пять запасных полков, и ни один не встал на защиту монархии (Помозов 2014, с. 31–60). Не нашлось ни одного генерала, ни одного губернатора, ни одной черносотенной дружины, которые попытались бы

её отстоять. Двенадцать лет назад, в октябре 1905 года, томские черносотенцы жгли Управление Сибирской железной дороги и театр, где шёл митинг, при попустительстве губернатора и архиерея (глава 3). Теперь их вожди тихо сидели под арестом, а «Союз русского народа» просто исчез. У царской власти в Сибири не оказалось никакой опоры, кроме полиции и казённого жалования. Когда кончилось жалованье, кончилась и опора. Это и есть та незначительность правых в Сибири, о которой мы говорили во введении.

16 марта Томск встречал в бывшем губернаторском доме первых освобождённых ссыльных из Нарыма. С ответной речью выступил Алексей Рыков, будущий глава советского правительства. Деньги на проезд ссыльных — 24 215 рублей — собрали с томской буржуазии. Купец Кухтерин дал пять тысяч, книгоиздатель Макушин — сто рублей (Помозов 2014, с. 31–60). Вчерашние каторжники и вчерашние купцы-монархисты стояли в одном зале. Весна 1917 года на короткое время соединила тех, кого не могла соединить никакая другая сила.

В те же недели революция в России заставила говорить о реформах и монархию противника. 7 апреля 1917 года по новому стилю германский император Вильгельм II выпустил так называемое пасхальное послание. Он обещал после войны отменить в Пруссии трёхклассное избирательное право, при котором голос богача весил в десятки раз больше голоса рабочего. Берлинские советники кайзера прямо ссылались на русский пример: монархия, которая не уступит вовремя, может рухнуть так же быстро, как русская. Но Вильгельм обещал реформу «после войны», то есть никогда. Русская монархия не успела даже пообещать. Через полтора года германская монархия кончилась так же, как русская, и тоже без единого полка в её защиту.

Монархия ушла, но кто-то должен был управлять губернией, городом и волостью уже 3 марта. В Томске губернатор Дудинский, ещё до своего ареста, предложил создать временный комитет. Так начались комитеты общественной безопасности.

7.2. КОБы: кто правил

2 марта 1917 года в Омске собрались на совещание гласные городской думы и представители «общественности» — военно-промышленного и биржевого комитетов, Союза городов, кооперативов, партий и рабочей группы при ВПК. Гласные, избранные ещё по цензовому закону, отказали «общественности» в решающем голосе. Тогда представители организаций встали и ушли. Они собрались отдельно, без гласных, постановили создать Омский коалиционный комитет и выбрали его состав из пятнадцати человек. Дума в нём своих представителей не получила. Единственный гласный попал туда не от думы, а от Акмолинского военно-промышленного комитета (Бабикова, с. 64). Старое цензовое самоуправление в Омске просто обошли, как обходят пустое место.

Со 2 по 5 марта такие органы возникли по всей Сибири. В Омске это был Коалиционный комитет, в Иркутске — Комитет общественных организаций, в Черемхове — Общественный комитет. В Красноярске, Якутске, Владивостоке, Хабаровске и Петропавловске-на-Камчатке создали комитеты общественной безопасности, в Томске — Временный комитет общественного порядка и безопасности, в Тюмени и Николаевске-на-Амуре — временные исполкомы, в Тобольске — Комитет общественного спокойствия (История Сибири, т. 3, с. 475). Названия были разные, но суть одна. Их стали звать по первым буквам — КОБа́ми. Создавали их по-разному. Где-то созывали городские управы, где-то политические ссыльные, как в Новониколаевске, Ачинске, Иркутске и Верхнеудинске. В Тобольске, Барнауле и Чите комитеты созвали правления кооперативов. В Якутске, Верхоленске, на угольных копях, приисках и станциях комитеты выбирали прямо на народном митинге. В Томске общественные организации пришли к гласным без приглашения, а сам комитет предложили создать большевики (Бабикова, с. 63–64). Цензовые думы создали комитеты только в Ишиме, Кургане, Татарске, Таре и Петропавловске (Бабикова, с. 62).

Кто сидел в этих комитетах? Советские историки называли их органами «диктатуры буржуазии». Но цифры, которые собрала томский историк Е. Н. Бабикова, говорят другое. По 35 комитетам удалось установить положение 1396 членов из примерно 1850. Цензовиков среди них было 155, из них предпринимателей и торговцев 106, а крупных — не больше семи-восьми. Рядом с ними сидели 237 интеллигентов вместе с чиновниками, 207 мелких служащих, 252 рабочих и ремесленника, 121 солдат, около 260 крестьян, 42 бывших ссыльных, 45 офицеров и 32 священника (Бабикова, с. 74). По партиям, из 322 членов с известной партийностью было 108 эсеров, 91 меньшевик, 17 народных социалистов, 35 большевиков и 62 кадет (там же). Во главе комитетов, кроме Омска, Бийска и Минусинска, где председательствовали кадеты, стояли интеллигенты и бывшие ссыльные, как правило эсеры и меньшевики. Единственным крупным предпринимателем во главе комитета был инженер Огороков в Барнауле, да и тот после Февраля примкнул к народным социалистам (Бабикова, с. 74). Это и не удивительно: вся крупная и средняя буржуазия Сибири вместе с семьями составляла 55–60 тысяч человек, полпроцента населения (Бабикова, с. 52). Править Сибирью ей было просто невозможно.

Томский комитет хорошо показывает, как это выглядело. К 8–12 марта делегатов в него прислали 73 организации, включая профсоюзы, и состав вырос до 165 человек (Помозов 2014, с. 31–60). Распорядительное бюро возглавил адвокат Борис Ган, «беспартийный социалист»; товарищем председателя стал В. И. Анучин, секретарём — младообластник-эсер Михаил Шатилов. От солдат в бюро вошёл большевик Н. Н. Яковлев. В комиссариат по управлению губернией вошёл и П. В. Вологодский (Помозов 2014, с. 31–60). В распорядительном бюро сидели два профессора, присяжный поверенный, офицер, учитель и два бывших ссыльных: два эсера, меньшевик, два большевика и два «беспартийных социалиста» (Бабикова, с. 80). Областники, эсеры, большевики, профессора и солдаты — в одной комнате губернского прав-

ления, куда комитет переехал 6 марта. Такой была сибирская «общественность», которая взяла власть, когда старая рассыпалась.

Что эти комитеты сделали? Под давлением снизу они вводили восьмичасовой рабочий день и регулировали заработную плату в Томске, Барнауле, Новониколаевске, Иркутске, Тюмени, Кургане, Тобольске. Они закрывали черносотенные организации и газеты. В Томске и Чите комитеты отменили обязательные цены правительства и ввели свои, более низкие (Бабикова, с. 81). Комитет Южно-Енисейского горного округа, где рабочими руководили эсеры, ввёл восьмичасовой день, минимум зарплаты, карточки, заменил горную стражу рабочей милицией и арестовал одного владельца за саботаж (Бабикова, с. 81–82). Но были у комитетов и другие стороны. Они приводили к присяге чиновников, переименовывали полицию в «милицию», оставляя тех же людей. Красноярский комитет вопреки крестьянам оставил на местах треть крестьянских начальников губернии. Иркутский в середине марта обязал платить все подати «впредь до создания... новой, более справедливой налоговой системы» и разрешил митинги только под контролем своей секции (т. 3, с. 477; Бабикова, с. 80–81). Комитет хотел порядка, а революция шла дальше.

Дальше всех пошли сельские и волостные комитеты. Здесь не было ни профессоров, ни присяжных поверенных, зато был сход. Луговской сельский комитет Бийского уезда отдал крестьянам церковные и школьные земли, а мешавшего ему священника арестовал. Черноковский волостной комитет разделил церковную землю, назначил духовенству твёрдые оклады вместо платы за требы и запретил лесному ведомству продавать лес. Табаргайский комитет Енисейской губернии взял на себя обязанности мирового судьи (Бабикова, с. 83–84). В Самарове на Оби в комитет сначала выбрали заведующего училищем, торговцев и начальника почты. Тогда крестьяне окрестных деревень вместе с нерусским населением волости, которое не допустили к выборам, 12 мая сами собрали волостной сход и выгнали из комитета восьмерых торговцев (Бабикова, с. 73). Правительство в Петрограде признавало только те волостные комитеты, которые создавали его комиссары (Бабикова, с. 71, 87). Но сибирская деревня об этом не спрашивала. Даже советский историк признавала, что низовые комитеты действовали «не как буржуазные, а как демократические органы» (Бабикова, с. 156).

В те же месяцы далеко от Сибири классовый мир пытались построить по-другому — сверху и на бумаге. В Великобритании в 1917 году правительственный комитет под председательством депутата Джона Уитли предложил создавать в каждой отрасли совместные советы предпринимателей и рабочих, которые будут вместе решать вопросы заработной платы, условий труда и производства. Британские советы Уитли были задуманы в кабинетах, чтобы погасить волну военных стачек, и рабочие отнеслись к ним с подозрением. Сибирские комитеты возникли наоборот: снизу, за два-три дня, из людей, которые пришли без приглашения. Но цель у тех и у других была похожая — удержать хозяина и рабочего за одним столом, пока идёт война. В Британии этот стол простоял ещё долго. В Сибири его через месяц обступили Советы.

7.3. Советы рабочих и солдатских депутатов

10 марта 1917 года совет старост Кольчугинского рудника в Кузбассе принял постановление, которое не утверждал ни один министр. Заработная плата повышалась на 75 %, мужчинам и женщинам поровну, а самым низкооплачиваемым — вдвое. Штрафы отменялись. Болезнь оплачивалась, увечным полагалась пенсия. Рабочий день — восемь часов (Бабилова, с. 142–144; «Советы Томской губернии», Томск, 1976, с. 24–25). Совет старост не был ни партийной ячейкой, ни профсоюзом. Его выбрали сами шахтёры, по баракам и забоям, так же, как пять лет назад на Ленских приисках выбирали барачных старост (6.1). Через неделю после того, как в Томске арестовали губернатора, на руднике уже действовала власть, у которой не было никакого закона, кроме решения тех, кто её выбрал.

Советы появились в Сибири одновременно с комитетами, а кое-где и раньше. 2 марта Совет рабочих и солдатских депутатов возник в Тюмени. 3 марта — в Красноярске, Иркутске и Омске; 4 марта — в Чите, Хабаровске и Владивостоке; 5 марта — в Благовещенске и Барнауле; 5–6 марта — Совет солдатских депутатов в Томске (История Сибири, т. 3, с. 478). Только в марте их было 78, а к июлю — 141 (Бабилова, с. 102). В Ачинске, Чите и Бодайбо Советы возникли раньше комитетов (Бабилова, с. 50). Большинство мартовских Советов — 59 из 78 — создали сами рабочие, и 21 из 36 рабочих Советов возник не в губернском городе, а в дальних посёлках и на станциях. В Омске, Красноярске, Иркутске, Черемхове, на Ленских приисках и в Кузбассе рабочие начинали выборы, «не ждали указаний политических партий». Это признаёт сама Бабилова (с. 104). Партии в первые дни скорее догоняли Советы, чем создавали их.

Там, где Советов ещё не было, рабочие выдумывали свои формы. В Кузбассе это были «советы старост», в Иркутской губернии — «революционные рабочие комитеты», в Киренске — «Союз рабочих», который рабочие создали сами, потому что ссыльные увлеклись комитетом общественных организаций (Бабилова, с. 122, 131). Эти органы вводили восьмичасовой день и минимум зарплаты, вмешивались в наём, создавали свою милицию, снимали администрацию, боролись со спекуляцией. «Революционные рабочие комитеты» на Николаевском заводе, в Усолье, в посёлках Тельма и Ханты в марте–апреле были на месте единственной властью (Бабилова, с. 82, 131). С предприятий Сибири в марте–апреле удалили до восьмидесяти администраторов, из них больше двадцати управляющих (Бабилова, с. 146). А 29 апреля Судженский Совет на собрании с союзом служащих отстранил девяти администраторов копей «за халатное, даже преступное отношение» и передал управление особому совету из восемнадцати человек — от Совета, союза служащих, комитета и инженеров. Производительность выросла, рабочим, солдатам и военнопленным повысили плату (Бабилова, с. 148–149). Рабочее управление на сибирских коях появилось за полгода до Октября и без всякого декрета.

Особенно ярко это видно на Лене. Совет Ленских приисков сразу потребовал от Керенского — того самого, что в 1912 году приезжал сюда с комиссией юристов, а теперь стал министром юстиции, — назвать виновников расстрела (Бабилова, с. 139). На Надеждинском прииске Совет явочно ввёл мировой суд с выборными народными заседателями, отстранил от снабжения администрацию и продовольственный комитет, ввёл нормы, пресекал спекуляцию и торговлю вином (Бабилова, с. 152). Люди, в которых пять лет назад стреляли за требование вежливого обращения, теперь сами судили и сами распределяли хлеб.

Советы солдат были не менее важны, чем рабочие. Сибирские гарнизоны насчитывали больше 220 тысяч человек, в одном Томске — около семидесяти тысяч (Бабилова, с. 131–132). Томский Совет солдатских депутатов создали бывшие нарымские ссыльные из «Военно-социалистического союза» — Н. Н. Яковлев, А. А. Звездов, В. И. Репин, Г. К. Соболевский, Ф. Г. Чучин (Бабилова, с. 106–107). По его инициативе в частях Омского военного округа ввели правило: приказ начальника гарнизона без согласия солдатского комитета недействителен (т.

3, с. 484). Томский солдатский Совет вопреки командованию отправил около десяти тысяч солдат на полевые работы в деревню — туда, где второй год пахали солдатки (Бабикова, с. 145). Армия, которую царь брал у деревни, начала возвращать деревне руки.

В Советах сидели все социалистические партии. В Красноярском Совете большевики имели большинство, в Иркутском поначалу тоже, но потом верх взяли меньшевики и эсеры; в крестьянских Советах эсеры преобладали повсюду (т. 3, с. 479–480). Решения о создании Советов в ряде мест Восточной Сибири принимали общие совещания ссыльных, где вместе с большевиками участвовали меньшевики, эсеры и анархисты (Бабикова, с. 107). 10 апреля лидер красноярских анархистов Владимир Каминский вошёл в исполком Красноярского Совета (Дементьев, с. 255). Но Совет сам по себе не гарантировал радикализма. Уже в апреле Иркутский Совет рабочих депутатов, который возглавляли меньшевики, специальным постановлением запретил стачки без своего разрешения. Рабочие пошли тогда в Центральное бюро профсоюзов (Бабикова, с. 128–129). Советская власть снизу и советская бюрократия появились одновременно.

Деревня Советов почти не создавала. До июля в Сибири возникло всего 16 волостных и сельских крестьянских Советов (Бабикова, с. 105). Эсеры, которые давно опирались на кооперацию и сельскую интеллигенцию, вели крестьян не к Советам, а к выборным комитетам, Крестьянскому союзу и земству (Бабикова, с. 106). Зато первыми возникли уездные, губернские и даже областные крестьянские Советы — например, Западно-Сибирский Совет крестьянских депутатов в Омске, созданный тогда, когда во всём регионе не было ни одного волостного Совета (Бабикова, с. 61–62). Этот перевёрнутый порядок — сначала голова, потом тело — многое скажет нам в главе 8, когда речь пойдёт о пределах народоправства в деревне. Исключения были: в селе Тасееве Енисейской губернии появился Совет батрацких депутатов (Бабикова, с. 60–61). Через два года Тасеево станет столицей одной из самых известных партизанских республик Сибири.

Ровно в эти дни русские Советы нашли подражателей на земле противника. 16 апреля 1917 года по новому стилю, после того как германские власти урезали хлебный паёк, в Берлине и Лейпциге забастовали сотни тысяч рабочих. Лейпцигские рабочие на собрании выдвинули требования, которые прежде не звучали в германских стачках: мир без аннексий, отмена осадного положения, свобода собраний и печати, всеобщее избирательное право. Для проведения стачки они выбрали рабочий совет — Arbeiterrat. Его называют первым рабочим советом Германии, и создан он был прямо по русскому образцу. Руководство профсоюзов поспешило стачку свернуть, а военные власти пригрозили забастовщикам отправкой на фронт. В Германии рабочий совет возник под давлением войны и был сразу задушен профсоюзными вождями и генералами. В Сибири он возник, когда власть рухнула сама, и никто не помешал ему делать то, что делали Кольчугино, Судженка и Лена.

Так в каждом сибирском городе весной 1917 года оказалось по две власти — комитет и Совет. В Петрограде это называли двоевластием. В Сибири всё пошло по-другому.

7.4. Двоевластие по-сибирски: «слияние» властей

5 марта 1917 года Канский Совет солдатских депутатов обсудил, как ему относиться к только что созданному городскому комитету. Решение было необычным для Петрограда, но обычным для Сибири. Совет назвал комитет «народным правлением» и послал туда больше тридцати своих членов (Бабикова, с. 50–51). В тот же день Новониколаевский Совет призвал солдат охранять «высшую власть в городе» — комитет общественной безопасности. Красноярский Совет признал власть местного комитета и отправил туда трёх делегатов. Верхнеудинский 6 марта объявил себя «контрольным органом» при Комитете общественных организаций, а Иркутский 10 марта решил поддержать КООРГ (там же). В столице Совет и Временное правительство с первых дней смотрели друг на друга как соперники. В Сибири Совет и комитет садились за один стол.

Бабикова, писавшая по ленинской схеме «двоевластия», честно признала, что сибирский материал в неё не укладывается. «Переплетение» властей, писала она, местами стало «прямотаки слиянием» (Бабикова, с. 10–11). В Красноярске, Енисейске и Верхнеудинске Советы, комитеты и гласные дум создали общие «соединённые исполнительные комитеты» (Бабикова, с. 51–52). Исполком Иркутского КООРГа к 21 марта наполовину состоял из делегатов Советов. Канский комитет наполовину состоял из членов исполкомов Советов. В Енисейский комитет с начала марта по 11 мая входил весь Совет целиком. В Новониколаевске председатель Совета меньшевик Герман Каменский был секретарём президиума комитета (Бабикова, с. 53–54). Тюменский, Ачинский, Иркутский, Читинский Советы не боролись с комитетами, а добивались большего представительства в них (Бабикова, с. 53). Комитет и Совет были не двумя властями, а двумя дверями в одно и то же здание.

Почему так вышло? Советские историки объясняли это «ошибками» и «соглашательством». Но Бабикова сама заметила то, что опровергает такое объяснение: дольше всего без конфликтов комитеты и Советы жили именно там, где большевиков в комитетах не было. Причина была глубже — в слабости обоих классов, которые по ленинской схеме должны были бороться. В Сибири не было ни сильной буржуазии, ни многочисленного пролетариата. Оба органа заняли одни и те же люди — интеллигенция, служащие, бывшие ссыльные, учителя, кооператоры (Бабикова, с. 54). Председатель комитета вечером шёл на заседание Совета, а член исполкома Совета утром сидел в комитете. Двоевластие было в Петрограде, где стояли друг против друга Зимний дворец и Таврический. В Томске и Иркутске была одна сибирская «общественность», которая просто не успела разделиться.

Эту общность сознательно защищали все социалистические партии Сибири. Иркутские эсеры во главе с Абрамом Гоцем писали 4 марта, что «все силы общественности как цензовой, так и демократической должны слиться в одном мощном напряжении» (Бабикова, с. 44–45). Иркутский ссыльный меньшевик Ираклий Церетели, председатель исполкома КООРГа, считал революцию буржуазной, а попытку социалистов взять власть — путём к гражданской войне и разрухе. Советы он называл «центрами сплочения и политического воспитания» трудящихся (Бабикова, с. 44). Бабикова прямо пишет, что взгляды Церетели как министра и председателя ВЦИК «сложились в основном в Иркутске» (там же). Сибирская коалиция весной 1917 года стала прообразом коалиции всероссийской. Даже большевики говорили так же. Большевик Н. А. Алексеев на съезде Советов Восточной Сибири в апреле заявил: «Не может быть и речи о двоевластии... есть единственная власть революционного народа» (Бабикова, с. 35–36). Томские большевики считали местный комитет «местным временным революционным правительством» и потому затянули даже слияние рабочего Совета с солдатским (Бабикова, с. 41). А в Ачинске 4 марта Лев Каменев, будущий член Политбюро, огласил телеграмму с благодарно-

стью великому князю Михаилу, «показавшему пример подчинения воле народа» (Бабикова, с. 40). Тот самый Каменев, который через восемь месяцев будет председателем ВЦИК.

Мы не считаем это сибирское «слияние» ни ошибкой, ни заговором. Весной 1917 года Сибирь на короткое время получила то, о чём мечтал Потанин: власть, которую создали сами сибиряки, — из всех слоёв, снизу, без назначенцев из Петербурга. Комитеты и Советы вместе разоружили полицию, открыли тюрьмы, ввели восьмичасовой день и снизили цены. В Томске из этого слияния вырастет народное собрание, избранное всеобщим голосованием, о котором мы расскажем в главе 8. Но у сибирского единства была и слабость, которую нельзя не видеть. Оно держалось на общем враге — монархии, — а когда враг исчез, общий интерес профессора, шахтёра и купца стал быстро кончаться. Уже в апреле–мае «соединённые исполнительные комитеты» повсюду были ликвидированы (Бабикова, с. 51–52). Красноярский, Канский, Енисейский Советы начали действовать как самостоятельная власть. В Иркутске, Минусинске и Тобольске, наоборот, фактически правили одни комитеты и комиссары (Бабикова, с. 55). Слияние распадалось на две части, которые через год встанут по разные стороны фронта.

Сибирская коалиция весны 1917 года была не единственной в бывших владениях империи. В Финляндии 26 марта 1917 года по новому стилю было сформировано новое правительство — сенат, где шесть мест получили социал-демократы и шесть — буржуазные партии. Его возглавил социал-демократ Оскари Токой, бывший шахтёр и лесоруб. Это было первое в мире правительство во главе с социал-демократом, пусть и в коалиции. У финнов было то, чего не было у сибиряков: свой сейм, выбранный всеобщим голосованием, и своя конституция, восстановленная Временным правительством в марте. Поэтому финская коалиция была законной властью, а сибирская — явочной. Но кончили они похоже. Летом сейм принял закон о собственной верховной власти в Финляндии, и Временное правительство его распустило. Коалиция Токоя развалилась, а через полгода бывшие партнёры по сенату воевали друг с другом. Петроград, демократический или нет, не терпел окраины, которая решала свои дела сама.

Петроград хотел, чтобы на местах была не коалиция местных людей, а его собственный представитель. Он нашёл такого представителя в фигуре правительственного комиссара.

7.5. Правительственные комиссары

13 мая 1917 года губернский комиссар Временного правительства по Енисейской губернии Владимир Крутовский отправил в Петроград телеграмму. Канский Совет, сообщал он, не признаёт Временного правительства, решил реквизировать весь хлеб и запретил вывоз хлеба и товаров из уезда (Бабикова, с. 151). Немного раньше он телеграфировал о Красноярском Совете: «Совет... постановил в случае моего отказа выдать из казначейства аванс до 300 тысяч рублей, меня арестовать. Прошу срочно распоряжений» (Бабикова, с. 147). Это был тот самый Крутовский, который в мае 1905 года первым предложил выборную думу для всей Сибири (5.1). Через двенадцать лет старый областник оказался представителем петроградской власти, а красноярские рабочие грозили ему арестом. Эта сцена — неудобная для нас, и именно поэтому её надо рассказать.

Институт комиссаров Временное правительство учредило 4 марта 1917 года. Вместо губернаторов и исправников на местах появились губернские и уездные комиссары. Губернский был, по закону, «носителем власти Временного правительства» с правами губернатора, уездный — с правами исправника и крестьянского начальника. Губернским комиссарам разрешили вызывать войска «для подавления беспорядков» и запрещать организации, «подрывающие основы» строя (Бабикова, с. 87–88). Сначала комиссарами стали городские головы, потом Петроград прислал особоуполномоченных. Степным краем в Омске правил И. П. Лаптев, Дальним Востоком — А. Н. Русанов, в Томск приехал кадет профессор Е. Л. Зубашев, в Якутии комиссаром стал ссыльный большевик Г. И. Петровский, бывший депутат IV Думы (Бабикова, с. 87–88; Помозов 2014, с. 323–324). Циркуляр 15 апреля поставил при уездном комиссаре «уездный съезд» из его помощников, податного инспектора и чиновников Переселенческого управления — тех самых, что нарезали «излишки» (Бабикова, с. 89). Крестьянского начальника выгнали, а его работу передали переселенческому чиновнику.

Сибирь ответила на назначения сразу и почти единодушно. Против выступили Новониколаевский, Тайгинский, Енисейский Советы и Томский Совет солдатских депутатов. Недовольство выразили и Омский коалиционный комитет, и Иркутский КООРГ, и Томское губернское народное собрание (Бабикова, с. 89). Енисейский Совет разослал телеграмму в «Правду» и всем Советам Сибири: крестьянским начальникам «возврата нет», признаются только органы, созданные «самим народом» в уезде, а «назначаемые чиновники смогут повелевать только через наши трупы» (Бабикова, с. 150–151). Ленин откликнулся на неё статьёй «К чему ведут контрреволюционные шаги Временного правительства?» и похвалил «здоровое демократическое чувство» енисейцев (т. 3, с. 483–484). Красноярский Совет назначил своих комиссаров во все учреждения, взял под контроль телеграф и печать. Б. З. Шумяцкий заявил на VI съезде большевиков, что комиссар Временного правительства в Красноярске «существует только номинально» (Бабикова, с. 151–152). В Канске Совет в мае объявил себя высшей властью в уезде, отстранил уездного комиссара и передал его обязанности председателю исполкома большевику Николаю Коростелеву (Бабикова, с. 91).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.